

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

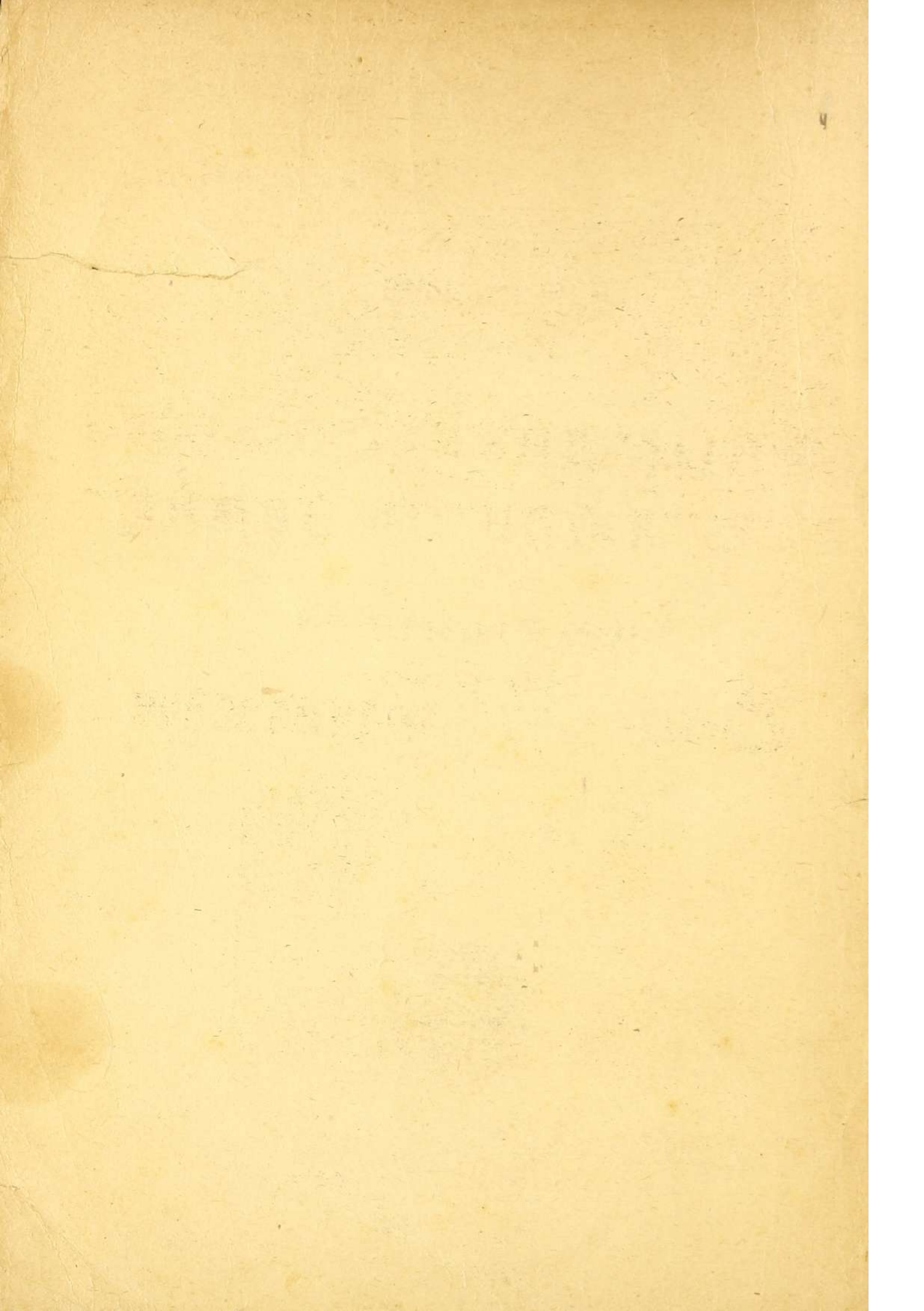
Для отзыва
For reviewing

Н. А. Рубакинъ.
САМЫЕ ДИКИЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОВЕТОВ Р. С., К. и К. ДЕПУТАТОВ. МОСКВА—1919.

26.89
P82

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!“

Н. А. РУБАКИН

САМЫЕ ДИКИЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ.

Рассказ о холодном юге.

С рисунками.

ДАР
А.С. ПОЛЕВОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КАЗАЧЬИХ и КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ
МОСКВА—1919.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК
78687

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ИЗД.
В. С. ПОЛЕВОЙ

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКС, Петроград, Измайл. пр., 29.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Чудак-капитан Аллен Гардинер.

Два матроса.

На набережной реки Темзы, в Лондоне, сидел в 1850 году матрос Джон Пирс и задумчиво покуривал свою трубку-носогрейку. Нельзя сказать, чтобы Джон Пирс был очень весел. Да и веселиться ему было не с чего. Вот уже четыре месяца, как он мается без всякой работы,—бьется-бьется, ищет-ищет, но достать ее нигде не может; везде ему говорят: „Места нет, занято. Без тебя людей много!“ Джон Пирс все пристани исходил, на всех кораблях побывал, у всех капитанов спрашивал, не нужен ли им матрос,—да еще какой матрос,—опытный, крепкий, непыющийся. Чего уж лучше этого? А ему в ответ попрежнему говорят: „Места нет. Занято! Без тебя людей много!“

Куда же теперь идти? За какую работу взяться? На какие деньги хлеба купить? Денег уж ни копейки нет,—все вышло...

Вот и сидит бывалый, опытный матрос Джон Пирс и печально покуривает свою трубочку. И не знает, и не ведает он, доведут ли ему еще придется так курить и будут ли у него еще деньги хоть на табак-то...

А мимо него снуют да снуют люди,—и матросы, и чернорабочие, грузчики кораблей, и торговцы, и солдаты, много-много людей. Ведь Лондон—самый большой город на всем свете, — в нем живет несколько миллионов народа. И все эти люди ведь жить хотят, и все добиваются лучшего. И как же иначе?.. Коли я имел право родиться на свет, разве я не имею права жить? А коли я имею это право, разве я не имею права работать и есть, и потребовать себе работы? „А вот и не имеешь, потому свет, пока что, так уж устроен: нет у тебя никакой работы,—только и всего, а, значит, и есть тебе нечего!.. Несправедливо, право слово, несправедливо устроен свет!“

Горькую думу думал Джон Пирс, и от этой думы не стало ему на душе легче...

— Джон Пирс! Никак это ты! — вдруг раздался над его ухом чей-то громкий и резкий голос.

— Иосиф Эрвин! Товарищ! — воскликнул в свою очередь Джон Пирс и быстро вскочил на ноги.

Иосиф Эрвин, корабельный плотник, был старый друг-приятель Пирса. Не раз приходилось им вместе плавать по далеким морям на одном корабле и делить пополам все морские опасности. А опасности, как известно, людей

сближают; как не быть друзьями, коли приходилось вместе бывать на волосок от смерти? Вот такими друзьями были Иосиф Эрвин с Джоном Пирсом. Но жизнь матросская всем известна: сегодня матрос здесь, а через месяц он уж за тысячу верст; один друг плывет на корабле на север, а другой на юг; поплыли и разъехались... А земля ведь велика,—в самом большом обхвате считается ей сорок тысяч верст, а в поперечнике двенадцать тысяч, а поверхность земли считается величиной в пятьсот десять миллионов квадратных верст, а моря ведь занимают две трети, то-есть триста сорок миллионов кв. верст. Ну как на таком громадном пространстве двум человекам встретиться? Разъехались — и потеряли друг друга из виду на несколько лет, пока опять не занесла судьба в одно и то же место и в одно и то же время. А ведь такие случаи в жизни бывают не часто...

Вот и Джон Пирс не видал Иосифа Эрвина уже несколько лет. И вдруг — такая встреча! Вот-то радость, вот счастливый случай! Тотчас же у друзей-приятелей пошли длинные разговоры о том, кто где был и кто что видел, и куда кто собирается, и что думает делать. Прежде всего выложил всю свою душу Джон Пирс. Он долго ее выкладывал, — и ворчал, и горевал, и плакался, и жаловался на судьбу, а когда кончил, то махнул изо всех сил рукой, громко крикнул на [всю улицу „э-эх-ма!“, засмеялся и сказал приятелю:

— Вот так-то оно и есть. А впрочем, всяко бывает! Горевать все же не полагается. Жить ведь все-таки лучше, чем умереть. Знаешь такую песенку:

Я доволен белым светом:
Для меня он—тот же дом.
Эка важность, что, при этом,
Нет ни стен, ни крыши в нем,
Что тепло в нем—только летом,
А светло в нем—только днем!

Оба приятеля весело засмеялись во все горло.

— А ты куда собираешься?—спросил наконец Пирс.

— Я-то?—серьезно сказал Эрвин. — Я уеду в такие края, о каких ты знать не знаешь и ведать не ведаешь. Я, брат, еду к самым диким людям на земле!..

— Ты шутики шутишь! — воскликнул Пирс. — Чего тебя тянет в эти края,—разве других лучше нет?

— А не все ли равно, куда ни ехать? Не хочешь ли и ты со мною?

Джон Пирс опять громко рассмеялся.

— Вот еще чем угощает!

— Я еду, брат, на край света,—на самый дальний конец Южной Америки, на острова Огненной Земли..

— Никогда я там не бывал,—угрюмо сказал Джон Пирс. — Не бывал, да и бывать-то там не хочется... Потому что об Огненной Земле я уж слышал, и много слышал, и все худое...

— А я все-таки вот еду туда. Дело решеное!

Капитан Аллен Гардинер.

И Иосиф Эрвин стал рассказывать своему приятелю, почему он решил пуститься в такой далекий путь.

— Видишь, в чем дело-то,—сказал он.—Лет пять тому назад познакомился я тут с одним господином. Вот человек удивительный,—никогда таких

видал на своем веку, хотя уж сорок лет прожил на белом свете. Душа, а человек, я тебе скажу,—просто не от мира сего. Фамилия его—Гардинер, мя—Аллен. Ведь ты не слыхал про такого? Разумеется, нет,—где о нем шать? Он в глаза не бросается, а сам о себе молчит.

— Да кто он такой?—спросил Пирс.

— Он моряк, да еще капитан,—морскому делу учился, хотя, по правде сказать, знает его не очень-то хорошо; а все же по океанам плавал, кораблями командовал. Вот мне и случилось плавать с ним. Года четыре, пока нет меня к нему, да и только, словно без него и жить никак не могу. Вот и странствуем теперь по свету все вместе,—куда он, туда и я.

— Не слыхал я ничего об Аллене Гардинере,—сказал Пирс.

— Уж он теперь не молодой человек,—продолжал свой рассказ Эрвин.—му теперь 50 лет. Родился он в Бергшире, близ Валлингфорта, —учился в-чему... Но дома не засиделся,—пошел в моряки. Еще с молодых лет по морям плавает. Кажется, во всех морях успел побывать. Вот однажды с ним случилось событие (он мне о нем сам рассказывал). Приплыл он в китайский город Шанхай. Высадился на берег, пошел бродить по улицам. Видит—красивый китайский храм. Дай, думает, зайду туда, посмотрю, как китайские люди молятся. Вошел в храм, видит там множество народа, —мужчин, женщин, детей,—и все молчат, опустив головы. А по стенам храма, на особых подставках, стоят все идолы, идолы,—множество идолов, деревянные, каменные, золотые, серебряные, большие, малые, и все безобразные, противные, один другого хуже. Вот этим самым идолам люди и молятся, да еще как! Прилежно, от всей души. А женщины даже плачут, заливаются. А тут же китайский священник — „бонза“—тоже что-то священнодействует, бормочет, старается, а другой бонза деньги собирает, а люди-то, люди, знай, молятся. Молятся — и дают... Капитан Гардинер смотрел-смотрел на это зрелище, и на душе у него сделалось очень нехорошо. И тяжело стало, и стыдно, —понимаешь,—за тех стыдно, за идолопоклонников. Когда служба ихняя кончилась, подошел он к одному пожилому, почтенному купцу-китайцу, умевшему говорить по-английски, и спросил его: „Чего это вы так стараетесь перед деревянными-то идолами? Разве они что-нибудь могут сделать?“—„Разумеется, могут,—отвечал купец,—кто попросит их поприлежнее да пожертвует,—ну и выйдет по его желанию“.—„И с тобой так случалось?“—спросил капитан. „Случалось, и даже не раз!“—спокойно ответил купец. „Да это и без твоего бы моления и без всяких пожертвований случилось!“—воскликнул капитан. „А ты почему это знаешь и как разберешь, что случается от молений, а что не от них?“—спросил спокойно купец.—Ты вот думаешь, что не от них, а я и мои отцы, и деды, и прадеды думали и думаем, что от них. А ведь это были люди умные-умные“... Капитан пошел к бонзе и спросил его о том же самом. Бонза ответил совсем так же, как купец, да еще прибавил: „Идолы для народа нужны, а настоящая наша вера их не требует. Они только для наглядности. Кто может обходиться без внешних пособий, пусть без них и обходится,—мы ему в этом не препятствуем“.—„А зачем же вы тогда перед народом разговариваете с идолами? Зачем народ морочите?“—воскликнул капитан. „Нельзя такой народной веры не поддерживать,—отвечал спокойно бонза.—Коли народ от храмов отстанет, то не за что будет держаться и настоящей вере в его душе“.—„Значит, ваша вера не настоящая!“—воскликнул капитан. „А твоя настоящая?“—спокойно спросил бонза. „Разумеется, да“.—„Каждый считает свою веру лучшей, а чужую—не настоящей“,—сказал бонза. „Это от

не видал на своем веку, хотя уж сорок лет прожил на белом свете. Душа, а не человек, я тебе скажу,—просто не от мира сего. Фамилия его—Гардинер, а имя—Аллен. Ведь ты не слыхал про такого? Разумеется, нет,—где о нем слышать? Он в глаза не бросается, а сам о себе молчит.

— Да кто он такой?—спросил Пирс.

— Он моряк, да еще капитан,—морскому делу учился, хотя, по правде сказать, знает его не очень-то хорошо; а все же по океанам плавал, кораблями командовал. Вот мне и случилось плавать с ним. Года четыре, пожалуй, плавали вместе,—ну и привязался к нему,—всей душой,—а он ко мне. Тянет меня к нему, да и только, словно без него и жить никак не могу. Вот мы и странствуем теперь по свету все вместе,—куда он, туда и я.

— Не слыхал я ничего об Аллене Гардинере,—сказал Пирс.

— Уж он теперь не молодой человек,—продолжал свой рассказ Эрвин.— Ему теперь 50 лет. Родился он в Бергшире, близ Валлингфорта, — учился кой-чему... Но дома не засиделся, — пошел в моряки. Еще с молодых лет по морям плавает. Кажется, во всех морях успел побывать. Вот однажды с ним и случилось событие (он мне о нем сам рассказывал). Приплыл он в китайский город Шанхай. Высадился на берег, пошел бродить по улицам. Видит—красивый китайский храм. Дай, думает, зайду туда, посмотрю, как китайские люди молятся. Вошел в храм, видит там множество народа, — мужчин, женщин, детей,—и все молчат, опустив головы. А по стенам храма, на особых подставках, стоят все идолы, идолы,—множество идолов, деревянные, каменные, золотые, серебряные, большие, малые, и все безобразные, противные, один другого хуже. Вот этим самым идолам люди и молятся, да еще как! Прилежно, от всей души. А женщины даже плачут, заливаются. А тут же китайский священник — „бонза“—тоже что-то священнодействует, бормочет, старается, а другой бонза деньги собирает, а люди-то, люди, знай, молятся. Молятся — и дают... Капитан Гардинер смотрел-смотрел на это зрелище, и на душе у него сделалось очень нехорошо. И тяжело стало, и стыдно, — понимаешь,—за тех стыдно, за идолопоклонников. Когда служба ихняя кончилась; подошел он к одному пожилому, почтенному купцу-китайцу, умевшему говорить по-английски, и спросил его: „Чего это вы так стараетесь перед деревянными-то идолами? Разве они что-нибудь могут сделать?“—„Разумеется, могут.—отвечал купец,—кто попросит их поприлежнее да пожертвует,—ну и выйдет по его желанию“.—„И с тобой так случалось?“—спросил капитан. „Случалось, и даже не раз!“—спокойно ответил купец. „Да это и без твоего бы моления и без всяких жертвований случилось!“—воскликнул капитан. „А ты почему это знаешь и как разберешь, что случается от молений, а что не от них?“—спросил спокойно купец.—Ты вот думаешь, что не от них, а я и мои отцы, и деды, и прадеды думали и думаем, что от них. А ведь это были люди умные-умные“... Капитан пошел к бонзе и спросил его о том же самом. Бонза ответил совсем так же, как купец, да еще прибавил: „Идолы для народа нужны, а настоящая наша вера их не требует. Они только для наглядности. Кто может обходиться без внешних пособий, пусть без них и обходится,—мы ему в этом не препятствуем“.—„А зачем же вы тогда перед народом разговариваете с идолами? Зачем народ морочите?“—воскликнул капитан. „Нельзя такой народной веры не поддерживать,—отвечал спокойно бонза.—Коли народ от храмов отстанет, то не за что будет держаться и настоящей вере в его душе“.—„Значит, ваша вера не настоящая!“—воскликнул капитан. „А твоя настоящая?“—спокойно спросил бонза. „Разумеется, да“.—„Каждый считает свою зеру лучшей, а чужую—не настоящей“,—сказал бонза. „Это от

темноты, от незнания“, — сказал капитан и ушел из храма. И решил он с тех пор, что морское дело следует ему совсем бросить, потому это дело не настоящее, пустое, а самое настоящее дело — темных людей уму-разуму учить, всяческие человеческие глупости и заблуждения обличать, неправду открывать, настоящую жизнь показывать. С этих самых пор капитан всякие морские книги, значит, по боку, взял себе одну Библию, и давай ее читать, и думать над ней, и раздумывать, и всячески изучать. „Евангелие, говорит, всем книгам книга, самая настоящая, а все прочие перед ней — сущие пустяки“. И вот тут с ним что-то такое и сделалось, — совсем другим человеком стал. Прежде всего бросил он думать о деньгах, о жалованьи, перестал о своих удобствах заботиться, — все стал делать для других, все не для себя. Тут у нас на корабле матросик случайно потонул, после него большая семья осталась. Капитан взял да и отдал семье половину своего заработка, а остальную отложил да и говорит мне: „Это я тоже не для себя оставил, а для других, таких же бедняков“. „Что вы, говорю, капитан, а вашей-то семье останется ли?“ „У меня нет семьи, нет жены и детей, — отвечает он, — мне больше ничего не надо, только бы сытым быть да людям служить и Евангелию учить“. И правда, очень скоро капитан и остальные свои деньги роздал, а там и пошло, и пошло. Такой хороший стал, — никогда таким и не бывал. Все на него смотрят, удивляются. Разумеется, с первого взгляда видно, — человек этот на других не похож. Раньше все думали, что на нашего капитана просто-напросто блажь нашла. Но нет, человек, как человек, только очень уж добрый и душевный, а самое важное, себя не жалеет, для других старается, своим поступается. Я к нему тут и привязался, — куда он, туда и я. А он ездит и всюду Евангелие старается растолковывать. Были мы в Китае, потом оттуда поехали в Южную Африку, а оттуда в Америку, в Чили, Буэнос-Айрес, значит, можно сказать, „по всему свету туда-сюда“. Бродили-бродили из страны в страну, а капитан словно места найти себе не может.

— Чудно что-то, — сказал Джон Пирс и стал набивать свою трубку-носогрейку.

— Да, чудно с первого взгляда кажется, — продолжал свой рассказ Эрвин. — Вот я раз и спрашиваю капитана: „Вы это что же, капитан, из страны в страну мечетесь, и почему подолгу нигде не заживаетесь? Ведь, кажется, везде люди — люди и в правильной жизни нуждаются. И чего это вы везде ищете? Или потеряли что?“ А капитан мне на это отвечает: „Да, потерял, — спокойствие души потерял, — вот и ищу, где бы это мне себя лучше приспособить к настоящему делу, чтобы приносить пользу людям таким, о которых без меня никто не позаботится“. — „Да ведь такие люди везде есть“, говорю. „Правильно, — отвечает он, — везде. Только я, говорит, хочу помогать самым жалким, самым несчастным людям, какие только есть на земле: мне, говорит, их больше всего жаль. Вот я и ищу по всему свету, где живут эти люди — самые жалкие, самые беспомощные“. — „Да ведь такие во всяком народе есть, — говорю. — Всех и надо учить правильной жизни, правильной понятию, чтобы никто себя в обиду не давал“. — „А я не так думаю, — говорит. — Надо, чтобы никто никого не обижал“. — „А я думаю, говорю ему, первое дело, чтобы никто в обиду себя не давал, — так-то лучше будет“. Тут с моим капитаном что-то сделалось. Вдруг он как вскочит да закричит: „Перестань! перестань! Ты сам язычник! ты сам не христианин. Я всей своей жизнью покажу, что первое дело в жизни — никому обиды не чинить и даже мысль о ней из сердца вырвать! Но и этого еще мало. Помогать нужно всем и всячески, чтобы на земле поменьше было разных мучений и страданий, а по-

больше бы добра и любви“. Я слушаю, молчу и про себя думаю: „Ладно! Посмотрим, как-то ты еще этак проживешь“. А все-таки, думаю, какой славный человек капитан. Он даже когда сердится — и тогда бывает добряк-добряком!

— Чудной человек,—сказал Пирс.

— А все-таки, говорю я капитану, вашими добрыми делами вы могли бы заниматься и в Китае, и в любой стране.

Самые дикие люди на земле.

— Вот таким способом,—продолжал Эрвин,—мой капитан и решил, что его дело — дикарей учить, настоящих дикарей, потому что это и есть люди самые жалкие, самые несчастные, самые обиженные и заброшенные, и им самим без чужой, братской, христианской помощи никогда из своего положения не выбраться и своего житья-бытья к лучшему не перестроить, и до правильной жизни не додуматься. „Уж этих-то людей, говорит капитан, наверно, я кой-чему научить могу, даже по тому одному, что сам я не дикарь и знаю Евангелие“. Ты только посмотри да оцени, какая у этого человека скромность! Вот мы и поехали к дикарям, в Патагонию.

— Это где же такая страна?—спросил Пирс.

— А на южном конце Америки, в Аргентине *). Начинается она верст за семьсот от города Буэнос-Айреса, за рекою Рио-Негро. Есть там такая река. За ней кончаются и леса, и дуга, начинается настоящая полумертвая пустыня, где и травы-то даже мало растет. Страна печальная, неуютная, бедная, холодная. Вот там и живут индейцы-дикари. Называются они пуэльчами, тегуэльчами, арауканцами. Народ довольно смирный и добродушный, пока вина не напился. А уж коли кто напился,—и совсем зверь стал. Тогда беда с ним. А так, без этого вина, живут эти дикие люди тихо да смирно; вреда никому не делают, пищу добывают охотой, а шкуры убитых зверей пускают на продажу, в обмен на другие товары.

— А коли дикари эти хорошо живут, так вас-то зачем туда повесело?—спросил, улыбаясь, Пирс, попыхивая своей трубочкой.

— Да я и сам хорошенько не понимаю, — сказал Эрвин. — А капитан вот рассуждает по-своему. „Кто дикий, говорит он, тот, наверное, несчастный, потому что он настоящей веры не знает, — значит, надо его этой настоящей вере научить, — тогда он будет счастливее. Если дикари узнают настоящую веру, то и перестанут быть дикарями“. Так капитан говорит, а я слушаю и не понимаю. Мне невдомек, почему это так? Неужто правда, что дикарь сможет перемениться от одной перемены веры? Много дикарей я видал на своем веку, — и худых, и хороших. И правду скажу: иные язычники-дикари лучше многих христиан живут; значит, и со своей верой они превосходно свою жизнь устроили. И зачем нам в их дела вмешиваться? Пусть живут, как знают. Но нет,—капитан говорит мне: „Я решил ехать к самым диким людям на земле! Вот где мое настоящее место. Вот где я сделаю не мало добра разным людям! Друг Эрвин, душа моя жертвы просит, я без этого жить не могу. Я должен отдать всего себя на пользу, на благо последним из последних людей,—в этом и есть смысл всей моей жизни!“ Вот что сказал капитан, да еще как сказал! Он словно сейчас передо мной: голос его дрожит, на глазах слезы; видно по всему,—тяжело ему.

*) Об Аргентине рассказано в книжке И. Рубакина: „В пампасах“.

— Блажь одна,—сказал Пирс и ухмыльнулся.

— Что ты мне говоришь, блажь!—воскликнул сердито Эрвин.—Как ты можешь говорить такие слова, пустая ты голова! Какая же это блажь, когда человек самого себя не жалеет, всю жизнь свою другому отдает! Где же такая блажь видна? Человек плачет, страдает, мучается, вся душа у него горит, а ты говоришь—блажь! Дура ты голова,—не умеешь отличить хорошего человека от дурного, — только и всего... Никакой блажи у нашего капитана нет, а просто-напросто его хорошая, огненная душа наружу рвется.

— А ты сам про него говорил, что человек-то он не очень сведущий,—вставил свое слово Пирс.

— Сведущий, сведущий,—ты душу цени, душу, а ты вот про что мне толкуешь!—горячо воскликнул Эрвин.

— Ну, дальше, дальше рассказывай!—сказал Пирс.

— Вот я капитана и спрашиваю: „А кто же это самые дикие люди на земле? Как их узнать и где их отыскать?“—„А об этом я еще подумаю как следует, расспрошу и разузнаю“,—отвечал капитан. И правда, он принялся за книги; стал читать разные путешествия; стал беседовать с моряками, с разными заграничными проповедниками. Одни говорят ему, что самые дикие люди на земле, это—эскимосы; живут они в холодной стране в Северной Америке, на берегах Ледовитого океана, жизнь ведут самую несчастную и дикую. Другие говорят капитану, что самые дикие люди на земле не эскимосы, а бушмены *). Эти люди живут на другом конце земли, в Южной Африке. Эскимосы изо льда дома строят, а бушмены не умеют строить никаких домов, кроме загоронок от ветра и шалашей. У эскимосов хоть собаки есть, а у бушменов никаких домашних животных нет. Значит, эскимосы—люди еще не самые дикие. А капитан говорит: „Бушменов я знаю, но я думаю, что есть на земле люди еще более дикие, чем они“.

— Кто такие?—спросил Пирс.

— А жители Огненной Земли, пещерасы. Эти живут куда хуже южно-африканских бушменов. Огненная Земля гораздо холоднее, чем Южная Африка. В стране бушменов лед не тает летом только на самых высоких горах, а на Огненной Земле в иных местах лед круглый год лежит у самого моря. „Что бушмены, что пещерасы,—все одно; и те, и другие—самые дикие люди на земле, только жизнь пещераса, говорили капитану бывалые люди, куда трудней **). Вот он думал-думал, читал-читал, справлялся-справлялся, а потом взял да и решил: „Вот моя судьба,—говорит.—Я должен ехать на эту самую Огненную Землю. Должен я нести именно туда свет и Христово учение, и наши знания, науку, искусства, ремесла. Именно на эту Огненную Землю, к этим самым пещерасам“.

— Ну, а с деньгами как? Откуда вы денег-то взяли на такое длинное путешествие?—спросил Пирс.—Ведь оно не дешево стоит...

— Какие уж тут деньги? Ни самой малой монетки у нас тогда не было. Сами впроголодь жили, на чердаке, на седьмом этаже, за неимением восьмого. По целым дням один черный хлеб ели... Я на работу стал ходить, бочки с кораблей выгружать; получу, бывало, деньги, куплю хлеба да и кормлю им капитана, словно ребеночка.

— А сам-то он что же?—спросил Пирс.

*) Об эскимосах рассказано в книжке Н. Рубакина „На плавающих льдинах по Ледовитому океану“. О бушменах рассказано в его же книжке „Гибель корабля „Гровенор“.

***) Из книги „Im kalten Süd“.

— А у него другое дело было,—он по целым дням ходил и у разных господ деньги собирал.

— Для своей еды, на пропитание?—спросил Пирс.

— Да нет же, чудак ты этакий, на просвещение этих самых дикарей пешересов. Достанет какую-нибудь монетку или бумажку—и положит ее в сумочку; деньги эти лежат да лежат, а мы сидим около них и голодаем да голодаем. Я однажды и говорю капитану: „Да вы, капитан, хоть бы в долг взяли из этих денег себе и мне на хлеб“. А капитан на меня за это рассердился: „Что ты! Что ты! Да как это можно! Да разве эти деньги мои и мне даны? Да разве я смею их отнимать от бедных, несчастных дикарей,—от самых-то диких людей на земле?.. И говорить мне об этом не смей, потому эти деньги не мои, а в роде как святые...“ Я и замолчал. А капитан все собирал да собирал и в конце концов ведь набрал-таки. Пристанет к иному фабриканту или помещику, или купцу, словно с ножом к горлу: „Вам,—говорит,—в ваших хоромах хорошо и тепло живет. А знаете ли вы, как живут самые дикие люди на земле?“ И пойдет, и пойдет, а потом как закричит: „Несправедливо этих несчастных дикарей забывать, несправедливо! Мы должны, мы обязаны им помогать!“ Иные слушают-слушают, да и дадут что-нибудь, а другие и на порог перестали пускать капитана: „Чего, мол, вы к нам пристаёте? Мы, мол, сами по себе, а дикие люди—сами по себе“. Но все же иные раскошелились.

— Ну и что же?—спросил Пирс.

— Деньги-то нашлись. Старушка тут одна встретила. Капитан очень по душе ей пришелся. Она и говорит ему: „До сих пор я деньги на бедных земляков жертвовала; хочу вот теперь пожертвовать сколько-нибудь на пользу самых диких людей на земле“. И дала десять тысяч рублей.

— Да ведь и на эти деньги далеко не уедешь,—сказал Пирс.

— Еще и другие нашлись. Теперь мы по-настоящему собираемся, людей ищем, две больших шкуны снаряжаем, провизию закупаем, работы по горло...

— Вот оно что!—сказал Пирс.—А я тут без работы сижу!

— Так не хочешь ли и ты ехать с нами?

— Как бы на тот свет с твоим капитаном не уехать!

— Глупости говоришь,—сердито сказал Эрвин.—Мой капитан вот какой человек: он сам погибнет, а другого никому в обиду не даст.

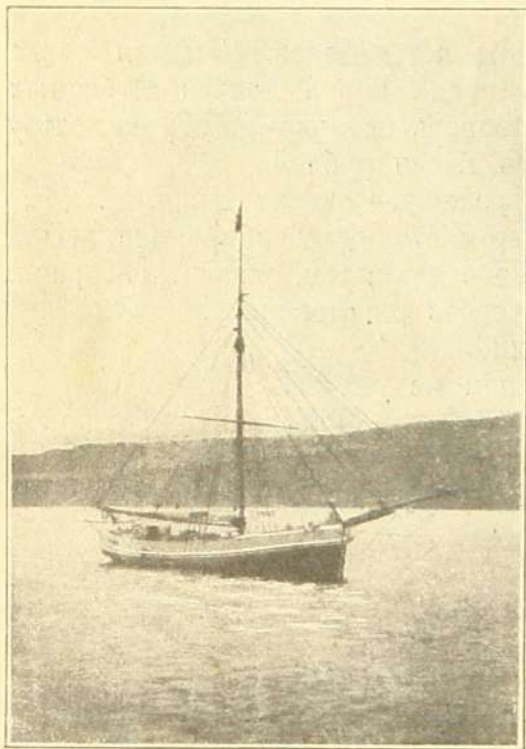
— Друг мой, Иосиф Эрвин!—весело воскликнул Джон Пирс.—Была не была,—я еду с вами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В дальнюю дорогу,—на Огненную Землю.

Сборы в дорогу.

Капитан Аллен Гардинер усердно собирался в далекий путь. Разных хлопот было не мало. Приходилось и корабль подыскивать, и людей нанимать; нужно было добыть и прочесть еще много разных хороших научных книг, где говорится об Огненной Земле и об ее жителях. Впрочем, о таких книгах Гардинер не очень-то заботился. Он говорил, что „всем книгам книга — Евангелие, а остальные не так важны“. Приходилось и о деньгах подумать, потому что на такое далекое путешествие денег было все же очень маловато.

Шкуна, приспособленная для экспедиции в далекое плавание.

Аллен Гардинер решил, что прежде всего он должен купить себе две небольших шкуны: одна шкуна будет служить для постоянного жилья в ней, на тот случай, если дикари станут враждовать, а другая — складочным местом для разных орудий и провизии. Шкуны должны быть выбраны небольшие, но крепкие, чтобы в случае нужды можно было плыть на них далеко от берега. Они должны быть поместительные, теплые, — в них ведь придется укрываться от морозов и ветров.

Долго искал Гардинер такие шкуны, но нигде подходящих не было. Наконец разыскались две каких-то. Но вот была беда, — эти шкуны были не новы и кроме того, не очень-то легки на ходу. Эрвин

говорил Гардинеру: „Вы, капитан, лучше уж закажите для себя новые, — эти больно неповоротливы!“

— Ах, мой друг, — отвечал на это Гардинер, — да ведь, чтобы новые заказывать, — нужно больше денег иметь и время терять, когда-то их еще выстроят. А где уж у нас лишние деньги и лишнее время? Каждый грош мы должны жалеть. Как-нибудь обойдемся и с этими шкунами.

И Гардинер купил их. Они были починены, покрашены, а палубы их обиты толстым железом. На каждой шкуне была поместительная каюта, а на палубах было по маленькой, но крепкой лодочке. Решено было поставить обе шкуны на какой-нибудь большой океанский пароход и добраться таким способом до Огненной Земли. Плыть через огромный океан на маленьких шкунах, разумеется, было невозможно.

Когда шкуны были уже куплены, Гардинер стал закупать разные вещи для дальнего похода и запасы еды. Купил, сколько нужно, теплой одежды: фуфайки, кожаные куртки, высокие сапоги; купил морские карты, подзорные трубы, плотничьи инструменты, посуду, ножи, ружья, пороху, свинца для пуль. Разной еды было куплено месяцев на шесть. Иосиф Эрвин всеми силами помогал своему капитану. Он то и дело спрашивал у него:

— Не забыли ли чего, капитан? Лучше берите больше, чем меньше... Огненная Земля—страна холодная и голодная. На охоту рассчитывать нечего, лучше побольше с собой взять.

— Знаю, знаю!—отвечал капитан, а сам действовал по-своему.

Фельдшер Вильямс и проповедник Майдмент.

Вместе с Гардинером решили отправиться в далекий путь всего шесть человек,—Иосиф Эрвин, Джон Пирс и еще четверо. Некоторые из них отыскились по газетам. В одной лондонской газете было напечатано такое известие, что вот, мол, „в ближайшем времени отправляется на Огненную Землю проповедник, капитан Аллен Гардинер, просвещать самых диких людей на земле и проповедывать им Христово Евангелие; не желает ли кто-нибудь еще ехать вместе с ним?“ Пришла газета в небольшой английский городок Бурлем. Прочитал это известие некий молодой фельдшер Ричард Вильямс и решил ехать вместе с Гардинером. Ричард Вильямс был очень добрый, мягкосердечный человек. Он считался весьма опытным в своем деле и зарабатывал им хорошие деньги. Но его душа все же такой работой не была довольна. „Здесь, в Англии, и без меня много работников,—думал Вильямс.—Здесь даже бедняки из бедняков не остаются без лечебной помощи,—без фельдшеров и докторов. Не я,—так кто-нибудь другой им поможет. Не лучше ли и не важнее ли помогать своими знаниями самым диким, самым несчастным, самым заброшенным людям на земле? Тем ведь мало кто помогать думает“. Ричард Вильямс о проповеди христианства мало заботился. „Пусть этим делом Гардинер занимается,—говорил он.—Мое дело—больных лечить, а не проповедывать“. Он тотчас же написал Гардинеру длинное и очень душевное письмо и высказал в нем все свои самые затаенные думы и желания. „Не могу я, не в силах я жить без такого дела, которое было бы по душе,—писал он.—День идет за днем, а я что делаю? Душа подвига просит. Ради него даже и своей жизни не жаль. Хочу послужить самым несчастным людям на земле. Возьмите меня с собой, капитан. Жалеть об этом, надеюсь, не будете“.

Гардинеру очень понравилось это письмо. По всему видно было, что Вильямс—человек хороший, потому что он для хорошего дела себя совсем не жалеет и умеет поступаться своим. Кроме того, Вильямс—фельдшер, а фельдшер будет очень нужен и полезен и для дикарей, и для самих путешественников. Гардинер тотчас же написал Вильямсу, чтобы тот собирался в путь и приезжал в Лондон немедленно.

Еще решил отправиться вместе с Гардинером некий человек, по фамилии Майдмент. По ремеслу он был проповедник. Он хорошо знал Библию и Еван-

гелие и другие священные писания и сочинения разных отцов церкви и других духовных писателей. Половину своей сорокалетней жизни Майдмент провел в проповедывании христианской англиканской веры. Он разъезжал из деревни в деревню, из города в город, собирал народ, говорил ему проповеди. Случалось ему нередко вступать перед народом в споры с людьми разных вер. В Англии, как известно, всякий, кто хочет, может проповедывать какую угодно веру и вести о ней споры хоть на улицах. И ни у кого не спрашивая на это разрешения. В таких спорах Майдмент был великий мастер и отлично умел, коли нужно, подцепить и поддеть своего противника, спорщика. Эрвин говорил о Майдменте: „Хороший он человек, только вот беда,—кроме споров и проповедей, и старинных книг он никакого ремесла не знает“. — „Это ничего!—говорил Гардинер.—Проповедники нам тоже нужны“. — „Только как же он станет проповедывать?—не унимался Эрвин.—Ведь самых диких людей, чего доброго, проповедью-то не прошибешь“. Майдмент во что бы то ни стало решил ехать к дикарям и проповедывать им христианскую веру. Впрочем, за свои такие труды он выговорил себе жалованье. И при этом еще поторговался с Гардинером. Тот старался всячески платить поменьше, а Майдменту хотелось получить всячески побольше. И оба уговаривали друг друга сделать уступку „ради Бога“. Наконец кое-как сторговались. Гардинер говорил Майдменту:

— С Богом! С Богом! Я уверен, что дикари поймут то, что мы им будем говорить и доказывать. Разумеется, поймут! Ведь дикая душа—простая душа, а как же простой душе не почувствовать и не почуять сердцем того, что говорил Христос? Евангелие для всех людей написано, значит, и для дикарей.

— Правильно, правильно!—говорил на это Майдмент.—О, я хорошо знаю Писание и сумею его объяснить кому угодно. Я могу говорить по пяти часов, не переставая. Только бы нам поскорее выучиться тому языку, на котором говорят дикари.

— Выучимся, выучимся!—отвечал Гардинер.

— Ох, капитан,—говорил Эрвин Гардинеру.—Поверьте, для нас господин Майдмент совсем неподходящий человек. Он, кажется, собирается работать языком, а не руками. Будет ли нам прок от такой работы?

— Молчи, молчи,—отвечал Гардинер.—Майдмент—человек хороший, добрый, а это самое главное.

Эрвин почему-то сразу не влюбил проповедника Майдмента, да и сам Гардинер понимал, что тот и вправду как будто не совсем подходящий человек. Но как же ему откажешь, коли он сам в путешествие просится? По доброте сердечной Гардинер никогда никому не мог отказать, и Майдмент тотчас же стал собираться в далекую дорогу.

Еще два матроса.

С помощью Эрвина Гардинер нанял себе на службу еще двух моряков. Один из них был родом ирландец, и имя его было Джон Бадкок. Бадкок был хороший работник, но очень молчаливый и угрюмый человек.

— Ты не боишься дальнего путешествия?—спросил Бадкока Эрвин.

— Чего мне бояться?—отвечал тот.—Я только об одном и думаю, как бы подалее от моей несчастной родины уйти.

И Бадкок рассказал свою историю. Отец его был крестьянин, да и сам он тоже когда-то землю пахал. Бадкок говорил о себе так: „Пахал я землю, пока она у меня была и пока отцу давал ее в аренду соседний помещик.

Давал-давал да и перестал давать, — говорит: „Моя, мол, земля, — хочу — сдать, а не захочу — не сдать ее в аренду. На это, мол, одна моя воля“. Взял да и прогнал с своей земли моего отца, — и стал на ней овец разводить. По нашему ирландскому закону землевладелец имел тогда право сгонять своих крестьян-арендаторов с земли ради овец. Вот все наше семейство и осталось без дома, без заработка и без земли, — значит, и без хлеба. И много других наших же ирландцев пострадали таким же самым способом. Что тут поделаешь? Иные за море поехали в Америке счастья искать, другие по заводам стали мыкаться и работы просить. Вот и я пошел по заводам бродить, не подвернется ли работа где? Пять лет мыкался с места на место. А тут у нас в Ирландии жить стало особенно тяжело, — то неурожай на картофель, а за ним голод, то безработица по всей стране, то всякие смуты — неприятности в деревнях. Ну, и мне попало, — потому не выдержал, за своих заступился... Нуля солдатская до сих пор где-то в спине сидит, — только в худую погоду ее чувствую. И стал я опять мыкаться...”

Бедный Джон Бадкок не знал, куда и деться со своими горестями и любовью к своим землякам-ирландцам. Иосиф Эрвин спросил его:

— Значит, ты желаешь ехать с нами к самым диким людям на земле?

— Да, с моей великой радостью! — отвечал Джон Бадкок. — Могу ехать, коли нужно, еще дальше, только бы тоску из сердца долой...

Бадкок отыскал еще одного моряка, Жана Бриана, своего приятеля. Это был рослый, крепкий человек, родом француз-швейцарец, не мало лазавший на своем веку по высоким швейцарским горам и ледникам. Бриан сам о себе говорил: „Горы-то я знаю еще лучше, чем моря! На горах-то ведь я пять лет коров пас и за дикими козами охотился. Мое ружье промаху никогда не дает“.

— Вот такие-то нам и нужны, как ты, — сказал Гардинер и тотчас же договорился с Брианом.

Таким способом все путешественники были налицо: капитан Аллен Гардинер, фельдшер Ричард Вильямс, проповедник Майдмент и четыре матроса: Иосиф Эрвин, Джон Бадкок, Джон Пирс и Жан Бриан.

— Вот ловко! — говорил шутя весельчак Пирс, — у нас из четырех матросов целых три Ивана *). Ну, теперь можно и в путь-дорогу!

Отплытие.

В это самое время Гардинер узнал из газет приятную новость: через две недели отправляется из Лондона прямо к Огненной Земле большой торговый пароход „Королева океана“. Его нанял для своего далекого путешествия знаменитый английский ученый, доктор Джеме Соммерсет. „Королева океана“ пойдет из Англии таким путем: поперек Атлантического океана к Южной Америке, а дальше — вдоль ее берегов к ее южному концу, у которого и находятся острова Огненной Земли; там пароход будет некоторое время плавать около этих островов, а затем отправится дальше, из Атлантического океана в Тихий, и там он будет плавать несколько месяцев, от острова к острову, а потом пойдет опять мимо Индии, вокруг Африки, в обратный путь домой в Англию. Доктор Соммерсет — замечательный ученый и смелый путешественник. Он намерен побывать в разных странах, — погостить, пожить среди разных дикарей; он намерен исследовать, изучать жизнь природы,

*) Джон и Жан — то же, что Иван.

жизнь растений, жизнь животных, жизнь разных племен в самых глухих уголках земли. Доктор Соммерсет уже давно прославился своими учеными трудами, но, кроме того, все знали, что он не только знаменитый ученый, но и очень хороший, очень добрый и умный человек.

Терять время было нечего. Гардинер тотчас же отыскал „Королеву океана“ и договорился с ее капитаном о цене за проезд. Фамилия этому капитану была Купер. Он согласился взять к себе на пароход Гардинера и всех шестерых его товарищей, и обе шкуны, и лодки, и все вещи, и провизию их и отвезти за дешевую плату к островам Огненной Земли.

— Слава Богу! Слава Богу!—говорил Гардинер.—Наши дела идут, как по маслу. Ну, право же, на свете не мало хороших, доброжелательных людей; скоро мы уж пустимся в далекий путь. Наконец-то я примусь за святое, дорогое, любимое дело,—дело просвещения самых диких людей на земле!

И правда, через две недели „Королева океана“ на всех парах отправилась в далекий путь.

Было это 7 сентября 1850 года.

А путь и в самом деле был очень далекий, — не меньше двенадцати тысяч верст.

Как водится, все путешественники перезнакомились и подружились между собой в несколько дней. Известно, что жизнь в море, на одном корабле, людей сближает. Капитан Купер был с виду очень сердитый, грубый, а на самом деле самый добродушный, услужливый человек. Доктор Соммерсет, высокий, крепкий и всегда спокойный с виду, скоро подружился со всеми, словно он был знаком с ними давным-давно. Особенно его полюбили матросы за то, что он беседовал с ними по целым вечерам, слушал их рассказы и сам рассказывал. Слушать его собирались все путешественники, все матросы. Только Гардинер и Майдмент держались в стороне.

— Чего же вы, друзья, от нас сторонитесь?—спрашивал их Вильямс.

— Нам от рассказов Соммерсета ни тепло, ни холодно,—отвечал Майдмент.—Он все говорит о природе да о природе, а нам что она? Первое дело—Евангелие и уметь жить как следует. Остальное все пустяки.

— А я не так думаю,—сказал доктор Соммерсет, услышав случайно такой разговор.—Правильная жизнь—дело хорошее. Но жить-то нам всем этой самой правильной жизнью где приходится? Посреди природы. Как же без нее обойдешься? С нею столкнешься наверное. А с кем столкнешься, того и надо знать, будь он хоть враг, хоть друг: всякое знание на этот счет пригодится. А без него гибель одна.

— Обо всем не передумаешь,—сказал Майдмент.—Дай нам Бог хоть о правильной-то жизни все обдумать как следует.

— Никогда вы ее не устроите по-вашему, если будет мало знаний в ваших головах,—сказал Соммерсет.

— Добрые дела и без этого можно хорошо делать,—сказал Гардинер.

— Без знания да без понимания вы никакого дела как следует не делаете, даже самого хорошего,—сказал Соммерсет.

— Не нам судить, хорошо ли мы делаем или не хорошо,—прибавил к этому Гардинер.

И Вильямс, и Эрвин, и все матросы каждый вечер с удовольствием слушали рассказы Соммерсета, но Гардинер и Майдмент попрежнему держались в стороне.

По Атлантическому океану.

Пароход плыл то на парусах, то на всех парах по огромному Атлантическому океану. Этот океан протянулся, словно водяная равнина, между Европой и Америкой. Моряки отлично умеют переплывать Атлантический океан вдоль и поперек. Они знают, что над ним ветры дуют очень правильно, так правильно, что в иных местах заранее можно знать, какой ветер когда здесь встретишь.

Майдменту и Вильямсу в первый раз пришлось плыть по огромному океану. Для Майдмента это плавание было настоящим мучением. То он страдал от морской болезни, от постоянной тошноты, то он пугался волн, то необъятного, словно бесконечного, простора океана. Пароход плыл по открытому морю; нигде не было видно никаких берегов; всюду море да небо, небо да море, и вдали они словно сливаются между собой.

— Ах, Боже мой, Боже мой! — говорил Гардинеру Майдмент. — Поскорее бы нам приехать! А ну как корабль заблудится? И как это можно дорогу по морю отыскивать, коли никаких верстовых столбов нигде нет?

Майдменту мало приходилось учиться на своем веку, и он, кроме своего дела, ровно ничего не знал и, что всего хуже, даже и знать не хотел. Пирс и Эрвин без церемоний просто-напросто подсмеивались над Майдментом.

— Вот заедем на необитаемый остров, — говорили они, — что вы тогда поделаете?

— Умру, право же, умру! — говорил Майдмент.

— А ведь наш Майдмент не из храбрых! — говорил капитану Гардинеру Эрвин. — Вот увидите, будет нам с ним всяких хлопот не мало.

А пароход плыл да плыл по океану, все к югу. Сначала плыл мимо берегов Европы, берегов французских; затем потянулись берега португальские, потом испанские. Кое-где пароход заходил в гавани и запасался углем, а затем плыл дальше.

— Вы в первый раз плаваете по океану, — сказал однажды Сомерсет Вильямсу, — хотите, я вас научу кой-чему? Вы сами поймете, как моряки находят среди морей дорогу с севера на юг. Хотите понимать это?

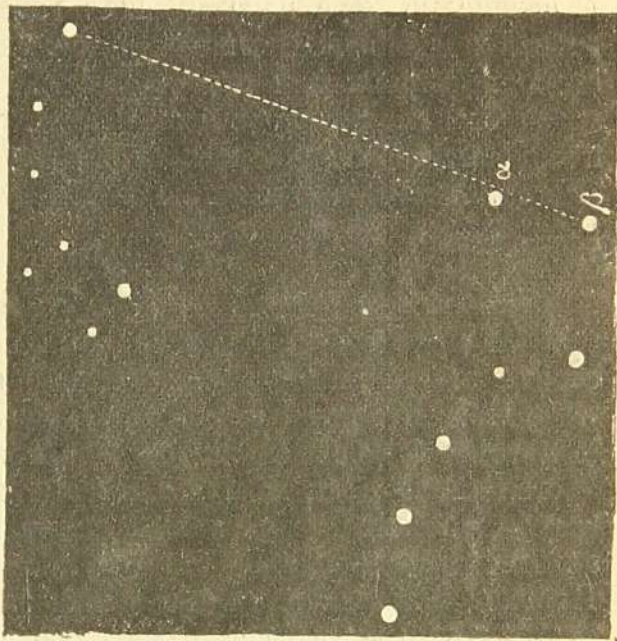
— Разумеется, хочу! — сказал Вильямс. — Всякое знание когда-нибудь да пригодится. И во всяком случае, всегда лучше все понимать, чем не понимать.

И Сомерсет начал разъяснять Вильямсу, каким способом узнают моряки дорогу по звездам.

— Полярную звезду знаете?

— Знаю! — отвечал Вильямс.

— А вот если вы ее знаете, то и смотрите на нее каждый вечер. Ну, тогда и увидите, что с каждым днем эта звездочка стоит над морем все ниже

Полярная звезда и как ее найти.

На этом чертеже нарисовано семь больших звезд из созвездия Большой Медведицы. Эти звезды круглый год видны ночью на северном полушарии небесного свода и расположены в виде ковша. Если провести мысленно черту через две самые крайние звезды этого ковша, то эта черта пройдет недалеко от Полярной звезды. По этому чертежу нетрудно отыскать ее на небе.

да ниже. Это потому, что наш корабль передвигается по земному шару все к югу да к югу. В холодных северных странах Полярная звезда кажется стоящей почти над головой. А передвинется корабль по земному шару к югу,— и из более южной страны та же самая звездочка видна уже не на прежней высоте над землей. А передвинется корабль к югу еще того больше,—эта звездочка покажется еще того ниже. Словом сказать: чем дальше к югу, тем ниже звезда. Будем мы плыть и через такие страны, где эту самую звездочку увидим совсем низко,—на горизонте,—то-есть там, где небо словно сливается с морем. А еще дальше поплывем к югу,—тогда и совсем не увидим Полярной звезды,—она перестанет показываться по ночам. Ее вовсе не видно на небе с Огненной Земли. Ее там закрывает от наших глаз выпуклина земного шара. А солнце по мере передвижения корабля к югу с каждым днем кажется на небе в полдень все выше да выше, словно мы подходим под него. Вот увидите, скоро мы приплывем в такие места, где солнце будет прямо над нашей головой стоять. Вот по высоте Полярной звезды, да и по высоте других звезд, и по высоте солнца и всех других небесных светил и можно узнавать, на много ли передвинулся наш пароход с севера на юг, стоит лишь для этого поглядеть на небо.

Пассаты

И правда,—чем дальше ушел корабль, тем выше казалось в полдень солнце, и все ниже да ниже была видна ночью на небе Полярная звезда.

Недели две спустя после ухода из Англии, пароход стал подходить к Канарским островам. Эти острова лежат верстах в ста от Африки. В этих местах стало и днем, и ночью заметно теплей. Небо было все время ясно-голубое, а погода хорошая. А ветер между тем дул довольно сильный. Дул он здесь всегда в одну сторону, все в одну, с севера-востока на юго-запад. Пароход плыл да плыл. День шел за днем, а ветер все не переменялся.

— Эти ветры всегда здесь дуют так,—растолковывал Майдменту опытный и бывалый матрос Эрвин.—Понимаете, всегда так! Это и есть ветер *пассат*—постоянный здешний ветер. От берегов Африки до берегов Америки, поперек всего океана, тянется огромная полоса таких ветров. Где ее ни пересекай,—все равно встретишь такие самые ветры, северо-восточные, потому что всегда они тут держатся полосой, и ведь какой полосой—очень широкой! Тысячи две верст в ширину. А за этой полосой пойдут такие места, где ветра совсем нет, так что паруса на мачтах там зря болтаются, и парусные корабли там даже с места сдвинуться не могут. Эти места называются полосой затишья. Эти места изрядно-таки страшны, потому что опасны. Такие там бури и грозы бывають,—только держись. Тихо-тихо, а вдруг страшная буря и ураган, а там после нее—опять безветренная тишина.

— Неужто же мы там и потонем?—спросил Майдмент.

— Все может случиться,—сказал, улыбаясь, Эрвин.

Недели через полторы пассатные ветры куда-то совсем пропали. Их вовсе не стало. Погода переменилась, испортилась. На небе стали появляться густые облака. Солнце в этих местах стояло почти над самой головой. А корабль все плыл да плыл дальше, к югу. Прошли наконец мимо островов Зеленого мыса. За ними погода совсем испортилась. Воздух стал тут сырой и очень теплый; все небо было покрыто густыми, низкими облаками. Капитан Купер как-то забеспокоился. Он уж не сидел у себя в каюте. Все матросы тоже были настороже.

— Это что же такое?—спрашивал Майдмент.—Разве приближается буря?

— А я вам что говорил? — сказал Эрвин. — Мы теперь плывем в полосе затишья. Видите, здесь никакого ветерка нет, и все небо в густых облаках. Вот еще подождите, какая на нас налетит буря!

— Это правда, — сказал Соммерсет. — Здесь бури бывают очень часто, и к тому же бури очень жестокие. Но это ничего, — бояться, право, не стоит.

— Да и нечего! — сказал капитан Кунер. — Я сорок восьмой раз плыву через это место, и тридцать раз меня тут встречала буря. А вот видите, из всех бурь я вышел целехонек.

— И я тоже испытал не мало бурь в этих же местах, — сказал Эрвин.

— И я! и я! — воскликнули Пирс, Бадкок и Бриан.

— Да и я не боюсь бурь, — сказал Майдмент. — Я только себя берегу. Чего же зря погибать в море? Лучше доброе дело сделать. Ведь я еду к самым диким людям на земле. Там и для них, наверно, что-нибудь хорошее сделаю.

— Подождите, мой друг, хвалиться раньше времени, — добродушно сказал Соммерсет. — Вы, кажется, дикарей совсем не знаете. Их просвещать не очень-то легко.

— Доброе слово да доброе дело всякий человек поймет, — сказал Гардинер.

— Вы так думаете?

— Думаю.

— Правильно, — сказал Соммерсет, — но ведь понимают добро разные люди по-разному. Это смотря по тому, какая у кого голова. Вот вы увидите в конце концов, так это или не так.

Аллея Гардинер, услышав эти слова Соммерсета, только плечами пожал. Он был с ним совершенно не согласен.

А солнце в этот день стояло в полдень уж прямо над головой и едва сквозило чрез тучи. Облака висели над морем низко, и эти облака были в иных местах неба очень густые, темные. Особенно жутко было ночью. Майдмент совсем не мог спать и не давал покоя Гардинеру.

— Пойдемте со мной на палубу, капитан, — говорил он. — Там все же как-то спокойнее, чем в каюте. Ведь коли наш пароход опрокинется сразу, так из каюты-то, пожалуй, и не выскочишь...

И Гардинер вместе с Майдментом шли на палубу и сидели там на скамью рядом с доктором Соммерсетом. Вильямс и матросы тоже сидели там целый час.

— И почему это так на земле устроено, — спрашивал Пирс, — сначала пояс пассатов, а за ней вдруг эти тихие места?

— Думаю я, что это в наказание людям и в испытание им, — сказал Майдмент.

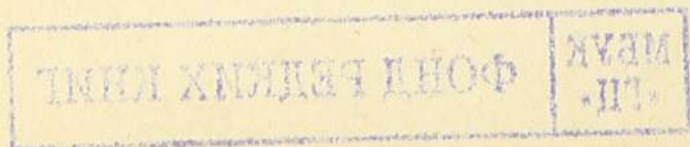
— А я вот этого не думаю, — сказал Соммерсет. — Я думаю, что люди виноваты по себе, а природа сама по себе, и ей до нас никакого дела нет. Почему здесь пояс затишья? А потому, что иначе и быть не может. Ведь солнце-то стоит в этих местах прямо над головой; значит, здесь оно и печет особенно сильно, и воздух здесь нагрет тоже очень сильно, от нагревания солнечными лучами морская вода испаряется, превращается в пар. И жаркий здешний воздух держит в себе много водяных паров. Кроме того, такой нагретый воздух раздается, расширяется от теплоты, делается не таким плотным, не таким увесистым, — делается гораздо легче холодного. А в тех странах земли, которые находятся по соседству с здешними, воздух гораздо увесистее, тяжелее. Почему так? Да потому, что там не так жарко, как здесь. Разумеется,

воздух тех стран своею тяжестью и выпирает этот здешний, легкий, воздух. Он устремляется из соседних мест в здешние места. Он передвигается по лицу земли. Вот эти-то передвижения воздуха и есть ветер пассат. А под его напором здешний теплый воздух поднимается наверх, к небу, потому что ему больше и выпираться некуда. Значит, так и выходит,—из соседних мест воздух сюда течет под видом ветра-пассата, а здешний поднимается да поднимается к небу. А высоко над нашими головами, в небе, здешний воздух передвигается обратно,—то-есть из здешних мест к тем странам, откуда сюда приток. Значит, выходит так: воздух внизу передвигается в одну сторону, а на высоте,—в другую. Внизу он течет с северо-востока на юго-запад, а наверху,—с юго-запада на северо-восток. А воздух в тех местах, как было сказано, несет много водяных паров. От солнечной теплоты вода делается паром. А этого пара хоть и не видно, а все же он имеется в воздухе. От этого самого пара и кажется небо туманным, сероватым. Этот невидимый пар и летит вверх вместе с воздухом,—ведь он еще легче воздуха. И летит высоко, высоко в небо. А наверху, над нашими головами, то-есть в небе, круглый год стоит холод. Это по высоким горам можно узнать: на вершинах иных очень высоких гор снег лежит круглый год и не тает. И именно потому, что на такой высоте всегда холодно. Даже очень холодно. Вот на такую высоту и поднимается вместе с воздухом и воздушный пар. А здесь от холода невидимый водяной пар делается белым, то-есть видимым, заметным,—попросту сказать, *облаками*. Значит, вот почему в этих местах много облаков. Это значит, много водяных паров этих самых в воздухе. Пассаты как раз в это место и текут, а отсюда воздух и пар поднимаются прямо наверх, в небо. А коли из невидимого пара сделались видимые облака, это значит,—воздух освобождается от водяных паров. Из них делается вода, а она в виде дождя падает опять вниз. А освободившись от водяных паров, морской воздух подымается еще выше в небо да и растекается над облаками во все стороны,—и к югу, и к северу. Там он тоже течет из страны в страну, значит, вот почему там наверху тоже есть течение воздуха,—ветер,—только в обратную сторону. Вот почему так бывает: пассаты в здешних местах текут, дуют с севера-востока на юго-запад, а над ними воздух течет от здешних мест с юго-запада на северо-восток,—значит, прямо в обратную сторону. Это и по облакам видно: нижние облака плывут иной раз сюда, верхние—отсюда. Значит, там, где пассаты, один ветер дует над другим ветром, и оба в разные стороны.

— А почему же воздух не течет прямо с севера прямо на юг?—спросил Эрвин.—Почему он дует с северо-востока на юго-запад?

— Потому что воздушное течение уклоняется с своей дороги, а это делается, разумеется, потому, что иначе и быть не может. Ведь земля—этот шар вертится,—словно волчок на своей оси: и все, что на земле, вертится вместе с ним; значит, и воздух тоже. А вертись таким способом, воздух, кроме того, вместе с землей передвигается с севера на юг. Вот благодаря этому верчению земного шара воздушное течение и отодвигается в сторону,—вместо северного ветра делается ветер северо-восточный, а вместо ветра южного—ветер юго-западный. Их как бы относит верчением земли в одну сторону, сбивает с прежнего пути. И так делается само собой. Ветер ведь у человека не спрашивается, как ему дуть, и до человеческих испытаний и неприятностей ему дела нет...

Майдмент насупил брови и замолчал. Его голова никак не могла понять, что природа сама по себе, а человеческое хотение и счастье тоже сами

по себе, и что о собственном счастье должен заботиться сам человек, а природе до него никакого дела нет.

— А отчего же в этих местах бывают сильные бури? — спросил Вильямс.

— А как же иначе? — продолжал свой разговор доктор Соммерсет. — Ведь что такое буря? Это очень сильное и быстрое передвижение воздуха. А в очень нагретое место воздух течет, устремляется из соседних, более прохладных, мест очень быстро. В роде как бросается туда со всей силы. Равновесие воздуха в здешних местах очень уж неустойчиво. Равновесие его может здесь легко нарушиться. А это и есть сильная буря.

— Все это так, — сказал Майдмент. — Только... только право же ваше разъяснение для меня несколько не утешительно.

— Это тоже правильно, — сказал Соммерсет. — Да и ведь не для этого все и разъясняю. Я хотел вам рассказать только то, что до нас с вами природе, — солнцу, морю да ветрам, — никакого дела нет. Они по-своему действуют, и ни у кого не спрашиваются, и отчета в своих делах никому не дают. Дела на всем свете идут своим чередом и в своем порядке. А вы управляйтесь и устраивайтесь с ними как знаете.

— Так-то так, господин доктор. А буря-то, — что же, — будет или нет? — спросил опять трусливый Майдмент.

Все рассмеялись и пошли по своим каютам. Только один Майдмент не мог сомкнуть глаз.

На его счастье, никакой бури на этот раз не случилось. Пошел только проливной дождь, да и шел несколько дней.

Переход через экватор.

После отъезда из Лондона прошло уже почти полтора месяца. Наступил октябрь. Однажды утром на палубе раздались крики матросов: „Экватор! экватор! Мы сегодня переходим экватор!“ Все путешественники вышли на палубу.

— Это что же такое, экватор? — спросил Майдмент. — Это далеко от Огненной Земли?

— Как! Вы не знаете, что такое экватор? — с великим удивлением спросил Соммерсет.

— В той школе, где я учился, нам разъясняли только Священное Писание, а о земле говорили так: „Знание о земле, это — суета сует. Поживешь на земле подольше, — и сам узнаешь, что она такое“.

— А вы вот до старости дожили, да и не узнали, — улыбаясь, сказал Соммерсет. — Экватор — это значит такие места земли, где день круглый год совершенно равен ночи, — минута в минуту, секунда в секунду. Это бывает только на экваторе, а больше нигде. Коли заметить, где находятся такие места, да начертить на карте всю землю, да наметить на ней эти места, то и окажется, что все они лежат как раз на одной линии, а эта линия, словно кольцо, обхватывает весь земной шар и делит его пополам на две равные половинки. Вот мы и находимся теперь как раз на этой линии, то-есть экваторе. С сегодняшней ночи уже совсем не видно больше Полярной звезды. А вчера она была еще видна, — и как раз там, где небо с землей словно сходится. Сегодня все звезды, какие только видны нами отсюда на небе, взойдут на восточной половине неба, а сядут на западной и все сделают на небе от своего восхода, то-есть появления, и до своего заката, ровно полукруг. Другую же половину круга все звезды проходят как бы под землей,

го-есть по ту сторону земного шара. Оттуда лишь и видно их в это самое время. Так бывает видно только на экваторе.

Моряки и сами давно заметили, что небо с его звездами в этих краях казалось не совсем таким, как из Англии. Ни одна звезда не делала здесь на небе настоящего полного круга, а только половину *)).

Переход через экватор, по морскому обычаю, для матросов — настоящий праздник. В этот день они, с давних времен, устраивают разные игры и представления на палубе. Один матрос нарядился морским богом: сделал себе бумажную корону и длинную бороду из пеньки, а в руки взял трезубец или попросту вилы; другие матросы оделись „морским воинством“. На палубе поставили большую бочку, а в бочку налили морской воды; устроили танцы, стали петь песни, стали подходить целой толпой то к капитану Куперу, то к доктору Коммерсету, то к Гардинеру и к другим путешественникам, и кричали им, шутя:

— Давайте морскому богу выкуп! Не то морской бог не пропустит вас через экватор,—на ту половину земли.

Капитан и другие путешественники смеялись и давали матросам, что могли, „на угощение“. Только один Майдмент не захотел давать ни копейки.

— За что мне давать, и что я вам дам?—говорил он.—У меня у самого ничего нет.

— А жалованье получаешь?—спросил морской бог.

— Получаю, но его даже мне самому не хватает, не только вам.

— Ну, так и нет тебе проходу! — закричал морской бог.—Эй, слуги верные, посадите этого упрямого путешественника прямо в воду.

И тотчас же верные слуги морского бога подбежали к Майдменту, схватили его на руки и бросили прямо в бочку с водою вниз головой. Бедный Майдмент закричал, забился, зафыркал, но все же его окунули вместе с одеждой в бочку несколько раз.

А капитан Купер, Коммерсет и другие моряки стояли и покатывались со смеху. Они знали, что такое купанье—матросский обычай, и с матросами ничего не поделаешь.

Долго после того помнил Майдмент этот „переход через экватор“.

В первое же воскресенье после перехода было богослужение на корабле. Во время службы Майдмент стал говорить проповедь матросам.

— Что вы делаете, друзья!—говорил он. — Вы устраиваете настоящие скоморошества и дурачества, вы напяливаете на себя какие-то неподобающие корны, вы привлеиваете пеньковые бороды, а кроме того, и это важнее всего, вы обижаете бедных и смирных людей, которые вам никакого зла не сделали. Ну хорошо ли все это?

Долго и много, и очень красноречиво говорил Майдмент матросам. Он говорил, что переход через экватор „суета сует“, и нужно не о пеньковых бородах заботиться, а о своей душе; потом Майдмент начал укорять матросов: „Вы, матросы, те же дикари; вас тоже просвещать надо, а кроме того, вас еще труднее просвещать, чем дикарей“... А матросы стояли, слушали, улыбались про себя и хоть бы что. Видно было, что слова Майдмента на них несколько не действовали.

С тех пор Майдмент не взлюбил матросов, а они не взлюбили его.

А корабль плыл да плыл к югу. Уж остался далеко позади экватор.

*) Как передвигаются звезды по небу и какие круги они описывают, о том рассказано в книжке Н. Рубакина „Путешествие на край света“.

Была пройдена, окончилась еще раньше пояса затишья, пояса облаков, дождей и бурь. Погода стала опять ясной, небо безоблачным. Появились опять ветры. И эти ветры опять были пассаты, только не северные, а южные. Они дули здесь не так, как до перехода через экватор. Там они дули постоянно с северо-востока, а здесь они дули с юго-востока. Но и здесь и там они дули к экватору, точнее говоря, к полосе тишины и безветрия, а она приходится близ экватора, как раз между двумя пассатами, северо-западным и юго-восточным. И полоса эта не остается на одном и том же месте круглый год, но передвигается по океану то немного к северу, то к югу,—это смотря по тому, куда передвинется солнце. Так, например, каждый год 9 марта солнце стоит в полдень всегда как раз над головой всех тех людей, которые живут как раз на экваторе. На следующий день солнце стоит в полдень уже не над ними, а над головой тех людей, которые живут немного к северу от экватора; а на следующий день оно уж над головами еще более северных жителей. Так изо дня в день солнце словно передвигается по небу, от экватора к северу. А в это время передвигается к северу по Атлантическому океану и полоса ветров и дождей, а вместе с ней и обе полосы пассатов. И так бывает до июня месяца. В июне месяце солнце стоит в полдень как раз над головами тех людей, которые живут за 2¹/₂ тысячи верст от экватора; здесь оно держится в полдень на одной и той же высоте несколько дней и словно стоит на одном месте; потому эти дни и называются днями летнего солнцестояния. Дальше к северу солнце уж больше не подвигается: после июня, оно таким же способом начинает изо дня в день снова придвигаться к экватору, все ближе и ближе, и от полудня до полудня как бы ползет по небесному своду с севера на юг. Тогда начинают передвигаться туда же за солнцем и полоса дождей, и обе полосы пассатов. И вот 9 сентября в полдень солнце уже стоит снова как раз над головами жителей экватора, но тут оно не задерживается,—на другой же день в полдень оно уже стоит над головами тех людей, которые живут немного к югу от экватора. А в следующий день, в полдень, солнце стоит уже над головами тех, кто живет еще дальше к югу. Таким самым способом с сентября по март солнце ежегодно подвигается дальше и дальше от экватора по его южную сторону. Но полоса безветрия не передвигается за ним так далеко; переходя далее, заметим, что через экватор на юг полоса безветрия никогда не переходит. Когда солнце держится к югу от экватора, тогда стоит лето на южной половине земли. А когда солнце находится к северу от экватора, тогда бывает лето на северной половине земли, а на южной в это самое время стоит зима. Так и чередуются времена года на земном шаре: когда на одной его половине лето, на другой его половине зима; на одной—весна, на другой—осень...

Что делать и как быть?

А пароход все плыл да плыл дальше.

Осталась далеко позади и полоса дождей, а за ней и полоса пассатных ветров. Приходилось теперь плыть в океане совсем по другим местам. Здесь ветер уже не дул постоянно в одну сторону и только в одну: он сделался совсем неправильным и изменчивым; дул он куда придется и как случится.

Путь поперек Атлантического океана был уже окончен, а пароход плыл теперь вдоль берегов Южной Америки. До самой Огненной Земли нужно было плыть вдоль этих берегов. Переменялся понемногу каждую ночь и вид звездного неба. Иные звезды с одного места неба опустились ниже горизонта и

совсем перестали быть видны. Кроме того, стало заметно прохладней, чем под экватором, но все еще было теплей, чем в Лондоне. Там в октябре месяце—осень, а здесь, по другую сторону экватора, в это самое время стояла весна. Там приближалась зима, а здесь лето.

Октябрь месяц уже прошел. Наступил ноябрь. Наконец в ноябре показали берега Южной Америки. „Королева океана“ направилась к этим берегам, чтобы запастись там углем и сбыть кой-какие товары.

— Уж только бы поскорее на место!—говорил с нетерпением Гардинер.—Каждый лишний день дороги—лишнее промедление. Дело-то ведь не ждет.

— Не беспокойтесь, друзья!—говорил на это доктор Соммерсет.—Дикари все равно вас не поджидают. Не знаю, будут ли они еще рады вашему приезду.

— Как же им не обрадоваться, если они увидят, что мы их учим добру!—воскликнул горячо Гардинер.—Ведь об этих дикарях, кроме нас, никто даже и не думает заботиться. Мы же для них свою жизнь готовы отдать! Мы знаем, чему следует их учить. Мы можем их многому научить! Мы просветим их светом истинного учения. Почему же им всему этому не обрадоваться?

— А потому,—улыбаясь, сказал Соммерсет,—потому... что... это самые дикие люди на земле. Вы их на свою мерку не меряйте. Я вижу, вы их совершенно не знаете, а я их видал и знаю достаточно.

— Видали и прошли мимо, и им не помогли?—воскликнул Гардинер.

— Прошел мимо—и не повредил ни им, ни себе,—сказал Соммерсет.— Не повредил,—понимаете? И добра своего им не навязывал, потому что совершенно не знаю и не понимаю, что будет настоящим добром для этих людей. Знаю я только одно: если что для меня хорошо,—это не значит еще, что это же самое и для них хорошо. Потому я и боюсь им свое навязывать. А как вы будете с ними жить и обходиться, этого я уж и не знаю.

— Ну что мне после этого с вами разговаривать!—воскликнул Гардинер.—Вы не понимаете меня, а я вас никак не могу понять!

— Это уж ваше дело,—сказал Соммерсет.—А я вот думаю, что жизнь вас всему научит... Подождите,—берега Огненной Земли ведь уж недалеко...

И правда, пароход шел на всех парах и приближался да приближался к берегам Огненной Земли. К счастью, все это время погода была хорошая. Как-то вечером собрались все друзья-проповедники на палубе и стали держать между собой совет, как им теперь быть и что делать?

— Как вы думаете приступить к делу, капитан?—спросил Аллена Гардинера Иосиф Эрвин.—Не худо бы было нам всем сообща об этом посоветоваться. Где мы высадимся на берег? Каким способом и с чего мы приступим к нашему делу?

— Вот что я думаю делать, мои друзья,—сказал Гардинер.—О, я много думаю и думал о нашем путешествии. По моему мнению, нам нужно сделать так. Я наверно знаю, что есть среди дикарей три человека, которые побывали в Англии и прожили там целых три года, и за это время научились говорить на английском языке. Вот мы и постараемся прежде всего найти этих трех дикарей.

— Кто же они такие?—спросил Майдмент.

— Настоящие тамошние дикари, пещерсы-огнеземельцы,—отвечал Гардинер.—Видите ли, как было дело. Двадцать лет тому назад, в 1830 году, приплыл к Огненной Земле знаменитый английский мореплаватель, капитан Фиц-Рой. Остановился он у одного острова, а несколько человек матросов

отправились на небольшой корабельной лодке на берег. Видят—место пустое, дикарей нет. Высадились они и пошли бродить. Отошли от берега, захотели поохотиться. А в это время появились откуда-то дикари, увидели лодку, сели в нее, да и были таковы. Вернулись матросы на берег,—лодки нет и на корабль не на чем вернуться. Их увидали с корабля и прислали за ними другую лодку. Страшно рассердился капитан Фиц-Рой на дикарей. Он послал за ними погоню. Матросы воров не догнали, а поймали вместо них каких-то других дикарей и привезли на корабль. Капитан и говорит дикарям: „Пока воров не вернут мне мою лодку, я буду всех вас держать у себя в плену“. А дикари слушали его, слушали и, надо полагать, ничего из его слов не поняли. Как ни как капитан напрасно ждал своей лодки,—никто ее не вернул ему. Не дождавшись, он велел в конце концов поднимать якоря и поплыл обратно в Англию. А с собою он увез и четырех дикарей. Были среди них двое взрослых мужчин да двое детей, мальчик и девочка. Таким способом, эти дикари и попали в Англию, прямо в Лондон. Капитан Фиц-Рой там и кормил, и одевал, и учил их на свой счет. К сожалению, один взрослый дикарь скоро умер, а остальные трое остались живы, научились говорить на английском языке и переняли много английских нравов и обычаев, стали носить английскую одежду и даже франтить. Так прошло три года. После того, капитан Фиц-Рой опять поплыл на Огненную Землю и отвез туда обратно на родину всех трех пленных дикарей да там и отпустил их с большими подарками на все четыре стороны. Там они, на свей родине, где-то и до сих пор живут...

— Да как же вы их там отыщете?—спросил Эрвин.—Ведь Огненная Земля велика, островов много. Неужели вы станете по всем островам путешествовать и этих дикарей искать? Да ведь, быть-может, их и в живых-то давно нет.

— Э, насчет этого беспокоиться нечего!—сказал Гардинер.—Только-что мы бросим якорь у какого-нибудь островка, все дикари в тот же день узнают о нашем прибытии. Они всегда дают знать друг другу о каждом корабле. Для этого они зажигают костры на холмах. Таким способом, в один день все огнеземельские дикари узнают о нашем прибытии и поплывут к нам на своих лодках со всех сторон. Тогда мы увидим и тех дикарей, которые побывали когда-то в Англии и знают английский язык.

— Ну, а если их давным-давно и в живых-то нет?—спросил Эрвин.—Тогда что нам делать? Ведь двадцать лет—времени не малое,—дикари умереть могли.

— Правильно,—сказал Гардинер.—А мне вот почему-то кажется, что мы их наверное найдем. Неужели уж все трое умерли? Кто-нибудь из них и остался; тогда мы возьмем его к себе и станем у него учиться огнеземельскому языку. Это самое первое и самое нужное дело—выучиться языку. А вот когда выучимся, тогда и начнем проповедывать и учить дикарей нашей вере.

— Ну, а если мы этих дикарей не найдем?—спросил Эрвин.—Тогда что?

— Тогда мы сделаем так, как сделал капитан Фиц-Рой. Одного дикаря-мальчика он купил у его родной матери за блестящую перламутровую пуговицу. Таким способом и мы кого-нибудь купим.

— Правильно говорите вы, капитан,—сказал Эрвин.—Только, надо полагать, дикому языку вы научитесь не очень-то скоро.

— Постараемся!—сказал Гардинер.

— Ну, а дальше-то будет что?—спросил неугомонный Эрвин.

— А потом мы высадимся где-нибудь на глухом острове, на таком, где дикари бывают не часто. Этот островок и должен сделаться нашим постоянным местом жительства. Мы построим там себе постоянное жилье—домик или палатку и будем учиться огнеземельскому языку, а потом и за дело. Что вы, мои друзья, на такие мои намерения скажете?

— Что же, по-моему, вы придумали все хорошо,—сказал Майдмент.

— И по-моему не худо,—сказал Вильямс.

— А по-моему, не очень то хорошо,—сказал Эрвин.—Что, если ваши покуски не захотят с вами сидеть,—что же, вы их насильно, что ли, держать будете? Или на цепь их посадите? А сидя на цепи, как же это они будут нас своему языку учить?

— Друг Эрвин, ты ничего не понимаешь,—сказал Майдмент.—Разве ты не знаешь, что наш капитан никого и ни к чему насильно не приневольивает?

— Я знаю только то, что из такой затеи ничего путного не выйдет,—угрюмо сказал Эрвин.

— Ну, коли так, придумай, что для нас лучше,—кратко сказал Гардинер.

— Как бы нам самим здесь не застрять,—сказал Эрвин.

— Мы пробудем на Огненной Земле не больше трех месяцев. За это время наш дикарь должен выучиться языку нашему, а мы—его. Тогда и он нам сильно поможет просвещать дикарей,—сказал Гардинер.—Приготовляйтесь же, друзья, к тяжелой работе! Наше дело уже приближается!.. Не забывайте, наша помощь нужна и даже необходима самым диким людям на земле!..

На эти слова Гардинера Эрвин только пожал плечами и рукой махнул.

— Бог нас не оставит,—сказал Вильямс.

— Бог-то Бог, да и сам не будь плох,—воскликнул Пирс.

— Будем молиться—и Бог все нужное даст нам,—сказал Майдмент.

Берега Патагонии и Магелланов пролив.

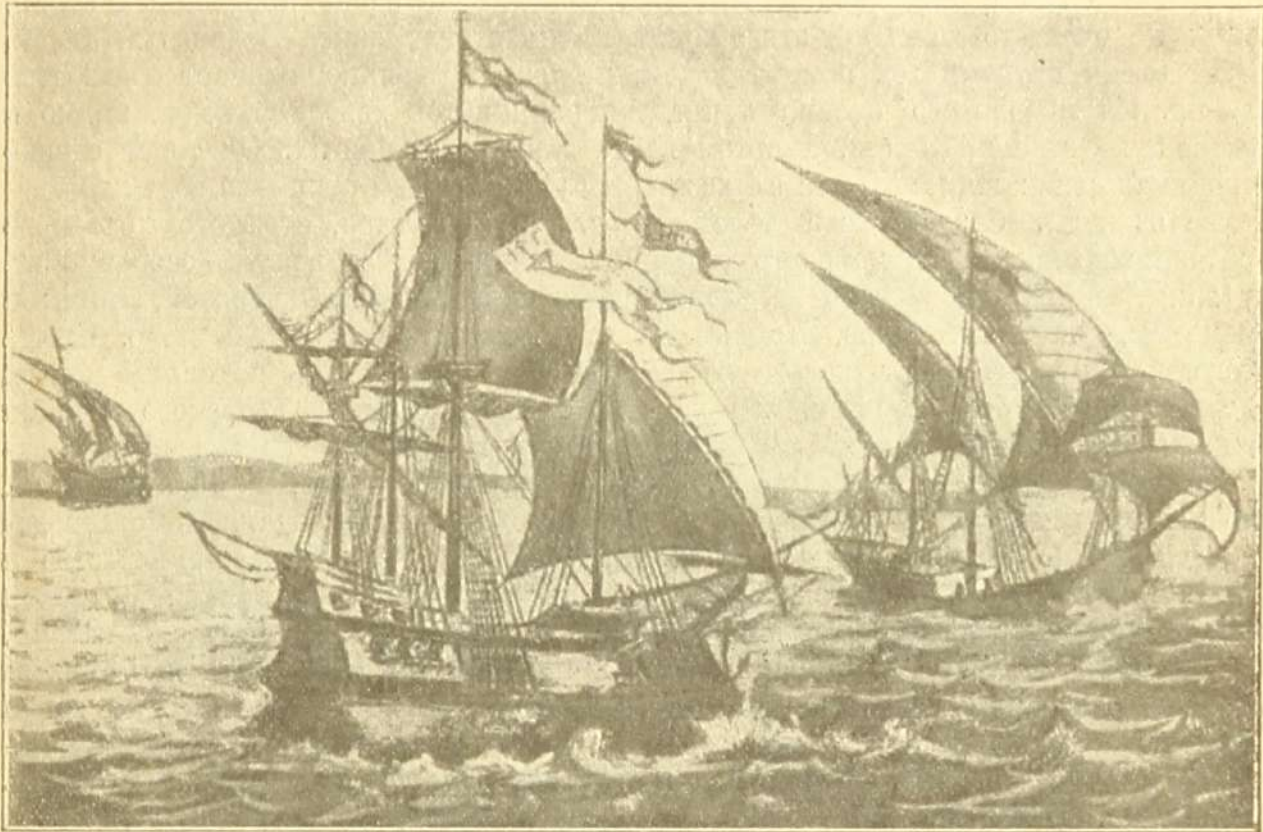
Огненная Земля была близка. Пароход в это время уже плыл вдоль берегов Патагонии. Патагония находится на южном конце Америки, а от Огненной Земли отделяет ее морской проход, или пролив. Длинною он больше пятисот верст; он идет от океана Атлантического до океана Великого. Называется этот проход Магеллановым проливом, потому что впервые прошли через него корабли португальского моряка Магеллана. Случилось это в 1520 году, то-есть почти четыреста лет тому назад. Плавать в этих краях было в те времена очень опасно, потому что строить хорошие корабли во времена Магеллана еще никто не умел. Их строили тогда из дерева и кое-где обшивали медью. Вот на таких-то жалких кораблях и добрался до этих мест смелый и умный мореплаватель Магеллан. Тогда еще никто не знал, что из Атлантического океана в Великий есть длинный морской проход. Корабли Магеллана прошли этот проход и проплыли его из конца в конец с большими приключениями и опасностями *).

Магеллан плыл по этому проливу восемнадцать дней. Лишь только дикари завидели его корабли, сейчас же зажгли огни на берегах. Задымились их костры здесь и там; поднялись к небу столбы серого дыма. Таким способом дикари давали знать друг другу о появлении невиданных ими кораблей.

*) О них рассказано в книжке Н. Рубакина „В неведомые страны“.

Костры появились в большом числе и стали встречаться чуть не на каждом шагу. В иных местах от этих костров загорались леса, и дым расстилался серой пеленой, словно дымились все острова. Зрелище было необычайное. Потому Магеллан назвал все эти острова „землей дыма“. Потом это название было переделано на другое,—острова были названы „Огненной Землей“, потому что „не бывает дыма без огня“. Так с того времени и держится это название до сего дня.

На палубе парохода собрались все путешественники,—и Гардинер, и Вильямс, и Сомерсет, и их товарищи. Они смотрели в подзорную трубу на патагонский берег и ждали, скоро ли покажется Магелланов пролив.

Корабли Магеллана.

А погода в это время уже давно испортилась. Небо было покрыто сплошными серыми облаками. Солнца нигде не было видно. Накрапывал мелкий дождь. Дул свежий ветер. В воздухе было очень прохладно. Патагонские берега были едва видны в тумане. То были берега пустынные, низкие, неуютные, молчаливые. Везде были скучные, однообразные холмы, невысокие, некрасивые. Их покрывали чахлые кустарники, зелено-желтая трава, камни да песок. Людей совсем не было видно. Кое-где холмы были немного выше, а кое-где их совсем не было.

— Какая досада, что сегодня скверная погода!—сказал Майдмент.

— Здесь почти круглый год бывает такая самая,—сказал Сомерсет.— Подождите,—она может вам всю жизнь испортить. Ветры да дожди хуже холодов. Разве вы не знаете, что Огненная Земля—самый печальный и неуютный край на земле? Небо покрыто здесь облаками и зимой, и летом; светлые, безоблачные дни—здесь большая редкость. Из облаков постоянно что-нибудь

падает,—или дождь, или снег, или град. Даже в самые лучшие месяцы года здесь бывает не меньше 25 дождливых дней, а светлых и солнечных всего дней пять или шесть. От одной такой погоды тоска гложет душу. А ко всему тому ветры да бури покою не дают. Сегодняшний ветер еще что,—подождите, какие дальше-то встретятся! Вы не будете знать, куда и укрыться от них...

— Господи Боже!—воскликнул Пирс.—И в какую это яму мы лезем?! И почему это так устроено, что в одних странах погода круглый год хорошая, а в других—вот какал скверная. И почему это самые дикие люди на земле живут в этих самых скверных местах?

— Наверно, это перст Провидения,—сказал Майдмент.

— Скверная погода стоит в этих местах вот почему,—сказал Соммерсет.—Ведь Патагонии и Огненная Земля находятся как раз на южном конце Америки. Этим своим концом Америка доходит до очень прохладных стран. Ведь не очень-то далеко от этого конца начинается Южный Ледовитый океан. Этот океан круглый год покрыт льдом; на нем постоянно плавают множество льдин. Из Ледовитого океана течет широкий поток холодной воды, прямо к островам Огненной Земли, а потом вдоль западного края их. Он течет словно огромная река; шириною она пятьсот верст. Берега этой реки—из воды, ложе—тоже из воды. Словом, вода течет по воде. Разумеется, от этого холодного потока воды, от этого морского течения сильно холодеет воздух, особенно же у западных островов Огненной Земли. А ведь воздух здесь морской, то-есть в нем много водяных паров, это потому, что со всех сторон здесь море. Кроме того, в эти края дуют ветры из соседних теплых стран, а теплый воздух держит в себе больше пару, чем холодный. А от холодного морского течения он делается и сам холодней. Тогда невидимые водяные пары делаются облаками, туманами, дождем, снегом, инеем и другими водяными осадками. А облака мешают солнцу нагревать океан; холодная вода океана помогает делаться облакам; а благодаря густым и толстым облакам бывает множество и дождей, и туманов, и снегов. На всем свете нигде больше не найдешь такой сырой и дождливой страны, как Огненная Земля. А дождливая она потому, что холодное течение в здешних краях круглый год сталкивается с теплым воздухом, который насыщен водяным паром. Потому-то здесь круглый год и погода скверная. Да при таких обстоятельствах иначе быть и не может. Значит, вся суть—в этих самых обстоятельствах. Но вот что сразу-то не очень понятно: почему же это—самые дикие люди живут и теперь в этой самой стране? Да просто-напросто потому, что им житья не стало от врагов во всех других странах: или умирай, или переселяйся в такую страну, куда за тобой никто даже не погонится. И правда,—предки-то нынешних огнеземельцев жили когда-то в стране теплой, недалеко от экватора. Там их следы и до сих пор остались. Но иные из них вымерли, а иные переселились,—по неволе переселились,—только и всего.

— В наказание за грехи,—сказал Майдмент.

— Правильно,—сказал Соммерсет.—За грехи, и именно за один единственный их великий грех: эти люди не сумели и не смогли отстоять самих себя,—они оказались слабее других. Слабость в борьбе—тоже великий грех.

— Я не про него говорю,—сказал Майдмент.

— А прочие грехи, мой друг, у всех людей на земле одинаковы, потому что все люди—люди.

— Вот в какие места мы забираемся,—говорил Пирс.—Что-то будет? Что-то нас ожидает? Кажется, из всех глухих островов наш капитан выбрал для нашего жилья самый скверный и глухой

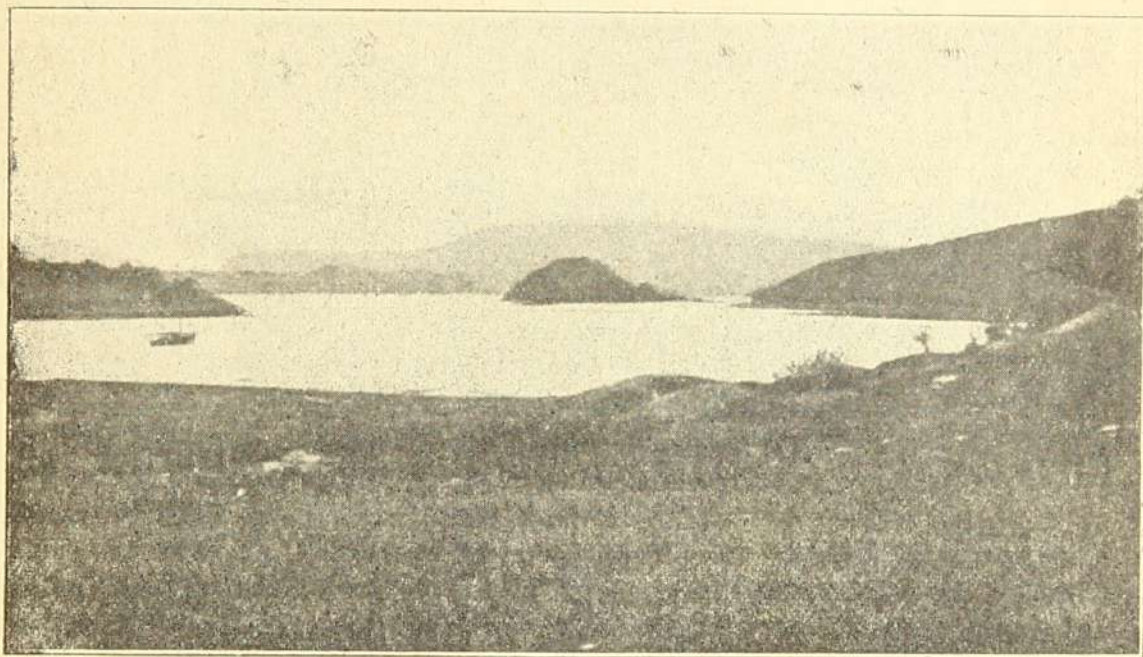
Огненная Земля.

На другой день плыть пришлось попрежнему мимо низких и пустынных берегов. И дождь, и ветер, и серое небо, и волны моря,—все это было и грустное, и тоскливое, неуютное, неприятное.

— Боже мой, Боже мой!—говорил Вильямс.—Вот в какие печальные места мы теперь забираемся!

— Подождите,—сказал Соммерсет,—еще не то́ будет...

Однажды утром, плывя вдоль берега, моряки увидели влево от себя тонкую полосу земли. Она словно вышла из-под воды и протянулась насупротив патагонского берега. То был другой берег, и такой же низкий, пустынный и

У берегов Огненной Земли.

тоскливый. Между двумя берегами был виден как будто широкий проход, потому что здесь море сливалось с небом.

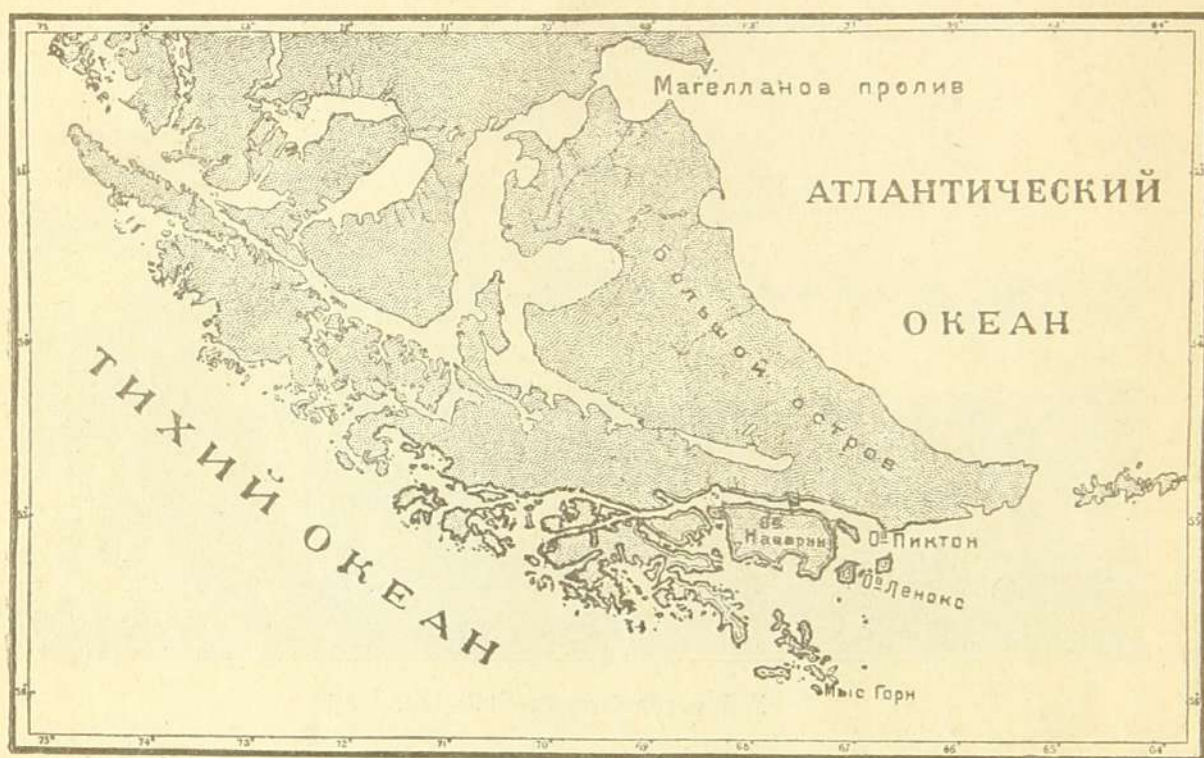
— Магелланов пролив!—воскликнул капитан Купер.—Мы теперь у самого его входа. Направо от нас—Патагония, а налево от нас—берега Огненной Земли.

Пароход приближался к левому берегу. С парохода ясно было видно, каковы берега Огненной Земли. Они ничем не отличались от патагонских. Они были пустынные, безлюдны, дики, неприветливы.

Огненная Земля—не один остров, а множество островов, и больших, и малых. Каждому острову дано свое особое название. Самый большой из них называется островом собственно Огненной Земли, или просто-напросто Большим островом. Его-то и увидели с парохода, потому что он лежит у самого входа в Магелланов пролив. Длинной он без малого 400 верст, а шириной, в самом широком месте, 144 версты. Он занимает собою пятьдесят тысяч квадратных верст, то-есть столько же, как Смоленская губерния, и больше Петербургской и Московской. Все другие острова здесь гораздо меньше и находятся к западу и к югу от Большого. Все они лежат очень близко один к другому. Между некоторыми островами морские проходы так узки, что издали не трудно

принять два острова за один. Рядом с Большим островом в проливе находится маленький островок Даусон, за ним остров Ункгем, за ним изрезанный, изви- листый остров Кларанс, за ним остров святой Инесы, а за ними, к самому концу Магелланова пролива, длинный и тоже изрезанный по берегам остров Отчаяния. У этого самого острова кончается Магелланов пролив и начинается Великий океан. Против острова Отчаяния, по другую сторону пролива, лежат острова королевы Аделаиды.

Таковы самые большие острова Огненной Земли. Но кроме этих боль- ших есть там множество островов поменьше и даже очень маленьких. Так, например, вдоль южного берега Большого острова вытянулись длинной цепью маленькие островки: Наварин, остров Гост, Лондондерри, Стюарта. Между

Карта островов Огненной Земли.

этими островами и Большим островом тянется еще один длинный, почти пря- мой пролив. Называется он проходом или каналом Бигль. Так его назвали в память корабля „Бигль“, на котором плавал здесь знаменитый английский мореплаватель Фиц-Рой и знаменитый английский естествоиспытатель Дарвин. У самого входа в канал Бигль есть еще несколько островков, а между ними небольшие острова Гарден и Пиктон. А к югу от них лежат еще острова, тоже маленькие, и между ними остров мыса Горн. Это самый южный остров Америки; потому мыс Горн и считается самым южным ее концом.

Гардинер решил со своими товарищами высадиться на острове Пиктоне.

— Для нас это местечко очень удобное,—говорил он.—Ведь остров Пик- тон находится по ту сторону Большого острова, у самого входа в канал Бигль. А в этом-то самом канале капитан Фиц-рой и высадил трех своих дикарей. Значит, здесь где-нибудь и нужно их искать. Мы будем жить на острове Пиктоне и плавать на соседние острова.

От входа в Магелланов пролив до острова Пиктона приходится плыть вдоль берегов Большого острова. Этот остров немного похож на огромный

треугольник, который одним углом прислонен к Патагонии, а двумя другими углами приходится дальше от нее. Самый короткий путь к острову Пиктону идет вдоль восточного берега Большого острова. Но капитан Купер решил плыть к Пиктону вдоль западного берега Большого острова.

Чтобы таким путем добраться до острова Пиктона, пароход должен был войти в Магелланов пролив, плыть по проливу до острова Даусона, а потом из него повернуть в канал Бигль и проплыть этот канал из конца в конец.

— Как знать,—говорил Гардинер,—быть-может, мы по нашей дороге и встретим трех наших ученых дикарей.

— Я очень радуюсь такому путешествию между островами Огненной Земли,—говорил Коммерсет.—Проплыть через весь канал Бигль—это ли не удовольствие! Что мы там увидим, господа,—зиму и лето. Мы увидим рядом и лед, и цветы!

— И самых диких людей на земле?—спросил Майдмент.

— И их тоже!

Дикари онасы.

23 ноября 1850 года пароход „Королева океана“ вошел наконец в Магелланов пролив.

Вход в этот пролив очень широк. Он шириной без малого 22 версты. Впрочем, недалеко от входа пролив делается гораздо уже, но затем он опять становится шире. В иных местах он шириною версты четыре, а в иных больше тридцати верст. Пароходу приходилось плыть между низкими унылыми берегами. Направо тянулась Патагония, налево—Большой остров Огненной Земли. Капитан Купер велел держаться ближе к левому берегу.

— Так-то лучше!—говорил он.—Скоро мы наверно увидим и дикарей.

Но дикари все еще не показывались. Низкие берега были пустыни. Серые облака висели над землей очень низко, стоял довольно густой туман. Попржежнему моросил дождь и дул ветер. Было довольно холодно. Наконец к вечеру пошел крупный дождь и снег.

— Это что же такое?—говорил Эрвин.—Теперь ноябрь месяц. Теперь у нас в Лондоне, по ту сторону экватора, стоит зима, а здесь, по эту его сторону, должно бы стоять лето. А здесь,—посмотрите! Снег идет! Это летом-то!

— Здесь всегда так,—сказал капитан Купер.—Здесь иной раз и не разберешь, что лето, что зима. Подождите, еще не то увидите.

— Ну и в яму же мы лезем!—сказал Пирс.

А ветер дул да дул все сильнее; а снег шел да шел, не переставая. Облака спустились как будто еще ниже. Дождь, снег и туман совсем заволкли даль. Там ничего не было видно. Хорошо еще, что в Магеллановом проливе больших волн не было, потому что острова загораживают его вход с моря. Но все-таки нужно было держаться настороже.

Ночью пароход стал на якорь недалеко от берега, а рано утром должен был пуститься дальше в путь.

— Значит, мы сегодня увидим самых диких людей на земле, капитан?—спросил Вильяме Гардинера.

— Дикарей увидим, а будут ли это „самые дикие дикари“,—этого я не знаю,—улыбаясь, сказал капитан.

Наконец настало утро. Оно было такое же сырое, холодное и туманное. Впрочем, снег перестал идти, и облака как будто немного поднялись. В

инных местах даже сквозило по временам голубое небо. Когда путешественники вышли на палубу, капитан Купер сказал им:

— Господа, на берегу уже появились дикари.

И правда, там, на прибрежном утесе, сидели какие-то люди. Они то вскакивали, то садились, то опять вскакивали; они делали странные телодвижения, махали звериными шкурами, кричали. Но крики их почти не были слышны с корабля. Недалеко от этих людей, на том же утесе, горел костер.

— Я хотел бы побывать на берегу,—сказал Гардинер.—Как знать, быть-может, кто-нибудь из этих дикарей тот самый, кого мы ищем.

— На берегу побывать можно,—сказал капитан Купер.—Но только не ждите, что вы здесь найдете, кого ищете. В этих местах живут дикари онасы, а вам нужно дикарей пещересов*),—те люди совсем другого племени. Они живут дальше на запад и на юг.

— Это верно,—сказал Сомерсет.—В этих местах Магелланова пролива только опасов и можно найти.

Капитан Купер велел спустить лодку. В нее сели Сомерсет, Гардинер, Вильямс, Эрвин и несколько матросов.

Лишь только дикари завидели лодку, тотчас же принялись еще сильнее кричать и махать руками. Лодка не сразу смогла пристать к берегу и плыла вдоль него. Дикари бежали вдоль берега за лодкой и, чтобы сократить дорогу, прыгали в воду и бежали по мелкой воде. Наконец лодка врезалась в прибрежный песок, и через минуту дикари были уже около нее.

— Это что за обезьяны такие!—невольно воскликнул Эрвин.

Дикарей было четверо, все мужчины, один из них старик, и трое молодых. Все они были высокого роста, безмалого в сажень, и все совсем голые. Только у двух из них на спине висели небольшие шкуры какого-то зверя, мехом наверх, да волосы были обвязаны ремешком. Никакой другой одежды на дикарих не было, но они совершенно не замечали своей наготы. Они бежали по песку, делая огромные скачки, величиной не меньше сажени. Путешественники принялись подробно рассматривать дикарей.

Нельзя сказать, чтобы это были люди красивые, несмотря на свой высокий рост. Кожа их была бурого цвета, темная, только немного с красноватым оттенком. Лица были грубые, рты большие, глаза черные, блестящие, волосы тоже черные, как смоль, жесткие и длинные. Такие волосы были очень похожи на лошадиную гриву. На голове старика была какая-то повязка из белых перьев; волосы других дикарей были повязаны простыми ремнями. Лица дикарей были раскрашены белой, черной и красной краской. У старика через все лицо была проведена, от уха к уху, по верхней губе, ярко-красная полоса; над нею была нарисована такая же полоса белая, которая шла по глазам. Даже веки глаз были раскрашены. От такой раскраски некрасивое лицо старика казалось еще безобразнее. Таким же способом были разрисованы и другие дикари, только у них поперек лица были проведены полосы черного цвета, без белых и красных. Ни бороды, ни усов ни у кого не было.

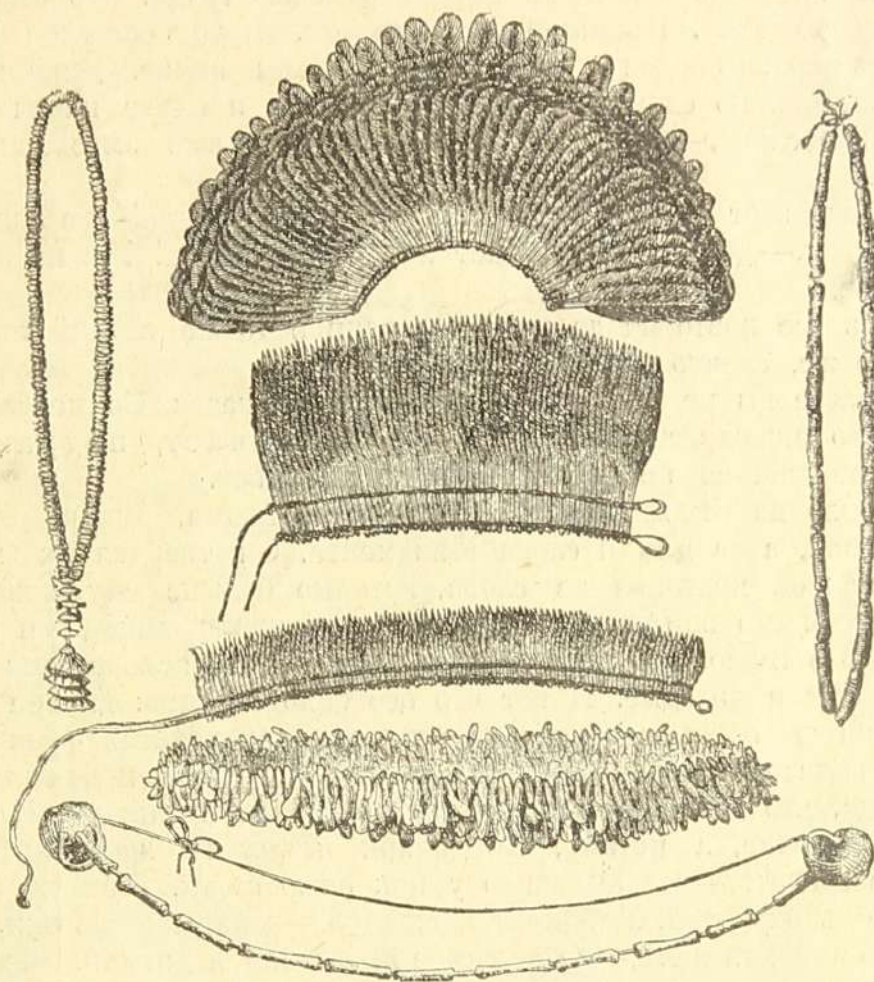
Глядя на этих дикарей, Ширс невольно воскликнул:

— Ну и люди! Вот-то жалкие люди!

И правда, в выражении их лиц было что-то жалкое. Глаза дикарей как-то особенно моргали, бегали, смотрели туда-сюда, и ни на чем не оста-

*) Пещересами названы эти дикари потому, что они часто выкрикивали какое-то слово на своем языке, переделанное путешественниками на свой лад: из этого-то слова и вышло название „пещерес“.

навливались. Казалось, дикари не то чем-то удивлены, не то сильно испуганы. Лица их не казались злыми, но не казались и добрыми. Старик дикарь подошел к Гардинеру и что-то забормотал на своем языке. Что он говорил, разумеется, никто не понял. Дикарь говорил свои слова каким-то необыкновенным способом: не губами, а больше глоткой. Его речь походила не на человеческие слова, а на клохтанье и полосканье рта. Отдельных слов отличить было нельзя, все они были слиты.

Украшение дикарей онасов. Короны из перьев и ожерелья из костей, зубов и раковин.

— Что он говорит? Что он булькает?—воскликнул Пирс.—Да это разве язык человеческий? Это куриное клохтанье. Да разве может кто из нас такому языку выучиться? Это же невозможное дело!

— А ведь и вправду!—сказал Майдмент.

Вильямс ничего не сказал, а про себя думал то же самое

Гардинер подарил каждому дикарю по ярко-красному платку. Дикари взяли платки и тотчас же обвязали их вокруг шеи в виде ожерелья или галстука.

— Вот безобразники!—воскликнул Майдмент.—Хоть бы укрылись платками-то, чтобы стыдно не было. А они вон о чем думают,—себя украшают!

— Вот вы чего от них захотели!—сказал Сомерсет.—Все дикие люди таковы; украшения им всегда нужны, без них они не обходятся, а без одежды они могут и обойтись. Украшения важней для них, чем одежда.

Дикари были очень довольны подарками. Старик дикарь подошел к Гардинеру и хлопнул его кулаком по груди, и при этом что-то забормотал; он и давал звуки в роде того, как кудахтает курица, когда сзывает цыплят. Потом старик дикарь подошел к Соммерсету, хлопнул по груди и его, а затем то же самое проделал с Вильямсом и даже со всеми матросами. Гардинер пошел к берегу. Старик дикарь подбежал к нему и, в знак дружбы, дал ему еще три кренких тумака. При этом он давал их особым способом — обеими руками сразу, — одной рукой ударил по груди, другой в то же самое время бил по спине. Затем дикарь подставил Гардинеру свою грудь. Это означало: „теперь и ты меня ударь“. Гардинер так и сделал. Дикарь остался этим очень доволен. Гардинер заговорил с ним на английском языке. Дикарь, конечно, ничего не понимал, но слушал очень внимательно, и вдруг начал тоже говорить английские слова, — одно, другое, третье. Он даже выговаривал их довольно чисто.

— Да ведь этот дикарь знает наш английский язык! — воскликнул с радостью Майдмент. — Дикарь вспоминает английские слова! Уж не он ли и побывал в Англии?

А дикарь все повторял да повторял одни и те же английские слова, — все одни и те же, словно попугай.

— Да разве вы не видите, что это такое? — сказал Соммерсет. — Дикарь просто-напросто передразнивает нас, обезьянничает, подражает нам. Никаких английских слов он не знает и не понимает.

Так и было на самом деле. Услышав Соммерсета, дикарь стал повторять и его слова, а за ним и слова Майдмента. Он твердил их без всякого смысла и толка; он повторял те слова, которые больше ему понравились и обратили на себя его внимание. Эрвин слушал-слушал дикаря и вдруг расхохотался во все горло. За ним совершенно так же расхохотался и старик дикарь, а за ним и молодые. И вот что особенно странно: дикари старались хохотать не на свой лад, а совершенно так же, как хохотал Эрвин.

— Вот видите, — сказал Соммерсет, — дикари передразнивают нас с вами! И правда, что делали англичане, то повторяли и дикари. И у них так выходило не нарочно, а потому, что дикари *никак не могли удержаться*, чтобы так не сделать, — все выходило у них *само собой*. Помимо их воли, — словно у маленьких детей. Майдмент кашлянул, — забашляли за ним и дикари. Пирс нарочно высунул язык, — то же самое проделали и дикари. Эрвин нарочно стал косить глазами, — дикари сделали то же самое. Такое их обезьянство или подражательность очень забавляла матросов. Они запели хоровую песню. Пение очень удивило дикарей. Они вытаращили глаза, раскрыли рты, да так и замерли от удивления. Матросам стало еще забавней. Они грянули плясовую и пустились плясать на прибрежном песке. Дикари тоже не выдержали и принялись передразнивать их. И это вышло у них опять *само собой*, потому что они никак не могли удержаться. Когда пляска наконец окончилась, Вильямс спросил Соммерсета:

— Что же такое означает их обезьянничанье?

— Как бы вам это сказать... — отвечал Соммерсет. — Дикари так устроены, — у них слабые головы: они легко поддаются примеру, — им невольно хочется подражать ему, а сдерживать себя они никак не могут. Дикари ни как не могут сдерживать самих себя. Задержки никакой нет у них внутри... Принуждать себя ни к чему они не могут и не в силах.

— А отчего же мы можем? Отчего такая задержка есть у нас? — спросил Вильямс.

— У нас в голове мозг не совсем такой, как у них. Вся суть дела в головном мозге, — он-то и есть эта самая задержка. А у дикарей мозг, словно у ребенка: он не доразвился еще до нашего. Чего-то в нем не хватает. Хоть дикарь такой же человек, как и мы, а все-таки чего-то в нем нет. Ведь вот, например, наши дети: они тоже такие же люди, как мы, а все же еще не таковы, как мы, — и это до тех пор, пока они до нас еще не доросли.

— Ну а разве же дикари тоже дорасти своим умом до нас могут? — спросил Вильямс.

— Разумеется, могут, но в один день и в один год такие дела не делаются. На это требуется много десятков, а то и сотен лет, — отвечал Соммерсет.

Люди каменного века или живая старина

Матросы вместе с дикарями пошли бродить по берегу, а Гардинер, Вильямс и Соммерсет уселись на прибрежной скале. Вдруг к ним подбежал Пирс, крича во все горло:

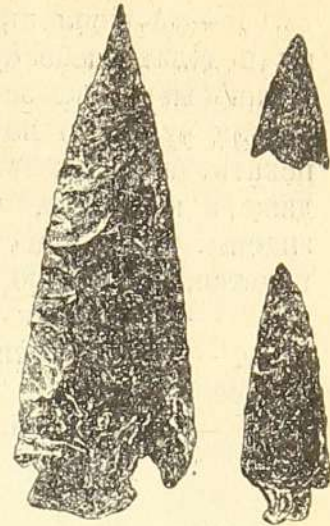
— Капитан! Капитан, посмотрите, что я нашел!

Пирс держал в руках несколько стрел, примерно, в аршин длинной. Их древки были сделаны из тонкого дерева, на одном конце у них были прилажены перья, а на другом какие-то острые наконечники. Пирс с великим удивлением рассматривал эти наконечники.

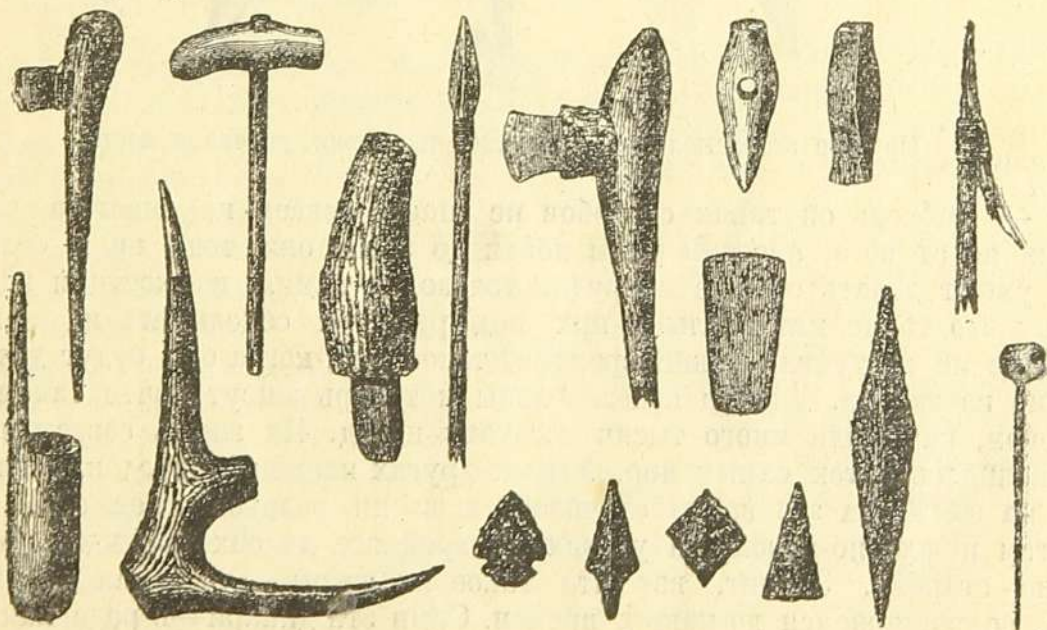
— Не угодно ли взглянуть! — говорил он. — Вот удивительно! Вот какие стрелы делают для себя эти дикари.

Наконечники у иных стрел были сделаны из камня — кремня, а у других из бутылочного стекла. И камень, и стекло были грубо обделаны, оббиты, заострены на конце и привязаны к древку. Работа была очень грубая, но все же такую стрелой можно бы было ранить и даже убить человека.

— Каменные наконечники стрел! Извольте видеть, из чего делают себе оружие эти дикари.

Каменные наконечники стрел

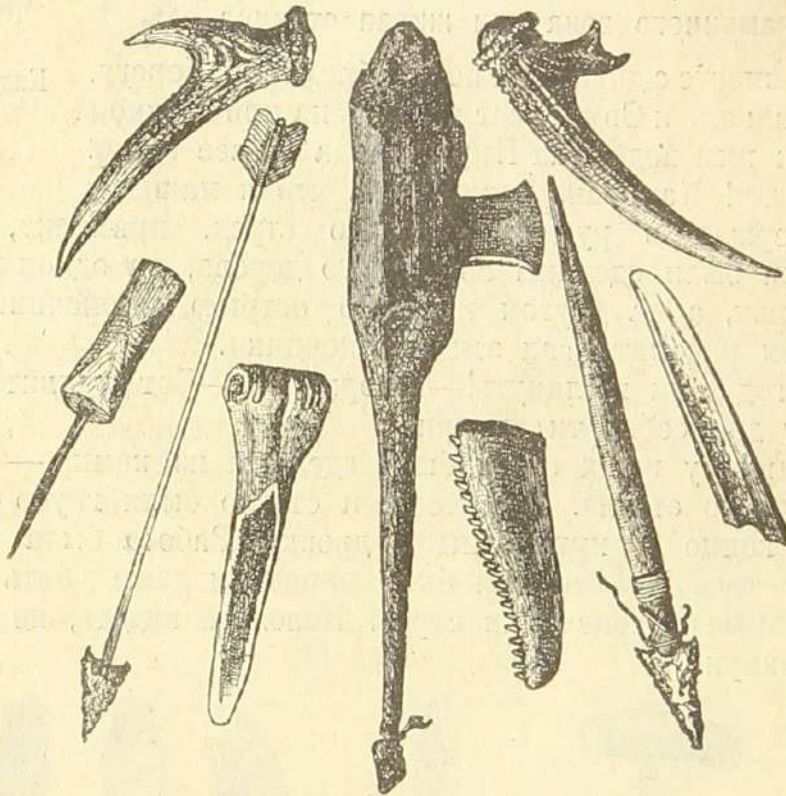
Оружие из камня, дерева и кости, найденное в Англии и в Германии, в старинных пещерах, под землей.

— А меня это нисколько не удивляет,—сказал Соммерсет.—Из чего же им и делать себе оружие, как не из камня? Уж не из железа ли? Да ведь, может-быть, железа-то на всем их острове нет; а коли где-нибудь и есть железная руда, то не на поверхности, а глубоко в земле,—ее надо еще там искать да отыскать. А как дикари станут руду искать? Они, надо полагать, даже и не знают, что есть на свете такая руда. Искать, чего сам еще не знаешь, никто не станет. Да коли железная руда дикарям даже под руку попадется, все равно она им ни к чему.

— Как ни к чему?—воскликнул Пирс.

— Разумеется! Каким таким способом дикарь добудет из этой руды чистое железо?

— Таким же, как и мы! На огне.

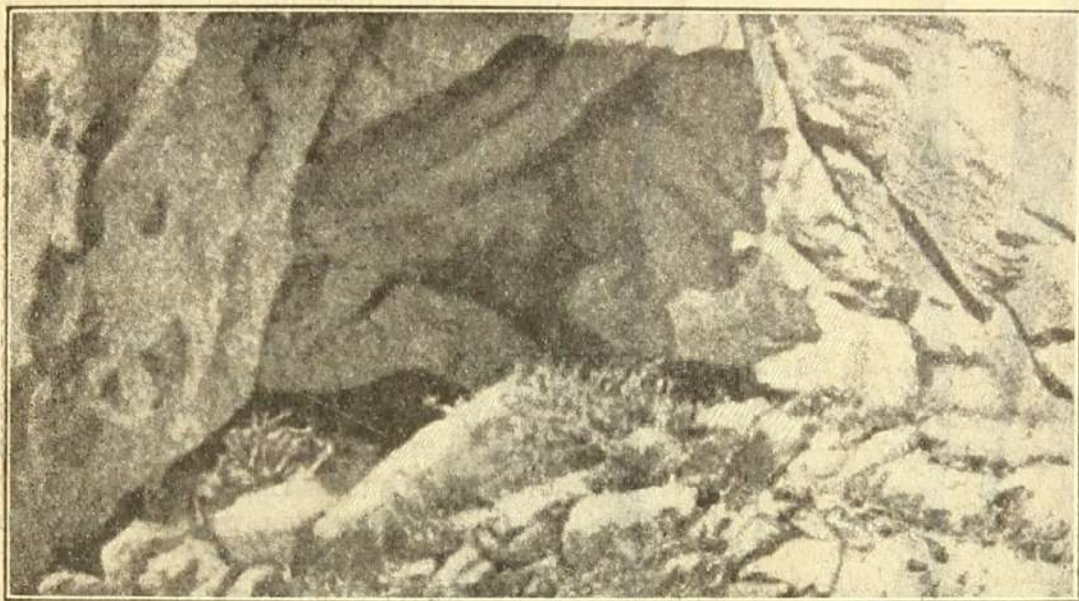

Оружие огнеземельцев, сделанное из камня, дерева и кости.

— Да ведь он таких способов не знает, совсем не знает, а узнать от других не от кого, а своим умом дойти до этого они тоже не в силах. Дикари умеют делать оружие и орудие только из камня, из кости и из дерева, потому что такие материалы у них под рукой и обдирать их легче. Для них еще не наступили такие времена, такой век, когда они будут делать себе оружие из железа. Дикари огнеземельцы и теперь живут почти таким самым способом, как жили много тысяч лет тому назад. Их жизнь совсем почти не переменилась с тех самых пор. У всех других племен и народов, какие только есть на земле, за это время случилось в жизни великое множество перемен, все там пошло по-новому, а у этих дикарей все до сих пор идет по-старому да по-старому. Значит, вот что такое их жизнь—это самая далекая старина, сохранившаяся до наших времен. Сами эти дикари—в роде как живая старина. Вот этим-то дикари эти особенно и интересны. Вель, глядя на них, видишь воочию эту далекую старину. И не только старину этого самого племени, а и других народов.

— Что вы говорите, доктор!—воскликнул Майдмент.—Этого быть не может, чтобы и другие народы в старину походили на этих несчастных дикарей!

— Что значит это слово „может“ или „не может“?—спокойно спросил Соммерсет.—Было так, было везде, во всех странах, и это разужно с точностью и достоверностью. Во всех странах, на всей земле,—и у нас, в Англии, и во Франции, и в России нередко находят в разных старинных пещерах наконечники стрел из камня и из кости, такие самые, как у этих дикарей. Находят и каменные наконечники копий, каменные молотки и каменные топоры, костяные гарпуны и шилы; и все это иной раз лежит довольно глубоко в земле. А как эти человеческие изделия попали в те страны? Кто их сделал? Разумеется, люди. Люди сделали это,—те самые люди, которые жили когда-то в этих наших местах. А эти их изделия были брошены ими когда-то на землю, да мало-по-

Старинная пещера, в которой жили много тысяч лет тому назад дикие люди, делавшие свое оружие из камня, дерева и кости. Эта пещера отыскана в Германии, а в ней найдены зарытые в земле каменные молотки и наконечники стрел.

малу их и занесло пылью, песком, так под землей они и пролежали многие тысячи лет до наших времен. Но ведь коли такие каменные изделия найдены во всех странах света, — это значит, — действительно когда-то все люди на земле были дикарями. Понимаете,—все, без всякого исключения. И все делали себе орудия только из камня да из костей, да из дерева; иначе говоря, для всех людей на земле был когда-то каменный век. То-есть, были такие дикие времена, когда люди не знали и не ведали, что такое железо, и что из него тоже можно готовить себе оружие и орудия. Для англичанина, для русского, для француза эти времена, этот каменный век, давным-давно прошел, а для здешних дикарей он еще не прошел. *Век железа*, или, иначе говоря, „железный век“ для них впереди. Теперь у них *каменный век*, то-есть такие времена, когда главным материалом для их изделий служит камень да кость, да дерево,—только не железо. Вот что такое эти дикари:—это люди *каменного века*, только дожившие в таком самом виде до наших времен. Дожившие почти без всяких перемен в своем житье-бытье. Другие народы уже перестали быть дикарями, а эти еще не перестали. Так они и остаются по-прежнему жалкими, несчастными, беспомощными; так они и не смогли и не сумели устроить к лучшему свою жизнь...

— Да вы только посмотрите на этих дикарей!—воскликнул Гардинер.— С одного ведь взгляда видно, что эти дикари — несчастные-пренесчастные люди! Вот потому я и говорю, что мы должны учить их и научить.

— Да таких, чего доброго, ничему не научишь,—простодушно сказал Пирс.

— Что вы там говорите! Как не научить?! Всему научим, только бы их языку выучиться!

Пирс ушел, а через минуту вернулся опять и принес еще одно изделие дикарей. То был каменный топор, а попросту сказать, довольно большой и плоский осколок кремня, заостренный по одному краю и насаженный на короткую и толстую деревянную рукоятку. Насажён он был таким способом: на конце палки был сделан расщеп, в него вставлен камень и затем крепко-накрепко привязан к ней ремнями.

— Извольте видеть, вот еще орудие из камня!—сказал Пирс.— Вот так орудие! А впрочем, и им можно человека убить. Камень-то на конце вон как оббит, обточен! Ну уж и работа. И как это они делают?

— Они камень о камень обколачивают,—сказал Сомерсет.

— А посмотрите-ка, — вот наконечники стрел, сделанные из бутылочного стекла,—сказал Вильямс.

— И откуда только они это стекло берут?—удивился Пирс.

— С мимо идущих кораблей бутылки выбрасываются в воду, волнами их прибивает к берегу, дикари вылавливают их и разбивают,—сказал Вильямс.

— Так неужели же этим дикарям разбитые бутылки нужнее целых!—воскликнул Майдмент.

— Выходит, что так,—сказал Сомерсет.

— Вот так дикари! Вот несчастные!—воскликнул Пирс.

Каменное и костяное оружие онасов.

— Ну и в яму же мы лезем! Значит, они-то и есть самые дикие люди на земле?

— Эти-то? — сказал Сомерсет. — Ну нет! Эти еще не самые дикие. Дальше мы еще не таких увидим! Эти люди из племени онасов, а онасы — племя еще не самое дикое.

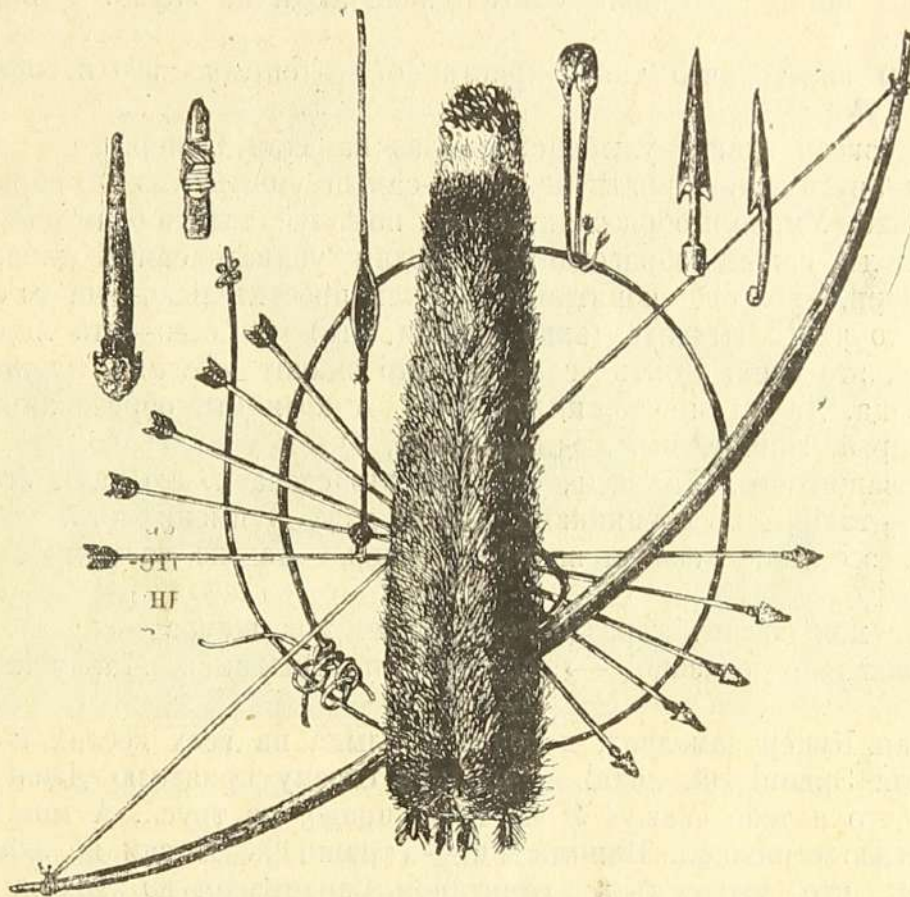
Путешественники распрощались с дикарями и отправились обратно к себе на корабль.

Можно ли убивать дикарей?

Пароход „Королева океана“ плыл да плыл по Магелланову проливу. Уж далеко позади остались те места, где впервые встретились дикари. Капитан Купер попрежнему держался левого берега. Он решил завернуть по пути к

мысу Бокверон и простоять там целый день. Наверно, на его берегах тоже встретятся дикари,—быть-может, у них удастся кое-что разузнать о том, что нужно.

В этом месте Магелланов пролив стал заметно уже. По обеим его сторонам тянулись низменные пустынные берега. Но вдали, на Большом острове Огненной Земли, показались уже горы. Впрочем, попрежнему они были окутаны туманом. Пароход мало-по-малу приближался к горам. Оба берега Магелланова пролива становились гористыми. Попрежнему небо было покрыто густыми облаками, и то и дело шел дождь, град, снег...

Оружие дикарей онасов, лук и стрелы с каменными наконечниками, колчан из шкуры гуанако, кинжалы из костей, каменный нож, праща.

Около полудня пароход пришел в такие места Магелланова пролива, где этот пролив становится опять гораздо шире, потому что берег Огненной Земли делает здесь изгиб. Затем пролив стал опять узким, а там опять сильно расширился. Горы были видны очень хорошо. Они были очень высокие, их вершины покрыты были белым снегом и льдом и уходили под облака. На другой день утром показался мыс Бокверон. Пароход подошел сколь возможно близко к берегу и встал на якорь. Спустили большую лодку, и человек двадцать отправились с парохода на берег. Среди них были Гардинер и все его товарищи, Сомерсет, капитан Купер и одиннадцать матросов с ружьями.

— Как, капитан,—неужели вы думаете стрелять в несчастных дикарей?—воскликнул Гардинер, глядя на заряженные ружья матросов.

— Нет, не думаю, но все же, на всякий случай, нужно быть готовым ко всему... Ведь эти несчастные дикие люди, по правде сказать, тоже умеют ранить и убивать...

— Простите, я ни за что, ни за что не допущу до стрельбы!—воскликнул Гардинер.

Капитан Купер только улыбнулся.

— Э, вы еще не знаете этих дикарей,—они до всего доведут. Они даже лгненка сделают тигром,—сказал он.

— Я никогда не сделаюсь тигром! Никогда, никогда!—воскликнул Гардинер.—Я никого не хочу убивать, даже никому не хочу делать вреда. Лучше поступлюсь своим, лучше сам умру, а уж убийства не совершу. Я приехал сюда совсем не для того, чтобы убивать людей...

— А вы знаете, что такое самые дикие люди на земле? — спросил капитан Купер.

— А вы знаете, что такое христиане? — спросил его в свою очередь Гардинер.

— Не совсем знаю,—улыбаясь, сказал капитан Купер.

— Мы англичане—христиане. Мы—самый умный, самый образованный народ на земле. Умнее и образованнее нас, пожалуй, только одни американцы... Так подобает ли самым образованным людям убивать самых диких? Когда убивают дикари,—это еще понятно и кое-как простительно,—на то они и дикари. А мы-то что? Мы ведь давно поняли, что убийство—это мерзость, это преступление, это грех. Убить человека—это значит *сделать из него покойника*, мертвеца. Да ни за что, ни за что!.. А коли мы, образованные, будем убивать дикарей, значит, мы, люди сильные, будем убивать человека слабого, темного, незащитного. Да ведь, если мы это сделаем, то сами станем преступниками,—такими преступниками, каким даже и имени нет...

— Все это так,—сказал капитан Купер,—только каждому своя шкура дорога.

— Мне моя совесть гораздо дороже, чем моя шкура,—сказал Гардинер.

— Правильно сказано! — воскликнули Вильямс, Майдмент и даже Эрвин.

Капитан Купер замолчал, и лодка поплыла на всех веслах к берегу.

— Дядя Эрвин! Эй, дядя! — шепнул своему приятелю Джон Пирс. — Знаешь ли, что я тебе скажу? Я не трус, право, не трус... А мне вот теперь почему-то стало страшно... Понимаешь — страшно!... И сам не знаю, отчего. Мне кажется, что мы с твоим капитаном Гардинером из этих краев не выберемся—здесь и голову свою сложим...

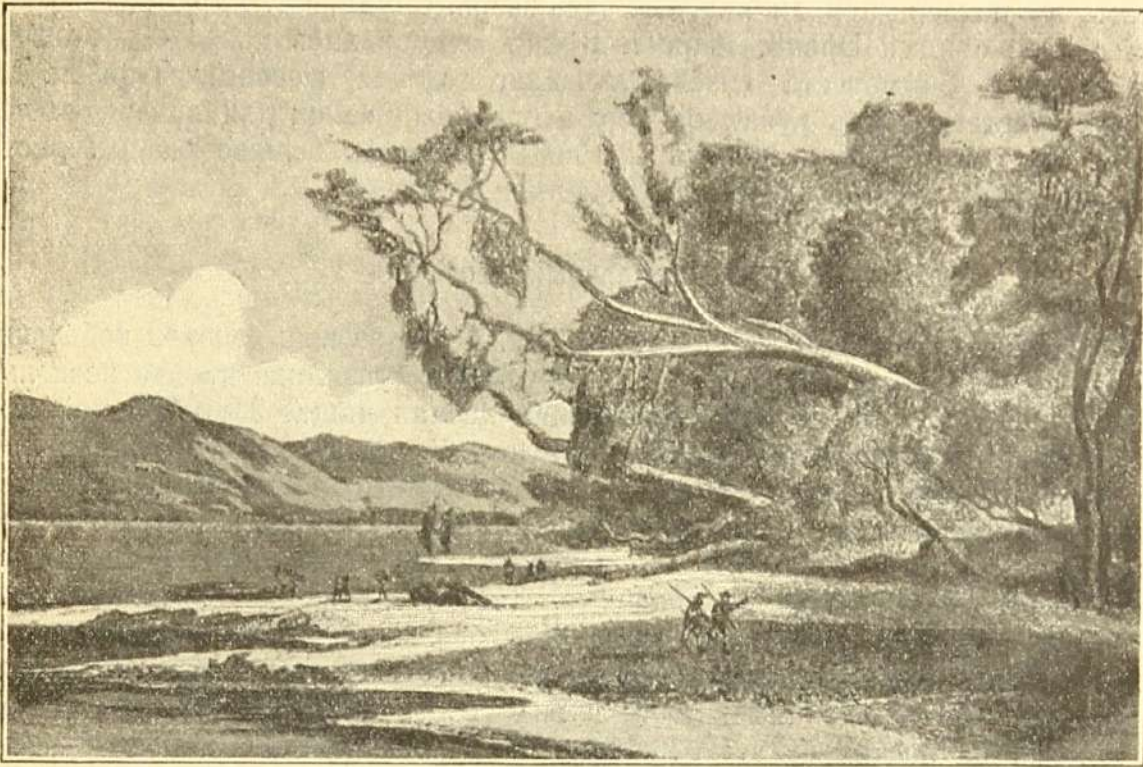
— Ну, ну, молчи, — огрызнулся на Пирса Эрвин. — Подождем, увидим, что будет дальше.

Лодка пристала к берегу в очень удобном месте. Берег здесь был песчаный, отлогий, приставать было удобно. Налево тянулась обширная равнина, а направо, недалеко от берега, темнела опушка зеленого, очень густого леса, который шел до самой подошвы горы и подымался довольно высоко по ее склону; от самого берега было видно, где кончается лес на склонах горы. Его верхняя опушка была очень странного вида, — совершенно правильная, прямая, словно кто-то вырубил здесь лес по линейке. Еще выше лесов, по склонам гор, были видны пустынные болотистые места, заросшие кустарником, и такие места шли далеко наверх, до самых снегов и льдов, покрывавших самую вершину горы. За этой горой виднелись еще горы, а за ними еще и еще. Облака лежали на склонах гор низко-низко и при этом сыпали дождем и снегом и медленно переползали с утеса на утес. А у подошвы гор, по левую руку путешественников, расстилалась пустынная, каменистая равнина. На ней здесь и там подымались небольшие холмы, кое-где между холмами

были овраги. Почва была то травянистая, то песчаная, то с крупными камнями, то без камней, то ее покрывали небольшие деревья и кустарники. Недалеко от того места, где остановилась лодка, впадала в море небольшая река. Она была довольно широкая, но неглубокая, и текла по песчаному ложу, покрытому множеством крупных и мелких камней.

Матросы вытащили лодку на прибрежный песок.

— Подымайте ее выше, выше, еще выше! — распоряжался капитан Купер. — Ведь в этих местах Магелланова пролива бывают приливы довольно

У опушки леса, на Большом Острове Огненной Земли

высокие, — два раза в сутки вода подымается больше, чем на пол-сажени *).

Два матроса остались сторожить лодку. Остальные все разбрелись по берегу. Дикарей еще нигде не было видно.

В это время вдруг из-за облаков выглянуло солнце и яркими лучами осветило землю. Сразу же, от его лучей, и лес, и горы, и скалы, и равнина, и река переменили свой вид. До этого времени они были какими-то тусклыми, унылыми и пустынными. И вдруг от солнечных лучей они сделались веселыми, красивыми и даже как будто уютными.

*) Что такое прилив и отлив и почему они бывают, — объяснено в книжке Н. Рубакина „На необитаемом острове. Рассказ о берегах и островах“. Суть дела вот в чем: во время прилива вода океана подымается и сильно налезает на берег; во время отлива она уходит в море. Прилив бывает в океане два раза в день, отлив тоже два раза; прилив с отливом чередуются. Приливы бывают потому, что солнце и луна притягивают к себе Землю и все, что есть на Земле, — значит, и воду морскую в океане. Во время прилива вода океана вспучивается бугром, потому что она жидкая и подвижная, а твердая земля, суша, не изгибается и не вспучивается. В иных местах Земли приливы сильнее, больше, в иных меньше. Во время полнолуний и новолуний приливы бывают гораздо сильнее, чем в другие дни, потому что в эти дни солнце и луна действуют заодно, и оба эти светила небесных притягивают воду в одну и ту же сторону.

— Вот красота! Вот прелесть!—воскликнул Пирс.—Эх, если бы всегда здесь было солнце, вот бы хорошо нам жилось!

Но солнце опять скрылось за тучу, и все снова сделалось неприветливым, серым, угрюмым и мрачным. Впрочем, дождь совсем перестал идти. Путешественникам захотелось еще побродить по острову.

Через четыре часа все должны были собраться опять около лодки, а до тех пор всякий мог идти, кто куда хотел.

Капитан Купер и несколько человек матросов отправились на охоту, — поискать, не подвернется ли какой-нибудь зверь. Сомерсет, Гардинер и Вильямс, а вместе с ними Эрвин, Пирс и Бриан отправились побродить по лесу. Через плечо у Сомерсета висела большая, зеленая, жестяная коробка для собирания растений, а в руках он держал длинный сачок для ловли бабочек и жуков. Сомерсет хотел набрать для себя возможно больше разных растений и животных, какие водятся на Огненной Земле.

Удивительный лес.

Лес начинался почти от самого берега. Сначала шли деревья небольшие и низкие, потом пошли высокие. Не успели путешественники пройти несколько сажен по лесу, как уже началась сплошная лесная чаща. Итти по ней приходилось очень медленно и с большим трудом. Ветви деревьев били по лицу и раздирали платье. Нередко дерево к дереву примыкало вплотную. Сомерсет шел впереди всех и присматривался к каждому дереву. И правда, было к чему присматриваться, потому что деревья в этом лесу были какие-то особенные, — не очень высокие, но красивые. Листья у этих деревьев были мелкие, жесткие и очень душистые. Пахли они довольно приятно, — стоило только раскатать лист между пальцами. Сидели эти листья не по всей ветке, а большей частью лишь на концах ветвей, в виде коронки, пучками. По виду они были похожи на листья бука. И правда, эти деревья были из породы буков, — особенной породы огнеземельских буков. В лесу было больше всего таких буковых деревьев. Но попадались иногда и другие породы; особенно бросались в глаза высокие, толстые деревья с большими, блестящими, темнозелеными листьями. На этих деревьях кое-где были видны душистые белые цветы. То были особые деревья из породы магнолий. Называются они дримидами (*Drumis winteri*). Стволы некоторых из этих деревьев имели в обхвате больше полсажени, но все же были гораздо тоньше буковых. Нередко попадались буки очень толстые. У иных буков стволы были в обхвате почти две сажени.

Чем дальше шли в лес, тем он становился темней. Только птицы не боялись этой темноты и пели на все голоса, несмотря на прохладную и пасмурную погоду. В лесу было множество разных пород птиц, и мелких, и крупных. У самого входа в лес появилась около путешественников целая стая каких-то маленьких птичек. Они пищали тоненькими голосками и летели по следам путешественников. Дальше шли путешественники в лес, — туда же, вслед за ними, летели и эти птицы. Они не отставали от них ни на шаг. То были птички из особой породы пищух (*Oxyurus*). Во время отдыха несколько раз путешественники видели на ветвях очень красивых попугаев, а однажды из дупла выскочила большая сова и медленно полетела, хлопая тяжелыми крыльями. Встречалось и множество других птиц разных пород. По всему было видно, что птицы водятся здесь во множестве. Но зато попадалось уж очень мало четвероногих зверей. В одном месте встретила небольшая дикая кошка; немного погодя, удалось убить маленькую выдру; попадались еще ле-

тучие мыши. Только и всего. Сомерсет тотчас же обратил на это внимание. Он сказал Вильямсу.

— Замечаете ли вы, как мало в этом густом лесу четвероногих зверей? Здесь больше всего летучих. Знаете, почему это так? Потому что умеющие летать смогли перелететь через морской пролив и добраться до этого острова, а кто летать не может, тому уж никак не добраться сюда.

— Как же попали сюда четвероногие звери, которые не могут плавать?— спросил Вильямс.

— Когда-то Магелланова пролива совсем не было, а вместо него была сухая долина. В те времена, этот остров примыкал к материку Америки вплотную. Тогда-то он и заселился четвероногими зверями, которые не могут плавать. Все они пришли сюда с американского материка; многие их породы вымерли, иные остались живы, иные приспособились к здешним местам и изменили свой вид. Тогда же перебрались в эти места и люди. Они тоже пришли сюда сухой дорогой, а не вплавь. Ведь дикари онасы плавать не умеют. Что такое лодка или плот — они не знают. Они живут без всяких лодок. Теперь они не умеют плавать на лодках, а в старину далекую и по давню не умели. Значит, они по суку сюда пришли. И это было очень давно,—наверно, много сотен и даже тысяч лет тому назад.

— А почему же Огненная Земля стала островом?—спросил Вильямс.

— Потому что земная кора в этом месте осела, опустилась. Опустился весь южный конец Америки; поэтому отдельные горы сделались островами, а долины стали морскими проливами.

Путешественники опять тронулись в путь. Лес становился все гуще; ветви деревьев в иных местах так сцепились и перепутались, что из них сделалась настоящая сплошная зеленая крыша; под такой крышей было мрачно, сыро и холодно. Весь лес был мокрый. С листьев и ветвей капала вода, насевшая во время дождей. Почва тоже была влажная и болотистая. То и дело попадались глубокие лужи воды. Со всех сторон они были окружены мхом, и около воды и в воде также был мох. Стволы многих деревьев тоже были покрыты им. Тут же рядом росли разные лишай и грибы особого вида. Они сидели на стволах деревьев, а свои корни, похожие на особые нити, пускали в их кору еще глубже и высасывали оттуда питательные соки дерева. Иные огромные деревья почти сплошь были покрыты этими грибами и лишаями и казались словно бархатными. Особенно бросалась в глаза одна порода грибов. То были грибы ярко-желтого цвета и круглые, словно шары. Они во множестве сидели на буковых деревьях. Иные были молодые, иные старые. Более молодые были более упругие, пухлые и с гладкой кожей; а старые были жесткие, некрасивые, и вся их съезжившаяся кожа была усеяна глубокими ямочками. Сомерсет сорвал такой гриб и откусил от него кусочек.

— Что вы делаете?—воскликнул Гардинер.—Берегитесь, как бы не отравиться.

— Знаете ли вы, господа, что это такое?—воскликнул Сомерсет.—Ведь этот гриб — циттария, — понимаете, знаменитая циттария *). Слышали ли вы о ней что-нибудь?

Разумеется, никто ничего никогда об этом грибе не слышал. И что значит гриб „знаменитый“? И чем знаменита эта циттария? Знал ее только один Сомерсет. Он разжевал и проглотил кусочек гриба, а за ним откусил еще и еще.

*) *Cittaria Darwini*.

— Ну что ж, ничего,—есть можно!—сказал он.—Нельзя сказать, чтобы было особенно вкусно,—гриб пахнет грибом и похож на слизь, а все-таки он немножко сладковат. Я понимаю, почему дикари пещерасы поедают множество этих грибов. Но ведь кроме этих грибов дикари совсем не едят никаких других растений... А не будь этой самой циттарии, многие дикари померли бы с голоду. Тем и знаменит этот гриб, — тем он и прославился даже у нас в Англии: циттария спасает от голодной смерти самых диких людей на земле!

— Ну уж и еда!—сказал Пирс.—Я и с голоду не стал бы такую дрянь жевать.

— Подождите, подождите, не хвалитесь раньше времени, — голодному все покажется вкусным,—сказал Соммерсет.

Не думал и не гадал в это время Пирс, что придется и ему не мало поесть гриба циттарии; не знал и не ведал он, что случится с ним и с его товарищами всего лишь через несколько месяцев, и как он будет искать по всему лесу этого самого гриба, словно манны небесной.

На одной прогалинке, в сыром месте, Соммерсет увидел небольшое травянистое растение с светлозелеными листьями. Он быстро наклонился и сорвал его. Соммерсет позвал к себе Майдмента и сказал ему:

— Посмотрите, Майдмент, на это растение. Это *ложечная трава*. Она—хорошее лекарство от цынги. Запомните ее хорошенько, — быть-может, это знание вам пригодится!

— Благодарю вас, господин доктор,—сказал Майдмент.—Только, право, я думаю, что это знание нам ни к чему. Где уж тут всякую траву запоминать,—дай Бог, чтобы хоть одно Евангелие помнить.

— Ну, как знаете,—сказал Соммерсет и отошел в сторону.

— Не вернуться ли?—спросил Гардинер.

— Нет, пойдете еще дальше,—сказал Соммерсет.

А лес становился все гуще. Чаща была такая, что в иных местах приходилось пролезать между деревьями с трудом. Приходилось даже расчищать дорогу топором, рубить ползучие, вьющиеся растения. Деревья были обвиты ими с верху до низу. Иные деревья лежали на земле и уже успели наполовину сгнить. Перебираться через них было очень трудно, потому что ноги проваливались внутрь выше колена. Однажды Пирс увяз в таком дереве по пояс. Местами гнилые деревья лежали целыми грудками одно на другом, а их покрывали лишай, папоротники, грибы. Но вот что особенно бросалось в глаза: в лесу почти нигде не было никаких трав: им мешала расти лесная темнота, а, может-быть, и лесная сырость.

— Наверно тут водится много разных гадов?—сказал Вильямс.

— На Огненной Земле никаких гадов нет,—сказал Соммерсет,—нет ни змей, ни ящериц, ни даже лягушек.

— Почему так?—спросил Вильямс.

— Надо полагать, мешают холода. Здесь, что зима, что лето, — все едино, одно от другого не всегда отличишь. Здесь круглый год стоит поздняя осень. В иные летние дни стоят такие же холода, как зимой, и даже идет снег. А, быть-может, и по другим причинам гады здесь жить не могут.

Зеленая сумка Соммерсета была битком-набита разными растениями. Он решил, что пора уже вернуться домой.

— Ух, устал!—сказал он и облокотился спиной к стволу какого-то огромного дерева.

Но не успел он сказать этих слов, как случилось что-то необычайное: огромное, толстое дерево, к которому он прикоснулся, вдруг сломалось под

самым слабым напором его спины; кора дерева треснула, и Соммерсет упал внутрь дерева, стукнулся там о противоположную сторону дупла, пробил и ее своей тяжестью и высунулся наружу; дерево зашаталось и рухнуло, обсыпав путешественников перетлевающей гнилью. За минуту перед тем оно казалось сухим и крепким, а тут вдруг рассыпалось в прах и даже никого не ранило. Соммерсет быстро вскочил на ноги, отряхнулся, засмеялся и воскликнул:

— Вот так приключение!

Он взял свой сачок и со всего размаха ударил древком о соседнее дерево. Оно тоже оказалось гнилым и мертвым, хотя и держалось еще стоймя, как все прочие. Соммерсет ударил кулаком о другое дерево, — и это было такое же гнилое. Многие деревья оказались тоже мертвыми и гнилыми. Они стояли, покрытые мхом и грибами, но не падали, потому что их поддерживали соседние крепкие деревья; иные держались почти на весу, в роде как висели на разных вьющихся растениях, между тем их пни уже совсем рассыпались. Другие огромные деревья стояли еще на корню, но на самом деле были уже мертвые и словно лишь поджидали, когда уж придет время и им рассыпаться в прах. И таких было очень много.

— Вот так лес! Вот это удивительный лес! — говорил Пирс. — А мы-то старались, — рубили тонкие растения, то-есть молодежь. А нужно-то было просто-напросто колотить палками стариков: тогда бы дорога-то скорее расчистилась...

Усталые путешественники повернули обратно, стараясь держаться ближе к берегу. На этот раз расчищать дорогу и вправду стало гораздо легче, потому что гнилые старые деревья, отслужившие свой век, валились с первого же удара топора.

— Так вам и надо, голубчики, — говорил Бадкок, действуя топором. — Чего это вы вздумали нам дорогу загораживать? Только своим видом добрых людей пугаете, а на самом-то деле вы просто-напросто—гниль.

Единственная порода больших четвероногих зверей на Огненной Земле.

— Я нашел чьи-то следы!—вдруг закричал Пирс.

И правда, налево путешественники увидели тропинку, как будто нарочно проложенную, а на ней были видны чьи-то следы, даже великое множество следов. Тропинка извивалась по лесу, а следы как будто шли к опушке.

Вдруг издали донесся глухой ружейный выстрел, за ним еще и еще. В то же самое время послышалось хрустение веток и какие-то особенные странные крики. Они были похожи не то на человеческий хохот, не то на баранье блеяние. Они слышались все ближе, ближе, и вдруг из-за поворота тропинки показались головы каких-то зверей. Эти звери были высотой с пол-сажени, а длиной без малого сажень. Они были очень странного вида и похожи не то на верблюда, не то на овцу. Шеи у них были, как у верблюда, ноги тонкие, а шерсть—длинная, лохматая, очень похожая на овечью, рыжая или грязно-буроватая. И туловище, и шея были покрыты такою шерстью, только на ногах да на голове шерсть была гораздо короче. Один зверь подошел довольно близко и вытянул вперед шею, так что его можно было рассмотреть хорошо. Голова у него была очень потешного вида, — длинная, с большими ушами, большими глазами и большой верхней губой. Эта губа была посредине совсем рассечена и постоянно шевелилась, дрыгала; уши тоже шевелились, и тоже очень быстро; большие ноздри то открывались, то захлопывались; у глаз были ресницы и мигали быстро-быстро. Хвост у таких больших зверей был

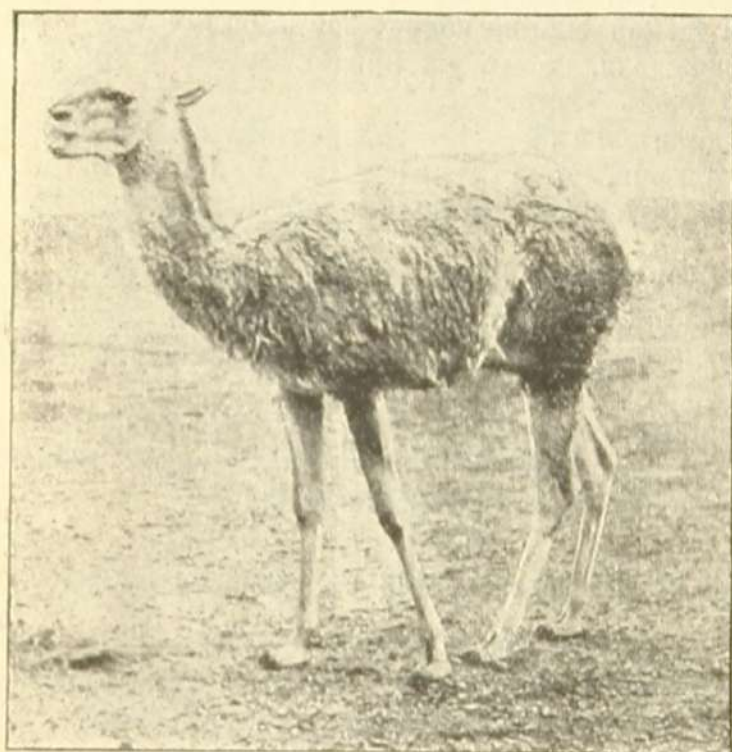
очень маленький, лохматый, вертлявый и стоял торчком, а кончик его был совсем без волос и выглядел очень потешно. За одним зверем подошел поближе и другой, и третий, и четвертый, а там еще и еще, целое стадо таких же зверей.

Завидев людей, звери остановились. Остановились и люди. Звери были очень испуганы, но, кроме того, они были и очень удивлены. Они рассматривали людей, а особенно же удивлял их Соммерсет со своим сачком и зеленой жестяной сумкой.

— Тише, друзья! Это ведь гуанаки!—воскликнул Соммерсет.

Но не успел он произнести этих слов, как гуанаки быстро повернулись и побежали по тропинке назад. Пирс, Эрвин, Бадкок бросились за ними. Звери бежали очень быстро и то и дело исчезали за поворотами тропинки;

матросы пустились через лесную чащу, им наперерез. Бежали, сломя голову, чтобы выбраться поскорее из леса; путались, сбивались, падали, а все-таки бежали. Лесная опушка уж кое-где сквозила между древесными стволами. С великими усилиями Бадкок добежал до опушки раньше других. А стадо гуанак уже давно мчалось по равнине. В этом стаде было голов тридцать. Наперерез ему бежал капитан Купер и его матросы. Но угнаться за гуанаками, даже во всю прыть, было совсем невозможно, потому что звери успели уже отбежать довольно далеко. Бежали они тоже потешно, гуськом, головами вперед, вытянув шеи, развалистой, короткой иноходью; впереди бежали де-

Г у а н а к о.

теныши и самки, а позади—самец; он был один на все стадо. Он то и дело подталкивал бегущих своей головой.

Очень скоро стадо скрылось за соседними холмами. Матросы выстрелили в зверей, но ни одного из них не убили.

Бадкок пошел навстречу капитану Куперу и матросам. Скоро все люди собрались в кучу. Посреди толпы стоял сильно запыхавшийся матрос Бриан и говорил:

— Ну, звери! Иду я по морскому берегу и вижу, — стоит целое стадо их, и пьют они себе да пьют морскую соленую воду. Так и лакают, словно она пресная. Я к ним, а они прыг в море — и переплыли воп на тот мыс, сажен за тридцать от меня. Я туда же побежал по берегу. Вижу: на скале стоит большой зверь, самец, словно сторож, и смотрит на меня, вытаращив глаза. Я подхожу еще ближе, а зверь смотрит, и ни с места, знай таращит глаза. Наконец, как закричит, заблеет, да вскочит на задние ноги, да как

закрутит передними, словно мне грозит ими, а потом как запрыгает—и бежать. А за ним и все стадо наутек. Я даже опомниться не успел, а звери уже были далеко.

— А я как увидел, что бежит стадо,—подхватил рассказ Бриана другой матрос,—думаю, дай-ка попробую выкинуть штуку: пошел наискосок к стаду, упал нарочно на землю, спиной вниз, да как начну болтать изо всех сил руками и ногами. Звери увидели и остановились. Стоят недалеко, вытаращив глаза, и смотрят, что это такое я проделываю. Вот тут-то капитан Купер и выстрелил и ранил одного.

— Как же это вы догадались выкинуть такую штуку? — спросил Соммерсет.

— А я видал, как в Перу охотники это делают, — так и сам сделал. Очень уж эти звери любопытные.

— Вот как!—воскликнул Соммерсет.

— Да это еще что! Зверь ведь нашего Жана Бриана оплевал!

— Как так оплевал?—спросил Вильямс.

— А вот как,—сказал Бриан,—подошел я к раненому-то, а он к себе не допускает: лягается, брыкается, старается укусить. Уши пригнул назад да и смотрит на меня. Я еще ближе к нему, а он как плюнет мне прямо в лицо, и слюну, и жвачку. Свету не взвидел,—так противно. Едва отмыл... Капитан Купер убил зверя.

Мимо золотой россыпи.

Матросы уже развели огонь и жарили на нем мясо гуанако. Оно показалось всем очень вкусным. Ели его с удовольствием. Дым от костра поднялся столбом, высоко к небу. Сырые деревья, положенные на костер, сильно дымили. Поэтому дым был виден издали.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул Эрвин. — Вон там, за холмом, я вижу тоже дым костра.

— А там, правее от него, как будто еще дым... А вот еще и еще...

И правда, в разных местах равнины, за холмами и на холмах, загорелись и задымились тоже костры, больше десяти костров. Огненная Земля была словно усеяна ими.

— Ну, друзья, будьте готовы к разным встречам!—сказал капитан Купер.—Эти костры, наверное, зажжены дикарями онасами.

После обеда было решено идти подальше от берега по равнине, на поиски дикарей. У лодки были оставлены только два матроса, остальные все двинулись в путь.

Сначала шли вдоль берега небольшой речки, поднимались по ее течению. Идти по прибрежному песку было довольно легко. То был песок плотный, слежавшийся. Нога в нем не вязла. Впереди шел Купер и Соммерсет; позади всех шел Аллен Гардинер и пристально смотрел себе под ноги. Он как будто к чему-то присматривался и чего-то искал. Много раз он наклонялся к земле, брал горсть песку и внимательно рассматривал его. Он отбирал какие-то желтые крупинки, заворачивал их в бумажку и клал в карман своей жилетки. Идя дальше по берегу реки, Гардинер вдруг увидел желтоватый камень странного вида, величиною с горошину. Он поднял этот камень и принялся рассматривать. Камень был блестящий и увесистый, и с металлическим отливом. Гардинер сейчас же узнал, что это за камень. Это был кусок *чистого золота!* Мелкие крупинки были тоже золото. Река, по берегу которой шли путешест-

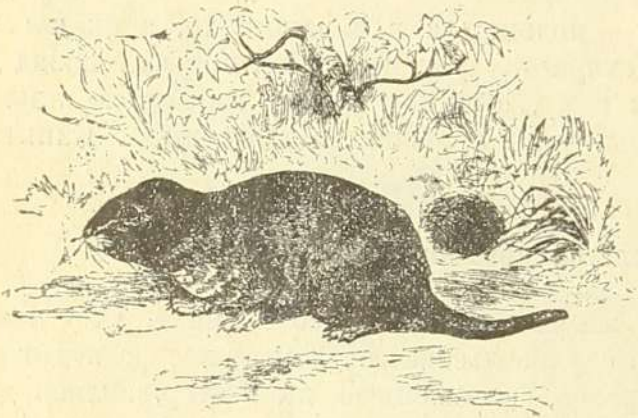
венники, текла по золотой россыпи. Матросы шли по золотоносному песку, топтали его ногами и сами не замечали тех богатств, по которым они идут. Один только Гардинер, побывавший на своем веку на разных золотых россыпях, заметил золотые крупинки под своими ногами. Но он никому ничего не сказал о них.

„И к чему говорить? — думал Гардинер. — Золото отсюда никуда само не убежит, а вот если о нем узнают Пирс, Бадкок и другие мои спутники, — как знать? Чего доброго, они и не захотят идти со мною дальше. Лучше я скажу им о находке лишь после того, как наше дело будет уже сделано и мы станем возвращаться домой“.

И он спокойно положил золотой самородок себе в карман и решил никому не говорить о нем ни слова. Капитан Купер громко окликнул Гардинера и спросил идти скорее.

— Что вы там ищете, капитан? — спросил Эрвин Гардинера.

Тот ничего не ответил и пошел вслед за всеми.

Туко-туко.

Земля, по которой нельзя идти.

Путешественники поднялись на холм и затем пошли по пустынной, холмистой равнине. Дорога была скучная, однообразная. Везде были холмы, камни, небольшие кустарники, песок, желтая трава. Попадались то и дело лужи воды. В одном месте встретилась большая заросль каких-то кустарников, очень густых и колючих. Это был кустарник „калафат“ с длинными, острыми шипами. Матросы

пробовали-было проложить через него дорогу, но это не удалось, потому что шипы рвали и кожу, и платье. Пришлось обходить кустарник стороной. Путешественники спустились с холма и попали на какую-то равнину. Не успели они сделать по ней несколько шагов, как вдруг Вильямс почти до самых колен провалился в землю. За ним провалился и капитан Купер, и Гардинер, и кое-кто из матросов. Кое-как вытащили их из провалившейся земли. Но едва только сделали еще несколько шагов, как провалились опять и опять. Ити по такой земле было еще труднее, чем через колючий кустарник.

Что же это было такое? Почему под ногами проваливалась земля? Быть-может, почва была здесь сырая, вязкая? Нисколько. Земля была совсем не сырая. Сомерсет взял свою палку и изо всех сил воткнул ее в землю. Палка ушла почти на пол-аршина вглубь. Сомерсет осторожно разворотил землю. Вдруг из ямы, из-под земли, выскочил какой-то черный зверек немного больше крысы и пустился бежать изо всех сил. Эрвин выстрелил в него и убил.

— Вот оно, в чем дело! — воскликнул Сомерсет. — Вот почему наши ноги проваливались в землю! Не угодно ли посмотреть! Этот самый зверек этому виной.

Все стали рассматривать зверька. То был „туко-туко“, постоянный житель патагонских и огнеземельских степей и пустынь. Этот небольшой зверек похож не то на крота, не то на мышь. Он, словно крот, живет под землей

и роет там себе очень длинные, глубокие и извилистые норки. В иных местах вся земля так изрыта ими, что по ней нельзя идти. Иногда даже бывает слышно, как зверек роется под землей, у самых ног, роется и кричит, словно выговаривает „туко-туко“, „туко-туко“. Оттого и дано ему такое название.

Вторая встреча с дикарями.

С великим трудом путешественники прошли через места, изрытые зверьками. Взошли наконец на холм и вдруг, недалеко от себя, увидели целую толпу дикарей. Их было человек тридцать. Все они были совсем голые. Только на плечах у некоторых из них были небольшие звериные кожи. В руках у дикарей были луки, стрелы, каменные топоры. Все дикари были пешие. Нигде не было видно ни лошадей, ни коров, ни овец, ни иных домашних животных. Путешественники остановились и встали в ряд. Дикари тотчас же заметили их и тотчас же принялись готовить свои копыя, и луки, и стрелы. Чтобы не рассердить дикарей и не доводить дела до кровопролития, капитан Купер вынул свой носовой платок и стал махать им. Этим он хотел показать дикарям, что путешественники им не враги. Но лишь только он махнул платком, вдруг дикари повернулись спинами и пустились со всех ног бежать. Они бежали во всю прыть, делая огромные шаги. Никто и не думал гнаться за ними. Видно было, что дикари—великие мастера бегать,—таких бегунов трудно бы было догнать даже на лошади. В две или три минуты дикари уже исчезли за холмами. Почему все это случилось, и чего же дикари испугались,—никто из путешественников не мог понять.

— Смотрите! Смотрите! Ведь убежали-то не все!—закричал Пирс.

И правда, недалеко от Сомерсета, на земле, копошилось какое-то существо. Оно, повидимому, даже и не думало никуда убежать; путешественники подошли поближе и увидели довольно высокую женщину, пожилую и очень некрасивую. Она была темнокожая, черноволосая, неуклюжая и почти без всякой одежды. Только у пояса женщины был привязан небольшой лоскут из кожи гуанако. Женщина была очень дикого вида. Волосы ее были очень жесткие и густые. Лицо все было в морщинах и раскрашено красной и белой краской. В руках у этой женщины был лук и два каких-то сосуда. Кроме того, на своей спине женщина несла какой-то тяжелый кожаный тюк. Она изгибалась под его тяжестью. Матросы подошли к тюку и раскрыли его. Оттуда так и посыпались мертвые туко-туко. Их было в тюке штук четыреста, и все, надо полагать, были убиты очень недавно,—они были еще совсем свежие. Это был запас пищи убежавших дикарей. По всему было видно, что дикари охотились в этих местах за туко-туко. Они ухитрились каким-то способом очень быстро ловить и убивать этих зверьков. Женщина снова собрала их в один тюк и взвалила его себе на спину. Тюк был очень тяжелый. Женщина лишь с трудом тащила его. Она потому и не убежала тоже, что не захотела бросить своей добычи. А другие дикари, храбрые воины онасы, между тем убежали со всех ног куда-то в кусты.

— Вот так рыцари благородные!—засмеялся Пирс.—Нас же приняли за опасных врагов, да нам же и оставили свою женщину на съедение. Никто и не подумал ее защищать. Ну не дико ли все это?

— Чего же вы от дикарей хотите? — сказал Сомерсет.—Разве дикари считают женщину за такого же человека, как они сами? Да для них женщина—тот же рабочий скот. Смотрите, какой громадный и тяжелый тюк она должна тащить. Ведь его даже не всякий матрос подымет,

— А муж-то ее что не остался? А дети?—спросил Майдмент.—Есть же у нее какие-нибудь родственники среди дикарей.

— Есть-то есть, да до нее никому никакого дела нет,—ответил Соммерсет.—Родство притягивает дикаря к дикарю еще очень слабо. А муж и отец здесь даже и за родственника не считается. Дети тоже: выросли—и разбежались от матери во все стороны,—каждый живи сам по себе как знаешь и как другие живут...

— А коли так, что же это за семья у дикарей!—воскликнул Майдмент.

— Разумсется, это не семья,—сказал Соммерсет.—Настоящей семейной жизни такой дикий народ не знает и не ведает.

— Что же это такое! И лодок не знает, и лошадей не знает, и родства настоящего не знает, и семейной жизни настоящей не знает, и языка не знает! На чем же тогда эта дикая жизнь держится? И какой же у нее тут порядок? Начальник племени, что ли, всех сдерживает? Или вера какая-нибудь всех в одно связывает?

— Начальник? Вера?—улыбаясь, сказал Соммерсет.—Знаете, что говорят путешественники про здешних дикарей. Они говорят, что у них никаких начальников нет,—кто сильней да кто старше, тот и первый среди них, а коли кто ослаб да одряхлел,—и нет тому почета. Вот и все их начальство. Каждый может им сделаться. Но никакого начальника дикари слушаться не умеют. А впрочем, я еще не вижу в этом ничего худого. Пусть лучше каждый человек себе самому будет господин. Но дикари и этого-то ведь не умеют. Они не больно-то своим собственным умом живут, а все больше перенимают чужое, друг от друга. Да и вера у этих дикарей тоже не многого стоит, и не много значит. Какая-то вера у этих онасов есть, а что это за вера,—никто хорошенько не знает. Насчет веры у них в головах темнота кромешная.

— И это еще не самые дикие люди на земле?!—воскликнул Пирс.

— Да, не самые дикие.

А женщина сидела около своей рассыпавшейся ноши и боязливо осматривалась по сторонам, словно перед ней были не англичане, а какие-то людоеды. Она что-то бормотала на своем языке, размахивала руками и все показывала в ту сторону, куда убежали дикари.

Чтобы успокоить женщину, Гардинер подошел к ней и хотел было дружески погладить ее по голове. Но не успел он сделать и шага, как женщина подскочила к нему, схватила его за плечи и со всей силы оттолкнула от себя. Бедный Гардинер так и грохнулся на землю: дикая женщина показала, таким способом, свою силу на самом Гардинере. Тот быстро опомнился, добродушно засмеялся и заговорил самым ласковым голосом:

— Что ты, что ты, мой друг! Я тебе ничего худого не делаю.

Женщина, разумеется, не понимала его слов, но добродушный и веселый вид Гардинера и его ласковый голос ясно показывали, что Гардинер никакого зла не делает ей. Он опять подошел к женщине, но та снова накинулась на него, и Гардинер снова отлетел от нее на несколько шагов.

Капитан Купер, Соммерсет, матросы стояли вокруг и покатывались со смеху.

— Да вы оставьте, капитан,—кричал Эрвин.—Видите, какое это животное! Пусть-ка до вас дотронется,—я ей тогда покажу, что мой кулак сильнее!

Гардинер попрежнему добродушно поднялся, взглянул на женщину, вынул из кармана шелковый платок и протянул его ей. Та дикими глазами

вскинулась на Гардинера и вдруг рассмеялась как ни в чем не бывало, взяла платок и обмотала его, словно браслет, вокруг левой руки.

— Ну, разве это не животное?—сказал Эрвин.

— Видите, это человек, как и мы!—сказал Гардинер.—Ведь поняла же она в конце концов, что я не причину ей зла.

Капитан Купер тоже снял с своей шеи красный платок и подарил женщине. Та еще больше успокоилась, взяла платок, осмотрела его со всех сторон и обвязала вокруг своей шеи. Она успокоилась так же быстро, как и испугалась: испуг у нее прошел в одно мгновение, словно его никогда и не было. Матросы глядели на безобразное, раскрашенное лицо дикарки и смеялись. Смеялась и сама она. По всему было видно, что в ее душе одно чувство сменяет другое чрезвычайно быстро, и что все ее чувства проходят одно за другим словно без всякого следа. Наконец женщина встала, взвалила свою тяжелую ношу на плечи и, пригибаясь под ней, тихонько поплелась вслед за убежавшими дикарями.

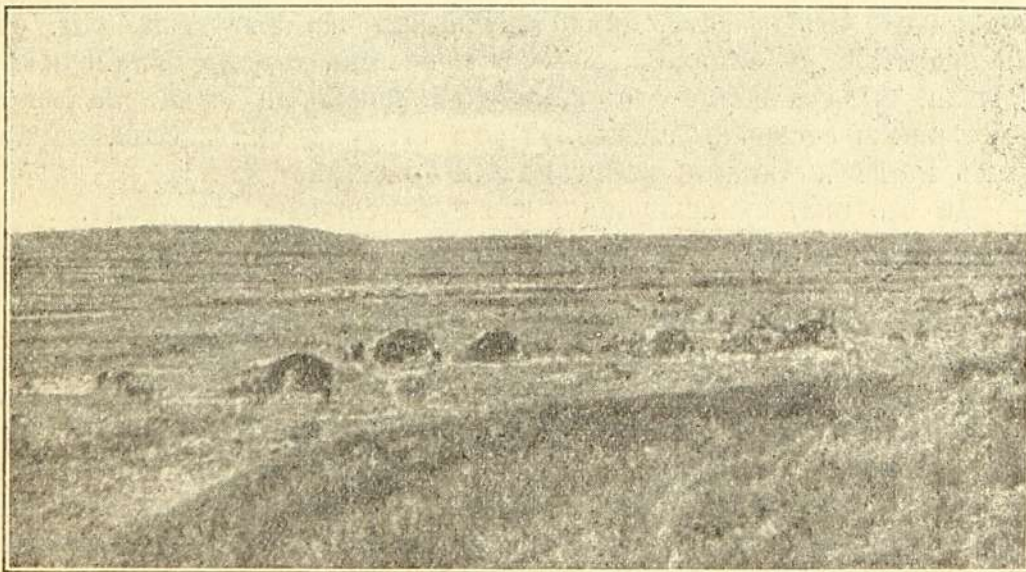
Пошли вперед и путешественники. Шли они часа полтора. Дул холодный ветер. Все небо было в облаках. То и дело шел дождь. Вскоре ветер стал еще сильнее и холодней, и пошел град, а за ним и снег. Градины были довольно крупные и острые и даже резали лицо. Снег шел крупный и мокрый.

Полудомашние животные и полужилища.

— Ну, и страна,—говорил Пирс.—Вот так страна!—Здесь даже летом идет снег. А что же тогда будет зимой?

Но скоро снег прошел. Тучи поднялись. Небо немного расчистилось. Стало немного суше. Путешественники опять взобрались на довольно высокий холм. Оттуда была далеко видна вся окрестность. Путешественники стали осматриваться вокруг, куда им идти. Вдруг сажень в двухстах от себя они увидели на склонах холма что-то странное. Там стояли не то стоги сена, не то кучи сухих веток. Такие кучи были расставлены по полукругу, одна около другой, неуклюжие, безобразные. А около этих куч суетились какие-то существа, бегали, прыгали, гонялись одно за другим.

— Смотрите, смотрите! Опять дикари!—сказал Майдмент.

Низменная равнина на Большом острове Огненной Земли.

Самые дикие люди на земле.

— Да полноте! Что вы там говорите!—сказал Бриан.—Это не люди, а собаки.

И правда, когда путешественники подошли немного ближе, то услышали собачий вой и визг. Подойдя еще ближе, они увидели целую деревню, а в ней множество собак. То, что издали казалось стогами сена, на самом деле были просто-напросто жилища дикарей. Глядя на такие жилища, Пирс воскликнул.

— Да что же это такое? Ведь даже птицы вьют себе гнезда лучше этого. А эти дикари строят для себя вон какие гадкие шалаши.

Жилища дикарей были построены так: в земле была вырыта круглая яма, глубиной немного больше полу-аршина, а шириной аршина два; у одного края такой ямы, с западной стороны, были воткнуты небольшие срубленные ветки какого-то дерева, одна ветка около другой. На эти ветки были наложены небольшие клочки звериной шкуры и охапки сухой желтой травы, наложены как попало, плохо, непрочно. Верхние концы ветвей были связаны в один пучок с помощью длинной травы. Ни крыши, ни стен у таких шалашей не было. Такие постройки нельзя было назвать даже шалашами. Это были не жилища, а просто-напросто небольшие полукруглые загородки от ветра. Ветер дул в это время с запада,—потому и загородки были построены с западной стороны, а вход в такое жилье приходился к востоку.

— Вот так жилища! Вот так постройки! Ах, ты горе какое!—собрушался Пирс.

— Чего же вы и хотите от дикарей? Все житье у них дикое, звериное, ну и постройки звериные,—сказал Соммерсет.—Подует ветер с востока—дикари перенесут и загородку на восточную сторону, а вход в жилье устроят с запада. Приходится перестраивать жилье при каждой перемене ветра, хоть по нескольку раз в день!

Около шалашей бегали большие и злые собаки с острыми мордами и острыми ушами. Они дрались из-за костей, валявшихся тут же на земле. Они лаяли, визжали, выли. Они отрывали концы шкур, которыми были покрыты шалаши. Всех шалашей было пятнадцать или шестнадцать. В одном из них сидела старуха и с ужасом смотрела на путешественников. Она была худая, как скелет, седая, сморщенная, высохшая и без всякой одежды. На нее было даже страшно и жалко смотреть. Соммерсет хотел-было подойти к ней. Но не успел он сделать и шагу, как старуха широко раскрыла рот, упала на спину и заболтала, и замахала руками и ногами, словно капризный ребенок; она визжала, выла и бормотала какие-то непонятные слова на своем языке. Соммерсет так и отскочил от нее. Тогда старуха опять села, оправилась и уставилась на всех дикими, испуганными глазами.

— Да что она, сумасшедшая, что ли?—спросил Майдмент.

— Какая там сумасшедшая, — просто-напросто дикая, —отвечал Соммерсет.

Он взял свой фотографический прибор и наставил-было его на старуху, чтобы снять с нее портрет себе на память о диких жителях Огненной Земли. Но лишь только старуха увидела фотографический прибор, как завывала совсем уж благим матом. Особенно испугало ее черное сукно и стекло. Она вскочила с земли, запрыгала, завертелась, замахала руками, задрыгала ногами, повалилась на землю, стала кататься по земле, опять вскочила, а затем вдруг бросилась на Соммерсета. Матросы с трудом удержали ее. Но все же снять со старухи фотографический портрет так и не удалось. Делать было нечего. Путешественники оставили старуху в покое и пошли дальше.

Две франтихи.

Немного погодя они увидели кустарники, а около них еще двух дикарок. Те еще издали заметили путешественников и тотчас же подняли к небу свои руки. Таким способом они, надо полагать, хотели показать, что у них в руках нет никакого оружия. Женщины эти были тоже почти без одежды, но раскрашены. Они сидели около каких-то кожаных тюков, собирали белую глину со дна лужи и размазывали ее по своему телу. Колени их были в ранах и крови. Женщины кричали, словно новорожденные ребята, хотя им было не меньше, как по 30 или по 35 лет. Сомерсет подарил одной женщине свой носовой платок; тотчас же та успокоилась, но другая кричала, не переставая. В руках этой женщины был толстый осколок кремня. Она изо всех сил царапала им свою грудь и делала разрезы на груди от правой руки к левой. Этим же камнем были сделаны разрезы и на коленях. Темнокрасная кровь сочилась по груди и падала на землю. Эту женщину невозможно было успокоить никакими средствами.

— Онас! Онас! Ака! Ака!—кричала женщина неистовым голосом. При этом она очень широко раскрывала свой рот, и без того очень большой и широкий, и показывала свои зубы.

Зубы у нее были выкрашены в желтую краску.

Минут пять путешественники стояли перед женщиной, а та все это время не переставала кричать благим матом, хотя до нее никто не дотрагивался. По лицу ее было заметно, что она успокоилась, а все-таки кричала, не переставая.

— Что здесь делали эти женщины?—спросил Гардинер.

— Видите, они занимались своими нарядами: разрисовывали себе кожу, царапали грудь и втирали в раны свежую краску,—отвечал Сомерсет.

— Ну, модницы, нечего сказать!—воскликнул Эрвин.

А одна из модниц в это время все еще кричала во все горло. Вдруг она вскочила и побежала. За нею бросилась бежать и другая. Тогда в тюках под звериными кожами тотчас же что-то зашевелилось, и из них выползло трое совершенно голых ребят. Самому старшему было не больше пяти лет. Дети сели на землю, уставились глазенками на путешественников, да так и замерли, словно зайчата. Самый маленький даже закрыл глаза от страха. Гардинер попробовал было погладить ребенка по голове, но тот так завизжал, как будто его собирались резать. Тотчас же на крик ребенка выбежала из кустов его мать. Издали она принялась смотреть, не случилось ли чего с ее детенышем, увидела, что никто его не трогает, быстро повернулась и побежала опять в кусты *).

Путешественники пошли дальше.

— Капитан,—спросил Гардинера Пирс,—я заметил, что у этих дикарей совсем домов нет. Неужели они не умеют их строить?

— Разумеется, не умеют,—отвечал Гардинер.

— А я заметил,—сказал Вильямс,—что у этих дикарей никаких домашних животных нет,—одни только собаки, да и те какие-то полудикие. Лошадей здесь тоже и в помине нет.

— Вот это особенно удивительно,—сказал Сомерсет.—Ведь дикари онасы—те же патагонцы, они того же рода и племени, какое живет по ту

*) Из Popper'a „La Terre du Feu“. Поппер был очевидец всех этих сцен.

сторону Магелланова пролива. А у патагонцев ведь имеются лошади; они жить не могут без них. А у этих лошадей и в помине нет, и они даже не знают, что это за зверь—лошадь.

— Почему же так вышло?

— А потому, что дикари онасы переселились из Патагонии на остров Огненной Земли в очень старинные времена,—еще тогда, когда во всей Америке у патагонцев никаких лошадей еще не было.

— Как не было!—с удивлением воскликнул Майдмент.—Разве есть такая страна, где бы лошадей когда-нибудь не было?

— Да вот, например, Америка,—сказал Соммерсет.—Лошади завезены сюда из Европы всего лишь четыреста лет тому назад. Значит, онасы переселились на Огненную Землю наверно раньше,—еще в те безлошадные времена.

— Чего же они переселялись в такие скверные места?—спросил Пирс.

— Разумеется, не по доброй воле, а по великой нужде,—сказал Соммерсет.—Нужда куда угодно людей загонит, хоть на край света. Так оно случилось и с этими несчастными дикарями.

— Неужели же не они—самые дикие люди на земле?

— Да нет же,—отвечал тот.—Эта женщина—тоже из племени онасов. Подождите, скоро мы увидим еще более диких людей.

„Вы дикарей не понимаете“.

После этого целый день только и было разговоров, что об онасах. Каждый рассказывал о том, что ему показалось особенно необычайным и чудным. Матрос Пирс считал дикарей людьми просто-напросто очень глупыми, а Гардинер и Майдмент считали их прежде всего людьми „несчастливыми, которым потому и живется плохо, что они не знают истинного Бога“. „Языческая вера больше всего мешает дикарям сделаться настоящими образованными людьми“,—говорил Гардинер. „Если дикари сделаются христианами,—говорил Майдмент,—то они сделаются и образованными“. Гардинер говорил, что „по одному даже виду этих дикарей сразу можно понять, как мы, проповедники, нужны им“, а Эрвин говорил, напротив:

— Ну, право же, мы этим дикарям совершенно не нужны! наших поучений они,—не беспокойтесь,—и слушать не станут; за поучениями-то они уж к нам не придут! А вот насчет красных платков—это дело другое. Всякие подарки им только подавай.

— Полно, полно, Эрвин, что ты говоришь!—горячо возражал Гардинер.—Только подумай, что ты говоришь.

— Уж я знаю, капитан, что говорю,—отвечал Эрвин.—Ведь у меня и глаза, и ум есть,—понимаю кое-что тоже. Видели, какими глазами дикарь смотрит,—у него можно хоть кол на голове тесать,—ничего не понимает. А где уж тут такому доказывать, что первое и главное дело—любить своего ближнего. Не поймет,—вот вы увидите, не поймет.

Гардинер молчал. Вильямс что-то хмурился и тоже молчал. Соммерсет рассказывал по палубе и внимательно прислушивался к этому разговору. Майдменту показалось, что Соммерсет улыбается. Он подошел к Соммерсету и спросил его:

— Вы, доктор, кажется, улыбаетесь? Уж не на мой ли это счет?

Соммерсет уставился через свои очки на Майдмента и серьезным голосом сказал:

— Я не улыбаюсь, мой дорогой друг. Уверяю вас, не улыбаюсь: по не скрою,—думаю-то я о вас всех...

— А я вот подумал,—чем же мы так смешны, что над нами можно даже смеяться?—спросил, обидевшись, Майдмент.

— Да кто же над вами смеется?!—воскликнул Соммерсет.—Вы искренно желаете добра этим несчастным дикарям; вы задумали и взвалили на свои плечи такое трудное дело—просвещение самых диких людей на земле;— тут, право, уж не до шуток. Кто говорит о шутках,—как бы какой беды с самими вами в конце концов не вышло!..

— Это вы почему же беду нам пророчите?—спросил, еще более обидевшись, Майдмент.

— Я ничего не пророчу, и пророчить не умею и не хочу. Я только рассуждаю и просто-напросто говорю, что как бы беды с вами не вышло, потому что все вы, по правде сказать, совершенно не понимаете дикарей, совершенно не понимаете... Суетесь в воду, не узнавши броду... А ведь, чтобы иметь с людьми дело, нужно их *понимать*. Вы судите о дикарях *по себе самим*. Вы думаете, что дикари рассуждают так же, как вы, и чувствуют так же, как вы, и желают того же, что вы... Все это не совсем так. Ведь чтобы рассуждать правильно и по-нашему, нужно дикарям иметь в голове запас хоть кое-каких знаний, в роде как наши научные знания, а у дикарей их-то и нет. Чтобы понимать, им нужно *уметь думать*, а дикари не умеют. В своей-то собственной жизни они кое-как еще разбираются, а дальше нее ни на шаг. А насчет желаний я вот что скажу: на вкус и цвет товарища нет. Этим самым дикарям вы своего-то не приписывайте,—присматривайтесь-ка лучше к ним самим, постарайтесь-ка лучше вникнуть и понять, что они такое. У них с нами хоть и есть сходства, но все же их не очень-то много. У дикарей мысли другие, привычки совсем другие, рассуждения совсем другие,—они на свет смотрят совсем иными глазами, чем мы... Вас-то уж они наверно не поймут, и вашей веры—тоже, и ваших дел—тоже... Вы, вы должны, прежде всего, понимать их...

Эти слова Соммерсета были сказаны очень серьезно. Но Майдмент еще больше обиделся.

— Не знаю, как вы нас, а мы себя за круглых дураков не считаем,—сказал он.—У нас, слава Богу, есть головы на плечах, и они все-таки думают. Рассуждаем, по мере наших сил и способностей.

— Вы на меня сердитесь, дорогой друг,—кротко сказал Соммерсет.—Мне это очень тяжело. Право же, я не хочу никого оскорблять, и даже обижать. Уж вы не сердитесь на меня. Знаете, как Христос учил—не сердиться, не гневаться.

Майдмент опомнился. Ему самому стало неловко. Он встал, положил Соммерсету руку на плечо и сказал:

— Ну, не будем об этом говорить,—оставим наш разговор. Пусть покажет время, понимаем ли мы дикарей, или нет.

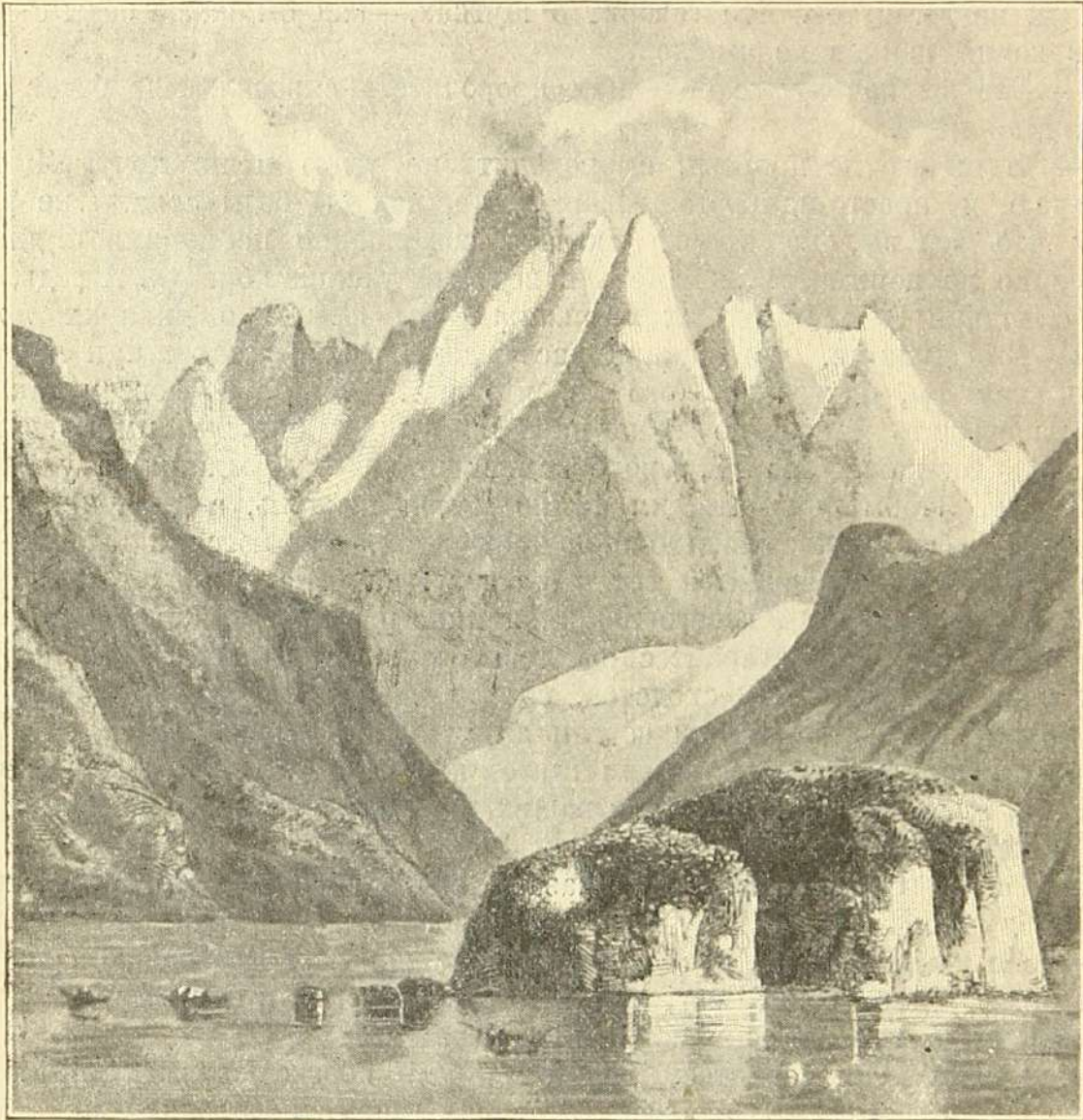
Дальше по Магелланову проливу.

Путешественники вернулись к берегу, сели в лодку и поплыли к своему пароходу. Пары уже были разведены.

Тотчас же пароход снялся с якоря и направился дальше по Магелланову проли

Теперь приходилось плыть уже между берегов очень крутых и гористых.

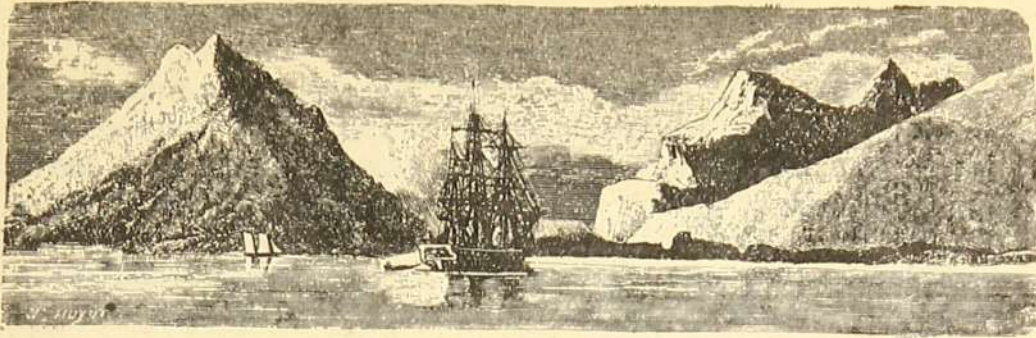
В иных местах горы были очень высокие, со снеговыми вершинами. Подошвы их покрывал густой вечно зеленый как будто буковый лес, а над ним, сажен на полтора или двести над уровнем моря, по склонам гор, тянулись пустынные места, заросшие кой-какими кустарниками и покрытые торфяными болотами. Они шли до снегов и льдов, лежащих на вершинах гор. Снега и льды лежали здесь на высоте 400 сажен или даже одной версты. Леса по-

Магелланов пролив.

всюду были огромные и очень густые. По всему было видно, что им очень привольно разрастаться в этих краях. И вот что казалось удивительно: края здесь холодные, а леса очень густые, совсем как в жарких странах. Почему это так? Что способствует здесь лесам так разрастаться? Сырой воздух, сырая почва, большие дожди. Вообще говоря—обилие влаги. Леса так разрастаются здесь потому, что на островах Огненной Земли воздух круглый год очень сырой, дожди и туманы очень часты. Нигде, на всем свете, не выпадает столько дождя и снега, сколько здесь. Почва тоже сырая. Вот эта-то влажность да сырость и помогают растениям сильно разрастаться.

На другой день утром пароход „Королева океана“ подходил уже к острову Даусону. Этот остров довольно большой. Как было уже сказано, лежит он посреди пролива, между Огненной Землей и материком Америки. В этом месте

У берегов Огненной Земли.

пролив делает заворот под углом и идет к северо-западу. Здесь находится и остров Кларанс. Между островами Даусоном и Кларансом есть очень узкий морской проход к югу. Сюда выдается, в виде длинного полуострова, Большой остров Огненной Земли. Здесь же начинается проход Бигль. Он идет вдоль южного берега Большого острова. По одну сторону прохода Бигль тянется Большой остров, а по другую—множество мелких островов. Сомерсет решил завернуть в проход Бигль и поплавать там между этими мелкими островами. Поэтому близ острова Даусона пароход повернул на юг и вошел в узкий пролив между Даусоном и Кларансом.

Первая встреча с самыми дикими людьми на земле.

Погода попрежнему была пасмурная. Несмотря на летнее время, то и дело шел снег. Ветер очень часто менялся: он дул то с северо-востока, то с юго-востока. Туманы постоянно застилали горы. Даже самый воздух казался каким-то темным. Пароход пробирался между крутыми берегами. Кое-где леса начинались от самого берега. Горы казались здесь еще более мрачными и неуютными, чем прежде. С парохода были видны самые высокие горы Большого острова. Называются они хребтом Дарвина. Они идут вдоль южного берега этого острова. Недалеко от его западного конца находится самая высокая гора этого хребта. Называется она—пик Сармиенто.

Только-что пароход завернул в узкий пролив между островами Даусоном и Кларансом, вдруг направо и налево, на крутых берегах, задымились костры. Их серый дым поднимался столбами к небу, а огонь казался при дневном свете оранжево-желтым. Костры были видны на обоих берегах пролива; значит, и дикари жили на обоих берегах.

— Э, да тут на всех островах и на всех берегах имеются жители!—сказал Вильямс.

— Вот здесь-то и живут самые дикие люди на земле,—сказал Гарднер.—Боже мой, я жду-не-дождусь, когда же наконец примусь за свое настоящее дело,—когда смогу я облегчить своими ничтожными силами их жалкое житье-бытье!

Не успел он сказать этих слов, как от берега отчалила какая-то лодка и направилась прямо к пароходу.

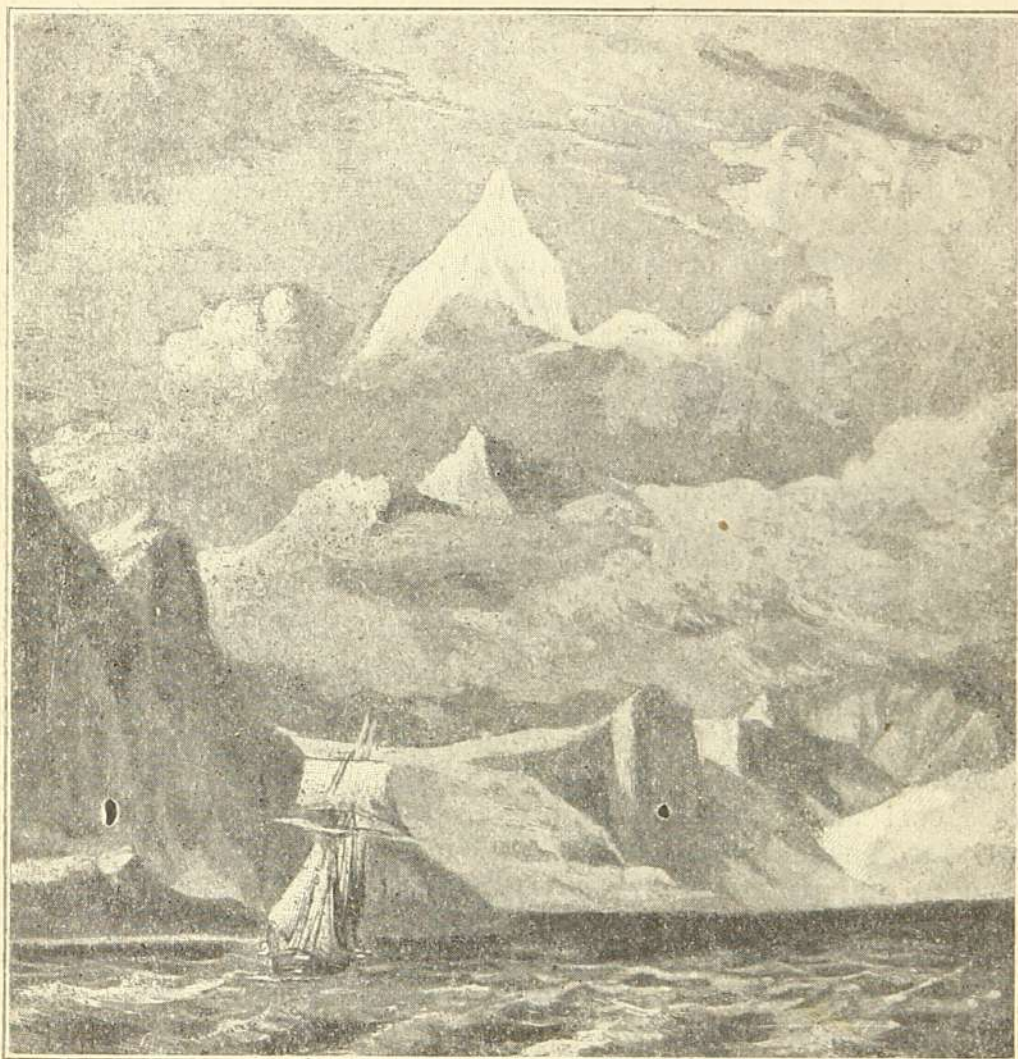
— Лодка!—закричал сторожевой матрос.

Все путешественники, все матросы выбежали на палубу. Лодка плыла очень медленно. Пароход немного замедлил свой ход.

— Не угодно ли посмотреть!—сказал Сомерсет.—В лодке дикари! Эта лодка—их собственное изделие! Уж по одному этому видно, что эти дикари

не из племени онасов. Ведь онасы совсем не умеют делать лодок и плавать по воде.

В лодке сидело шесть человек дикарей, из них две женщины и четверо мужчин. Кроме них, в лодке была большая серая собака с острой мордой и острыми ушами. Одна женщина сидела на корточках и изо всех сил действовала неуклюжими веслами, другая женщина, не переставая, выкачивала воду; мужчины сидели тоже на корточках и ничего не делали; они и не думали помогать женщинам, а преспокойно глядели на пароход. Подплывая к паро-

Пик Сармиенто.

ходу, дикари принялись изо всех сил кричать и махать руками. Все они были совершенно голые. На них не было никакой одежды,—даже куска звериной кожи на плечах.

— Посмотрите! Посмотрите!—воскликнул Пирс.—В лодке-то ведь огонь.

И правда, на дне лодки лежал большой комок глины, а на нем—горящие уголья. От времени до времени женщина, выкачивавшая воду, бросала на эти уголья мох и сучья. Тогда из лодки подымался густой серый дым, и в ней блестел огонек.

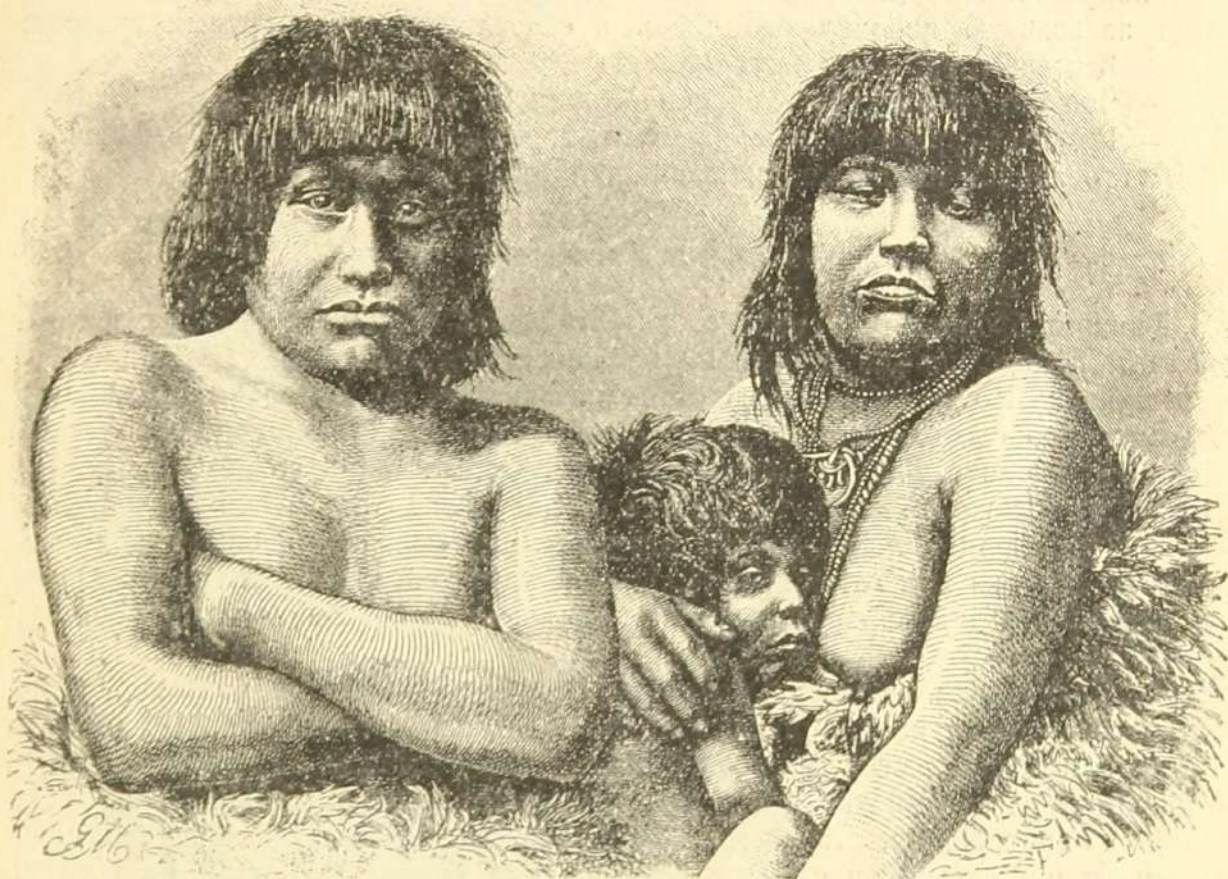
Дикари подъехали к самому пароходу. Как раз в это время пошел сильный дождь вместе со снегом. Но голые дикари словно не замечали его.

Снежинки падали на их тело и таяли, а холодная дождевая вода струилась по голой груди и по лицу, перемешанная с брызгами соленых морских волн.

— Э, да ведь в лодке-то еще что-то есть! — воскликнул Сомерсет. — Смотрите-ка, — там ребенок трехмесячный или двухмесячный! Лежит, бедняжка, на дне лодки в холодной морской воде, и даже не кричит, а только пошевеливает ручонками и ножонками.

Дикари причалили свою лодку к кораблю и быстро взобрались на палубу. — Боже мой! — воскликнул Вильямс. — Да неужели же это люди?

Голые дикари стояли на палубе перед путешественниками как ни в чем не бывало, словно они были разодеты по последней моде, и равнодушно

Дикари пещересы, или алаколуфы.

сматривали по сторонам. По их лицам было видно, что они ничему не удивлялись, ничем не увлекались. По одному виду этих дикарей можно было узнать, что они не из племени онасов, а из какого-то другого. Те были высокие, плотные, а эти низкорослые, кривоногие, неуклюжие, с большими отвислыми животами; у них была темнокоричневая кожа, вымазанная жиром и красной и черной краской; руки дикарей казались непомерно длинными, а ноги — короткими. Ноги были немного изогнуты колесом от постоянной привычки сидеть в своих лодках на корточках. Лица были некрасивые, плоские, неподвижные; глаза невыразительные, тупые. Особенно казались приплюснутыми лица женщин, словно кто-то положил их между двух досок и надавил. Носы дикарей были широкие, некрасивые, ноздри тоже широкие, рот большой, с толстыми темными губами, с круглыми подбородками и большими нижними челюстями, в которых сидели крупные белые зубы. По одному такому устройству рта можно было видеть, что он отлично приспособлен для жевания

жесткой еды. Бросалось еще в глаза вид или внешнее устройство головы. Так, например, у всех дикарей были очень узкие, низкие и выпуклые лбы, заметно отлогие назад; над глазами были большие выпуклины, и из-под них блестели дикие, черные, далеко расставленные глаза,—узкие, маленькие, немного похожие на китайские или японские. Волосы на голове были черные, как смоль, жесткие, грубые и похожие на лошадиные. Они космами падали на плечи и на лоб. Только на лбу они были немного подрезаны. Ни бороды, ни усов, ни даже бровей у мужчин не было, а лица были разрисованы белой и черной краской. Дикари ходили по палубе парохода неуклюжей, развалистой походкой. Одна из женщин несла на себе ребенка, прижав его к своей мокрой груди, покрытой снегом. Один дикарь подошел к капитану Куперу, схватился руками за золотую цепочку его часов и сказал гортанным грубым голосом:

— Яммершунер! Яммершунер!

— Что это он клохчет?—спросил Эрвин Соммерсета.

— Видите,—просит, чтобы ему дали эту цепочку!—отвечал тот.—„Яммершунер“ это значит на языке дикарей „дай мне!“

Дикари не отличают чужого от своего.

Дикари бродили по палубе, дотрогивались руками до разных вещей, какие им попадались на глаза, и, не переставая, кричали: „Яммершунер! Яммершунер!“ По всему кораблю стали раздаваться их однообразные крики. Матросы зорко следили за дикарями, как бы те не присвоили себе каких-либо вещей. Это могло случиться каждую минуту. Один дикарь увидел подзорную трубу и тотчас же схватил ее. Матросы немедленно стали отнимать трубу. Дикарь с удивлением посмотрел на матросов. Ему было совершенно непонятно, как это у него из рук отнимают то, что он уже успел захватить. По всему было видно, что дикарь совершенно не понимает, что подзорная труба—не его, а чужая.

— Посмотрите,—сказал Гардинеру Соммерсет.—Дикари хватают чужие вещи и совершенно не понимают, что это грабеж или воровство. По-нашему это так, а в головах этих дикарей и мысли нет о грабеже. Некоторые путешественники рассказывают, что у этих дикарей нет даже таких слов, как, например, „воровство“, „грабеж“. Этот дикарь схватил подзорную трубу с таким видом, словно он схватил ракушку или камень, лежащие на берегу: что лежит, то и бери—только и всего. Дикарь не понимает, что значит „твое“ или „мое“, и вообще, что значит „собственность“. А коли он не понимает, что такое собственность, значит, он не может понимать и то, что такое кража. Дикарь и есть дикарь. Матросы считают дикарей за воров. Но какие же они воры? Они просто-напросто темные люди, которые еще не отличают чужого от своего. Посмотрите, как они отнимают друг от друга подарки!

И правда, капитан Купер подарил каждому дикарю какую-нибудь вещичку,—иному платок, иному бусы, иному зеркало. Дикари взяли эти подарки, словно должную дань, и прежде всего хладнокровно осмотрели их. Один дикарь подошел к другому и без церемонии выхватил из его рук красивый фуляровый платок, подаренный капитаном, и обвязал им себе шею. Гардинер уже думал, что между дикарями сейчас же начнется драка. Ничуть не бывало. Один дикарь хладнокровно взял, другой хладнокровно отдал,—словно так и быть должно. Глядя на дикарей, даже Майдмент понял, что эти люди совершенно не понимают, что такое собственность.

— Удивительно! Удивительно! — сказал он. — Выходит совсем так, как

говорит св. Иоанн Златоуст: „Слово „мое“ от дьявола, потому что Бог создал все для всех“.

— Ну, нет,—сказал Соммерсет.— Слова Иоанна Златоуста к дикарям не подходят. Эти жалкие люди еще не додумались до того, что такое за штука „собственность“, а Иоанн Златоуст сказал свое слово для тех, кто до нее уже додумался.

— И как это могут жить люди, не понимая, что значит „мое“ и что значит „чужое“!—воскликнул Купер.

— А вот видите—живут!—улыбаясь, сказал Соммерсет.

Есть ли у дикарей пороки и добродетели?

Дикарей очень удивило зеркало. Когда они смотрелись в зеркало, то думали, что позади стекла кто-то стоит. Они, словно обезьяны, протягивали руку за зеркало и старались ухватить, поймать того, кто за ним спрятался.

Один матрос дал дикарю водки. Сначала дикарь стал было пить, но тотчас же выплюнул. Гардинер и Майдмент остались очень довольны этим.

— Видите,—сказал Гардинер.— Даже у этих жалких дикарей есть кой-какие добродетели!

— Какая же это добродетель!—воскликнул Соммерсет.— Дикари не пьют водку только потому, что они к ней еще не привыкли и не узнали ее. Вот если бы они ее знали да от питья воздерживались, тогда можно было бы назвать их людьми добродетельными. Эти несчастные существа совершенно не знают и не ведают, что такое *добродетель*. Не знают и не ведают они и того, что такое *порок*. Живут по-птичьи—вот и вся их жизнь. Вы о них по себе самим не судите. Эти люди совсем на другой образец..

Дикари имели очень жалкий и несчастный вид. Они ходили голые, мокрые, покрытые снегом. Их голое тело обдувал сильный ветер; даже матросы жаллись от холода, а дикарям было хоть бы что. По всей видимости они не очень-то страдали от холода. Их кожа была даже теплая и мягкая на ощупь. Повидимому, даже малолетний ребенок не чувствовал холода. На дикарей тяжело было смотреть. Это были словно не люди, а какие-то звери, без всяких мыслей в голове, без собственного соображения, без собственной воли.. „Яммершунер! Яммершунер!“—кричали дикари на все голоса.

— Да неужели же это люди! Боже мой! Боже мой!—воскликнул Гардинер.— Как я рад, что скоро мы приедем на место и станем помогать этим несчастным! Мы сделаем для них столько добра, как никто иной не сделает!

— Шутки сказать,—добро!—возразил Эрвин.— А я вот боюсь, что от этой косматой, крепкой головы всякое добро отскочит..

— Перестань, перестань!—воскликнул Гардинер.— Эти люди нуждаются именно в добре, и вера Христова даст им его.

Пароход поплыл дальше. Матросы с большим трудом выпроводили дикарей с парохода. Те долгое время гнались на своей лодке за пароходом и кричали во все горло: „Яммершунер!“ Лодка осталась далеко позади, а крики дикарей все еще были слышны.

Почему же даже и теперь кричали дикари? Неужели они не понимали, что пароход для них не остановится?

Эти крики дикарей выражали просто-напросто их желание что-нибудь получить. А имеет ли это их желание какой-нибудь смысл,—дикари о том не думали, да и думать так глубоко не умели. Их собственное желание

было для них главное всего и прежде всего. А суть и смысл — это для них уже второстепенное дело... Дикари выражали свое желание, даже не стремясь к своей цели...

Пешересы в проливе Бигль.

— Это и есть самые дикие люди на земле? — спросил **Соммерсета Вильяме**.

— Эти самые, — отвечал тот.

— Что же это за племя такое? Ведь это не **онасы**, которых мы видели на **Большом острове**?

— Нет, это совсем другое племя, — отвечал **Соммерсет**. — **Европейцы** называют этих дикарей **пешересами**, а сами дикари называют себя иначе; например, вот эти называются **алаколуфами** или **алаколофами**. На их языке это слово значит „человек“. Они себя-то и считают настоящими людьми, а все прочие племена, какие есть на земле, все это, на их взгляд, люди не настоящие. В том числе и мы с вами.

— Каждый народ себя считает самым лучшим, — сказал **Эрвин**. — Только в этом никакого смысла нет.

— Разумеется, нет, — сказал **Соммерсет**. — Какой уж здесь смысл, коли даже самые жалкие люди считают себя самыми настоящими людьми. Нет, ты сделайся-ка таким на самом деле, чтобы и вправду все народы, какие только есть на земле, тоже стали считать тебя самым лучшим, — вот тогда, пожалуй, можно будет поверить, что и вправду ты — лучший. А пока этого нет, своим родом-племенем бахвалиться никому нечего, потому что все люди — люди, — только и всего.

— Нет, сударь, вы ошибаетесь, — сказал **Майдмент**. — Я думаю, что самый лучший народ на земле — англичане.

— А я думаю, что ирландцы, — сказал ирландец **Бадкок**.

— А я думаю, что швейцарцы, — сказал швейцарец **Бриан**.

— А **пешересы** думают, что лучше всех народов на земле, — они, **пешересы**, — сказал **Соммерсет**. — А на самом деле, всякий человек — дикарь, коли он свой народ считает самым лучшим, самым избранным.

Все так и покатались со смеху.

— В здешних местах **Магелланова пролива** живет **пешересское племя алаколуфов**, — продолжал свой рассказ **Соммерсет**. — Но есть и другие их племена. Так, например, на южных островах **Огненной Земли** и в проходе **Бигль** мы встретим племя **якганов** или **яганов**. Еще есть третье их племя **чоносов**. И все эти племена говорят на разных языках, так что друг друга не понимают. Но во всем прочем все **пешересы** между собой во многом схожи. Все они — самые дикие люди на земле... **Алаколуфы** живут по обоим берегам **Магелланова пролива**, на острове **Даусоне** и на других западных островах **Огненной Земли**. Это племя, пожалуй, еще лучше других **пешересских племен**, потому что живет как бы на большой дороге; ведь мимо него то и дело плывут по **Магелланову проливу** корабли, и с этих кораблей кое-что дикарям перепадает, — то железный гвоздь, то платок, то бутылка, — дикари все берут, и им все годится. А вот **яганы**, — те выглядят еще более жалкими, чем эти.

В это время „**Королева океана**“ находилась около острова **Даусона**. Повсюду берега имели очень печальный вид. От дождливой, пасмурной погоды они казались еще печальнее.

— Видите вдали горы? — говорил капитан **Купер**, показывая на пата-

гонские берега. — Знаете, что там такое? Там Голодный Порт. Там слишком 300 лет тому назад 400 испанцев умерли с голоду, потому что никто не позаботился привезти им провизии вó-время. А, видите, залив там, у берегов Большого острова? Он называется „Бесполезным“. Вот какие названия даны здешним местам! Есть тут „Остров Отчаяния“ и бухта „Не входи“, и залив „Тоски“. Невеселые места, скажу я вам.

Голодный Порт.

От острова Даусона пароход повернул к югу, чтобы войти в проход или канал Бигль. Этот проход длиной более двухсот верст, а шириной, средним числом, версты три с половиной. Он идет почти по прямой линии, словно улица, и словно теряется вдаль. Его левый берег—это Большой остров Огненной Земли; вдоль правого тянется целый ряд разных небольших островов. На левом берегу поднимаются очень высокие горы; это хребет Дарвина. Моряки видели, что правый берег кое-где тоже горист, но горы на нем были не такие высокие, как на левом берегу. Вершины тех гор уходили в облака. Склоны были покрыты густым лесом. В иных местах лес начинался от самого берега, так что ветки буковых деревьев висели над водой. Волнения почти не было. Пароход плыл около самого берега, и ветви деревьев задевали за мачты. По берегам, здесь и там, дымились костры дикарей. По всему было видно, что

К и т.

эти берега населены. И все костры горели у самой воды. Сомерсет тотчас же обратил внимание на это.

— Посмотрите,—сказал он.—Здесь берега заселены дикарями, а вот подалее от берега почти никто не живет. Там пустыня. Дикари всегда держатся близ моря, потому что море-то больше всего их и кормит.

— Кит у правого борта!—закричал в это время сторожевой матрос с мачты.

Все бросились к правому борту парохода. Сажень в двадцати от него, посреди пролива, полоскались два огромных кита. Они то уходили под воду, то снова показывались над водой и с шумом выпускали из своих ноздрей пар. Другие два кита плыли один за другим около самого берега, под ветвями

буковых деревьев... Завидев пароход, киты быстро поплыли по каналу и исчезли вдаль. Впрочем, никто и не думал преследовать их.

К пароходу подплыло несколько лодок. В лодках сидело по пяти и по шести человек дикарей пещересов. Это были такие же дикие, жалкие люди, как и те, которые встретились раньше. Ради забавы матросы стали бросать им пустые бутылки. Дикари ловко ловили их. Когда какая-нибудь бутылка падала в воду, дикари прыгали за нею и доставали ее вплавь. Они плавали очень ловко, „по-со'ачьи“. Кто успевал схватить бутылку, тот и завладевал ею. Никаких споров и драки из-за бутылок не было.

— Вот видите,—говорил Гардинер, глядя на дикарей.—Они не дерутся,—они народ мирный, они делятся между собой полюбовно. Значит, есть что-то хорошее, человеческое даже в этих дикарях.

— А кто же в этом сомневается?—спросил Соммерсет.—Дикари—те же люди. В каждом человеке есть что-нибудь человеческое, но есть и звериное. А чего больше: звериного или человеческого? Вот в этом-то и вопрос. А кроме того, не судите вы о дикарях по себе самим... Будете так судить—ошибетесь...

Нынешние дикари и самые старинные дикие люди.

Одна лодка дикарей подплыла к самому пароходу. Она была сделана из большого куска древесной коры, снятой пеликом с дерева; на обоих концах лодки, то-есть на носу и корме, кора эта была стянута и сшита ремнями или мочалками, а швы замазаны глиной и смолой; в средней же части лодки кора была распялена с помощью палок, так что в этом месте лодка была шириной не меньше пол-сажени. В такой уютной ладье сидело человек пять дикарей. В руках у них были копья с каменными наконечниками, гарпуны с костяными остриями, пращи, дубинки, но ни у кого не было ни лука, ни стрел. Соммерсет выменял у дикарей это их костяное и каменное оружие на железные ножи и топоры. Дикари не сразу согласились на такую мену. Однако Соммерсет добился, чего хотел. Он принялся внимательно рассматривать оружие дикарей.

— Удивительное дело!—сказал он.—Посмотрите, какого вида эти наконечники стрел и гарпунов; они очень похожи на наконечники стрел и гарпунов, сделанных в других странах света, за много тысяч верст отсюда, и к тому же сделанных *много тысяч лет тому назад* *). Тысяч за двенадцать верст от Огненной Земли, в разных странах,—например, в Германии и России, во Франции и Англии, найдены в очень старинных пещерах каменные и костяные изделия такого же самого вида. Понимаете,—такого же самого! Кто хочет, может их видеть своими глазами в музеях разных больших городов. Всем этим изделиям по несколько тысяч лет. Те старинные изделия совсем такие же, как эти. А ведь их придумали и их сделали в разные времена, разные люди, живущие на разных концах земли. Почему же это так вышло, что форма таких изделий там и здесь одинакова? А потому, что мастера сделали их такими одинаковыми там и здесь. А сделали они так потому, что привыкли и знали, и умели их делать именно такими. Значит, старинные жители Германии и России, Франции и Англии, жившие там много тысяч лет тому назад, сходны в этом с нынешними дикарями пещересами, самыми дикими людьми на земле... И придумывание таких каменных и костяных орудий в разных странах шло в старину почти *одним и тем же способом повсюду*.

*) См. рисунки на страницах 33 и 34.

Ледники.

В это время тучи, нависшие над горами, немного рассеялись. Выглянуло солнце. Далеко впереди парохода, на склоне горы, блеснуло что-то белое; немного погодя это белое сделалось синим и заблестело и заискрилось на солнце.

— Ледники! Ледники!—воскликнул Сомерсет.

Горы подымались по обеим сторонам сажен на четыреста, а кое-где даже на шестьсот. На вершинах этих гор лежал толстой пеленою снег. Местами горы подымались над проливом Бигль почти отвесной стеной. С нее низвергались прямо в море красивые водопады. С парохода было видно, как ручейки извиваются по склонам; они начинались высоко, на снежных горах, у самых снегов. Местами на вершинах гор накопилось снегу очень много; не успевая таять, он слежался здесь в один плотный комок и сделался настоящим льдом,—огромным куском льда. Такие ледяные куски заполняли собой целые ложбины и долины на горах. Иные были по нескольку верст в длину и ширину и по нескольку сот сажен в толщину. Эти-то огромные ледяные куски и называются ледниками. Они-то и блестели на солнце. И вот что особенно бросалось в глаза: иные ледники начинались у самой вершины горы, а кончались у ее подножия; около самого льда росли зеленые деревья, цвели цветы, а рядом лежал лед и, казалось, не таял. Но это только казалось, потому что на самом-то деле лед у подножия горы, разумеется, таял; но не успевал он еще совсем растаять, как сверху уже надвигался новый лед. А надвигался он вот почему: от своей собственной тяжести ледники ползут, передвигаются по склону горы; они спускаются вниз далеко от снежных вершин, иной раз к самой подошве горы, и, спустившись, все еще не успевают растаять.

— Ледники! Ледники! — радостно закричал Бриан. — Это совсем как у нас в Швейцарии! Ах! Совсем, как у нас! Я ведь еще ребенком любовался ими из отцовской хижины! Я по целым неделям бродил и карабкался по ледникам. У нас много-много таких же, только они лежат на высоких горах, гораздо выше, чем здешние.

Бриан так обрадовался ледникам, словно попал на свою родину.

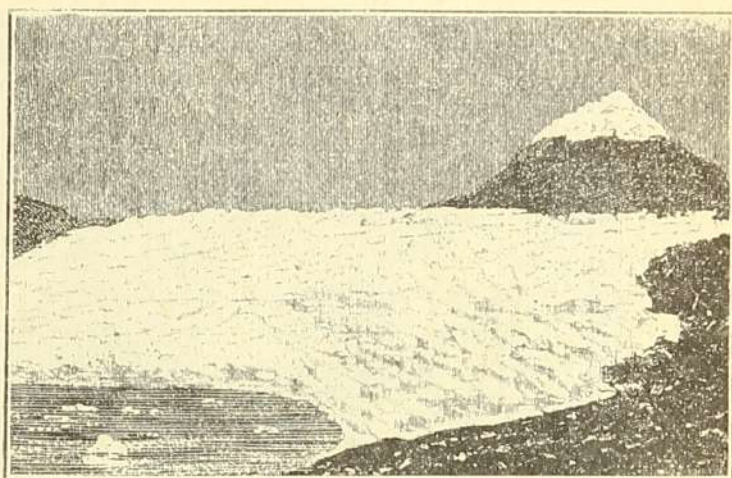
А ледники и вправду были очень красивы и величественны. Иные спускались к самой воде и даже уходили под воду. Белоснежные вершины гор блестели на солнце, а ледники казались голубовато-зелеными и изумрудными. Их края переливались кое-где всеми цветами радуги. По обоим краям ледника, на самом льду, еще издали были видны какие-то черные полосы. Это были груды камней, упавших на ледник со склонов соседних гор; камни лежали на самом льду; сползая по склонам гор, каждый ледник несет на себе такие груды и ряды камней; они-то и называются ледниковыми моренами. Глядя на них в подзорную трубу, издали можно было видеть, что иные камни, упавшие на лед, сажени две-три в поперечнике, иные же очень мелкие. Еще было видно, что вся поверхность ледника покрыта множеством больших и малых трещин. В глубине иных трещин лежали тоже камни, которые провалились внутрь ледника. Все ледники несут множество камней и на себе, и в себе. Вместе с камнями ледники сползают вниз; они извиваются по долине, словно огромные змеи; если на пути ледника встречается какой-нибудь холм или пригорок, ледник всползает на него. Ползи, он царапает и шлифует и его склоны, и соседние скалы, и свое ложе теми камнями, которые скрыты внутри льда. От такого скобления большие обломки скал обтачиваются, обка-

гиваются; скалы и холмы выравниваются, илифуются; камни, понавшие на дно, трутся один о другой, крошатся и делаются все меньше и меньше; из каменных глыб делаются круглые булыжники и валуны, а из них—щебень и песок, глина и муть. При своем сползании ледник все перетирает и перемешивает, и переносит с самой вершины горы, от своего начала до самого своего конца, в долину, а конец его там, где он, наконец, тает. В этом месте все принесенные остатки собираются в кучу; по ним-то и можно узнать, где был когда-то ледник.

— Ледники! Это ледники!—радовался Бриан.—Ах, как я счастлив, что снова увидел ледники!

В одном месте канала Бигль какой-то ледник спускался к воде почти отвесной стеной в несколько десятков сажен высоты. Ледяные обломки падали

с ледника прямо в воду. В этом месте пролива плавало на волнах великое множество ледяных глыб. Пароходу было даже трудно пробираться между ними: льдины то и дело сталкивались с пароходом. Ему приходилось держаться подалеже от ледника. Капитан Купер направил пароход к правому берегу. Но не успел пароход пройти и пол-версты, как вдруг раздался страшный грохот: с ледника оторвалась огромная глыба льда и рухнула в воду. Водяные брызги высоким столбом взвились оттуда к небу. Тотчас же поднялась огромная волна и со всего разбега ударила в пароход. В одну минуту Сомерсет и Вильямс были сбиты с ног. К счастью, все обошлось благополучно. Упавшая ледяная глыба спокойно качалась на воде. Она была высотой в несколько сажен, да сажен двадцать в поперечнике.

Большой ледник в канале Бигль.

Смотрите! Смотрите! — воскликнул Бриан. — На этой глыбе что-то чернеет!

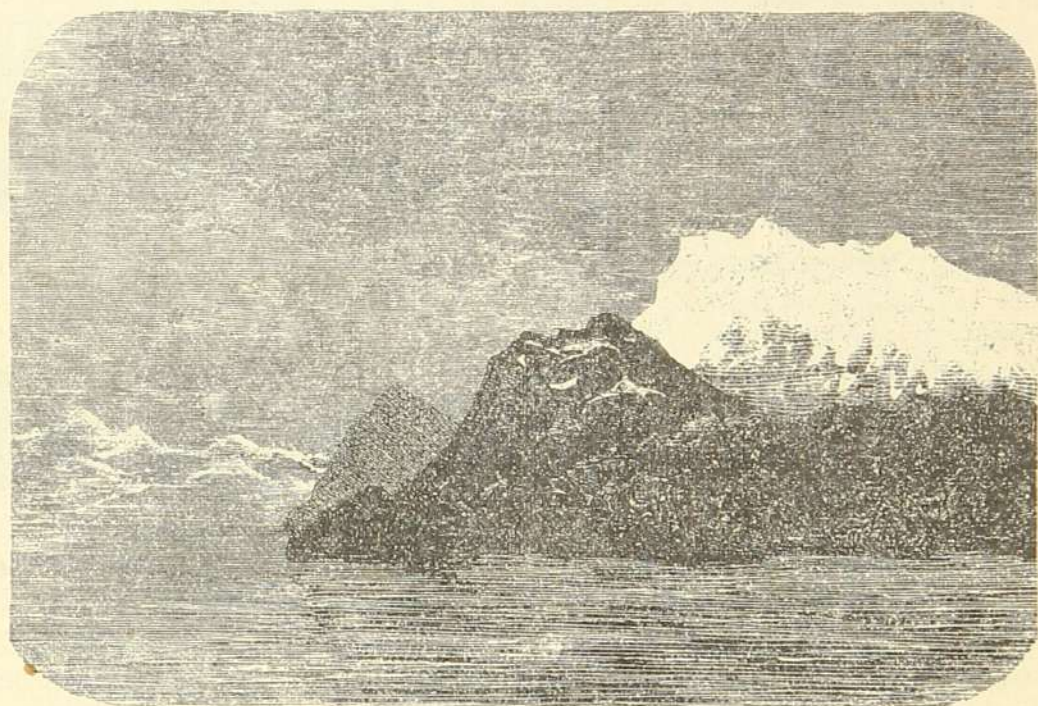
И правда, из глыбы выступал большой черный камень. Очевидно, ледник приволок этот камень на себе откуда-нибудь с вершины горы, а теперь камень этот понал на ледяную пловучую глыбу, а она понесет его на себе по течению; и уплывет он на ней, быть-может, далеко в океан, за сотни верст от пролива Бигль.

— Да, это чернеет камень,—сказал Сомерсет, глядя на пловучую глыбу в подзорную трубу. — Вот таким способом и передвигаются и путешествуют камни по лицу земли,—иной раз на ледниках, а иной раз на пловучих льдинах.

Бриан не утерпел и стал проситься на берег. Капитан Купер тотчас же согласился спустить лодку. Вместе с Брианом поплыли на берег Сомерсет, Гардинер, Вильямс, Майдмент, Эрвин, Бадкок. Они долго бродили по окраинам ледника и по леднику; они карабкались на морены, перебирались через трещины. Сомерсет старался тщательно рассмотреть, какой породы те камни, которые лежат на льду. Все эти камни были очень увесистые, мелкозернистые, зеленого цвета. Нигде по соседству не было такой породы камней. Очевидно,

ледник принес их на себе издалека. И вот что было особенно замечательно: такие самые камни лежали на земле, за пол-версты от правого и левого краев ледника. Каким же способом они туда попали? Скатиться так далеко они не могли, потому что почва в этом месте была вязкая и ровная. Очевидное дело, эти камни, как и все другие, были занесены на это место тоже льдом; значит, когда-то лед доходил и до этих мест; значит, этот самый ледник когда-то был гораздо шире и больше, чем теперь. Это значит, что в старину на Огненной Земле было холоднее, чем теперь.

И правда, за пол-версты от ледника были видны и разные другие следы и остатки старинного большого ледника, — например, исцарапанные, шлифованные скалы, а около них валуны, щебень, песок, глина, грязь, и все это в перемешку. Вся почва в этих местах была такого смешанного состава.

Снежные горы на Огненной Земле.

— Здешняя почва—это работа старинного большого ледника, — сказал Соммерсет.— Она так и называется ледниковым наносом.

— Этакая самая почва есть и у нас в Ирландии, хотя там никаких ледников нет, — сказал Бадкок.

— И у нас в Швейцарии она есть, — сказал Бриан.

— А у нас огромные долины покрыты ею, — сказал Эрвин.

— И во многих других странах, — сказал Соммерсет, — встречается этот самый ледниковый нанос, например, в Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Финляндии, Северной и Средней России. А почему же ледниковый нанос встречается во многих странах? Да потому, что в этих странах когда-то тоже были огромные ледники. Да, господа, были и у нас на родине ледники. Были—и растаяли, и остались с тех пор только их следы, то-есть такая самая каменистая, песчаная почва в перемешку с глиною, булыжником и галькой. Такую почву приготовляет именно ледник, только он; где имеется такая почва, значит, там также был когда-то ледник. Значит, были такие времена, когда ледники покрывали множество стран,—и Германию, и Англию, и Швецию, и

Норвегию, и Финляндию и больше половины России. Когда-то эти страны были тоже подо льдом... Это дело ясно, и сомневаться в этом не приходится.

Эрвин, Бриан и Бадкок от удивления даже вытаращили глаза.

— А сколько же лет тому назад это было?—спросил Вильямс.

— Наверное, много тысяч, а, может-быть, и десятков тысяч лет *),— сказал Соммерсет.—Может-быть, даже и больше, но только не меньше. А около тех тогдашних ледников тоже жили люди. А каковы они были, эти самые люди? Просто-напросто дикари. Они-то и жили, как пещерасы, и делали свое оружие тоже из камней да из костей. Иначе говоря, старинные жители Германии, Англии, Швеции, России тоже были такими же дикарями, как пещерасы... И их жизнь около ледников была похожа на житье-бытье теперешних пещерасов.

— Жители Англии были когда-то дикарями!—воскликнул Эрвин.— Да ведь не может этого быть!

— И я не верю,—сказал Майдмент,—потому что об этом ни в какой старинной книге не прописано.

— Какое мне дело до каких-то там старинных книг! Они тоже проверки требуют!—воскликнул Соммерсет.—А, кроме того, у старинных дикарей никаких книг не было,—все они были неграмотны. То, о чем я говорю, написано *на самой земле*,—это доказано и показано научным исследованием, и исследовано сотни и тысячи раз. И кто бы землю ни исследовал, и сколько бы ее ни исследовал, всякий видел и видит, и всегда будет видеть, и поймет *то же самое, что и я говорю*. Истина для всех—истина, и какую угодно проверку выдержит. Кто сомневается, тот может *сам* исследовать истину, и все может увидеть своими глазами, и проверить самолично все научные, ученые рассуждения. Следы старинных ледников и следы старинной дикой жизни говорят моим глазам и моему уму гораздо больше, чем тысячи старинных книг. Этим следам не верить, значит, не верить своим глазам и своему уму. А коли им не верить, то и жить нельзя, и опереться не на что... Не знаю, как вы, а я им всегда верил и буду верить больше, чем всему прочему.

— А я вот рассуждаю не так,—сказал Майдмент.

— Оттого-то вы часто и ошибаетесь: оттого-то вы и считаете правдой-истиной всякую чепуху, с чужих слов, сказанных неясно, неточно, сбивчиво, так что их можно толковать вкривь и вкось,—шутливо сказал Соммерсет.

— В старину люди были не глупее нас с вами,—сказал Майдмент.

— Это верно,—сказал Соммерсет.—А вот *знаний-то* у старинных людей наверно было гораздо меньше, чем у нас, потому что они тогда еще не успели их накопить. А в знаниях-то и вся суть дела...

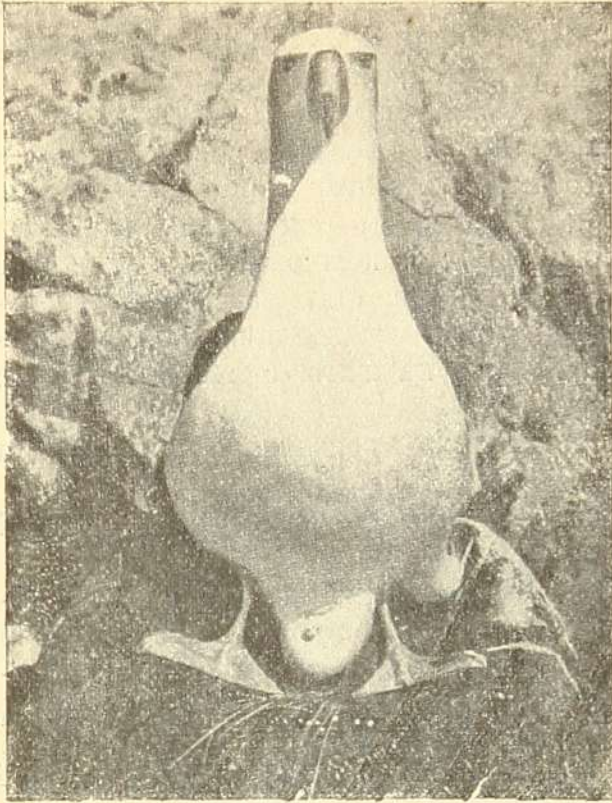
Майдмент ничего не возражал. Он только нахмурил брови и отошел в сторону.

Путешественники побродили немного по берегу и вернулись опять на пароход.

Удачи и неудачи.

За это время погода уже успела испортиться. Снова пошел дождь. Ветер сделался гораздо сильнее. Весь пролив был покрыт большими волнами; на гребнях волн играла белая пена. Плавание по проливу стало опасно. Поэтому капитан Купер велел бросить якорь.

*) Как об этом узнали с точностью и достоверностью, рассказано в книжке Н. Рубакина „История Русской земли“.

Альбатрос, сидящий на яйцах.

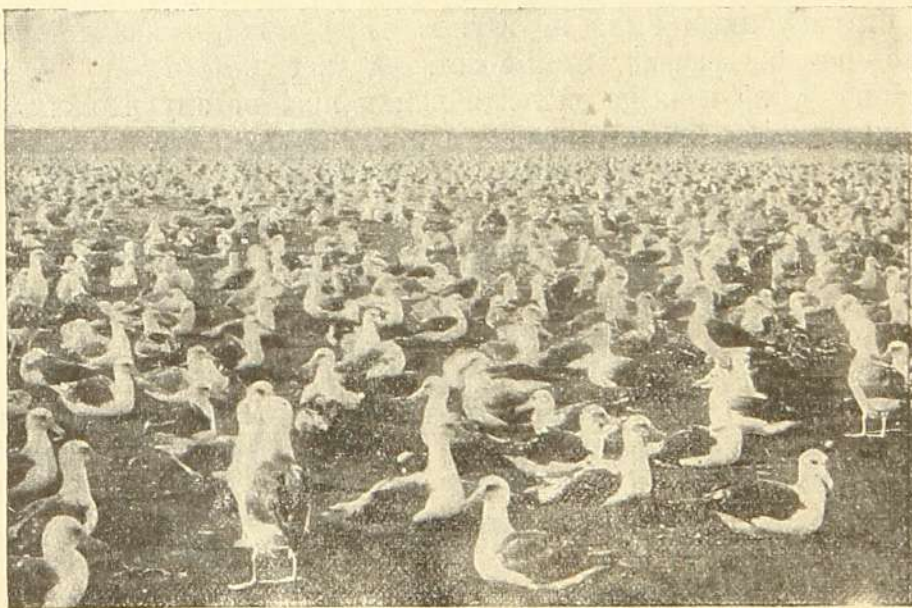
К счастью, ночь прошла благополучно. На другой день, на самом рассвете, пустились снова в путь.

— Сегодня вечером мы уже будем около острова Пиктона, — сказал капитан Купер Гардинеру.

— Да, слава Богу, наступает конец нашему путешествию! — воскликнул тот. — Теперь для нас начинается жизнь труда и борьбы!

Восточный конец канала Бигль был уже близко. Волны подымались здесь гораздо выше. Вечером налетела настоящая буря. Пароход сильно качало. А над пенящимися волнами, как ни в чем не бывало, летали громадные белые птицы и кричали громко и пронзительно. Они близко подлетали к волнам, а затем взмахивали крыльями и поднимались высоко на воздух. Это были альбатросы, самые большие водяные птицы на земле. Они были больше двух аршин в длину. А когда они летели с развернутыми крыльями, то ка-

зались громадными: от конца одного развернутого крыла до конца другого у них было не меньше двух сажен. Альбатросы поселились у самого руля парохода; они словно совсем не боялись людей; неогда они бросались в воду и плыли, поедая пищу, словно чайки; потом они приподнимались, распускали крылья и бежали по волнам, словно по земле; потом взлетали высоко-высоко и кружились в воздухе. Капитан Купер несколько раз стрелял в альбатросов, но постоянно мимо. Эти птицы летали удивительно быстро, и прицеливаться в них было очень трудно. Тут же водилось множество бакланов.

Колония альбатросов.

На одной скале, высоко над морем, путешественники увидели странное зрелище. Там сидели длинным рядом какие-то большие птицы. Некоторые были не меньше пол-сажени в высоту. В подзорную трубу можно было хорошо разглядеть птицу. У нее была черная голова с острым клювом, сизая спина, желтая шея и белая грудь; ноги были короткие, толстые и усажены перьями до самых пальцев, а крылья походили на плавники. Лишь только эти птицы увидели пароход, тотчас же стали кричать. Их крик был очень громок и неприятен и походил больше всего на ослиный рев.

— Это патагонские нелеты, или пингвины,—сказал капитан Купер.— Когда-то они водились здесь в великом множестве. Я сам приезжал лет десять тому назад сюда за ними охотиться, истреблял тут их по тысяче в день. А теперь вот нелеты стали редки. Приезжие охотники почти совсем истребили их. Скоро их и совсем не останется.

— А нам-то что? — сказал Майдмент. — Есть их мы не собираемся.

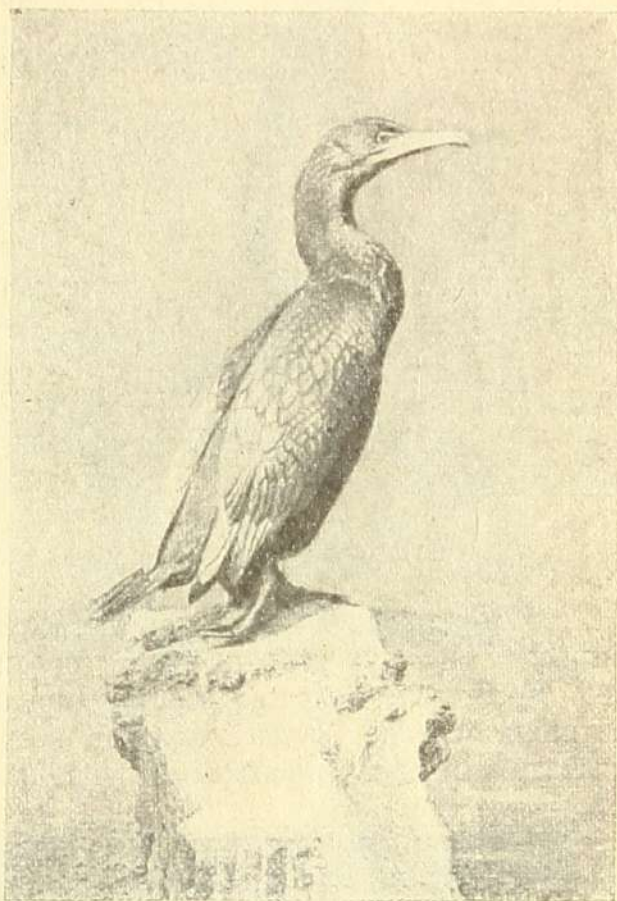
— Как знать?—сказал капитан Купер. — Иной раз нашему брату, моряку, и пингвинов приходится есть.

— Посмотрите, вон там еще обитатели здешних мест!—воскликнул Соммерсет.

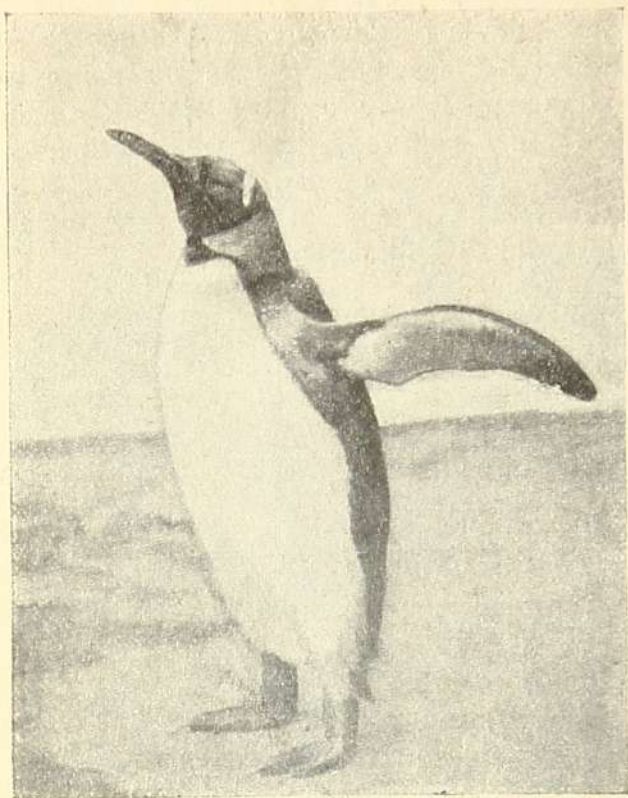
Недалеко от парохода играло в волнах целое стадо тюленей особой породы. Тюлени то ныряли в воду, то показывались вновь и потешно выставляли из воды свои круглые и мокрые головы. Эрвин хотел-было застрелить одного тюленя, но Гардинер удержал его от напрасного убийства.

— Оставь, друг Эрвин,—кратко сказал он.— И без того осталось очень немного этих несчастных тюленей,—их кровь тоже ведь льется здесь рекой...

Несколько раз к пароходу подъезжали на своих жалких лодках дикари. Это были люди из племени яганов—единственные жители здешних мест. По своему внешнему виду они были очень похожи на алаколуфов, только еще более дикие. У них тоже не было ни стрел, ни луков, а только копья, пращи и гарпуны. От всех дикарей пахло невыносимо скверно, потому что они пачкали свои тела гнилым жиром. Гардинер и Соммерсет старались разузнать, нет ли среди этих дикарей таких огнеземельцев, которые побывали когда-то в Англии. Дикари слушали и не понимали, о чем их спрашивают. Они то и дело подплывали к пароходу, но ни один из них не знал ни слова по-английски. Где же были те люди, которых привез в эти мрачные края капитан Фиц-Рой? Как найти их? Надо полагать, они уже давным-давно померли. Чем больше Гардинер искал их, тем яснее понимал, что и искать-то их нечего...

Баклан.

Патагонский нелет.

Значит, нужно было добиваться своего иным способом.

Однажды к пароходу подплыла лодка, а в ней сидели две женщины и мальчик десяти или двенадцати лет. Одна женщина несомненно была мать мальчика. Гардинер попробовал было купить этого мальчика у его собственной матери. Он выложил перед ней целую грудку разных вещей: зеркала, бусы, браслеты, куски красной ткани, пестрые шелковые платки. Дикарки тотчас же на них набросились. Гардинер стал им разъяснять с помощью телодвижений, что все эти вещи он отдаст им, коли они отдадут ему мальчика, а уж тому никто ничего худого не сделает.

Долгое время дикарка совершенно не понимала, чего от нее хотят. Наконец она поняла и радостно закивала головой. Обрадовался этому и Гардинер. Дикарка забрала все вещи и вернулась в свою лодку. Мальчик остался на пароходе.

Но не успела еще отплыть лодка его матери, как маленький дикарь вырвался из рук Гардинера и бросился с парохода прямо в воду. Только его и видели. Большие волны ударились о пароход, а мальчик плыл между волнами, словно какой морской зверь, тюлень или даже рыба: его черная косматая голова то высывалась из воды, то исчезала. А в это самое

Огнеземельцы из племени яганов в настоящее время.

время женщины равнодушно смотрели из своей лодки, как борется с волнами мальчик. Они и не думали спешить к нему на помощь.

Мальчик благополучно доплыл до лодки и очень ловко взобрался на нее.

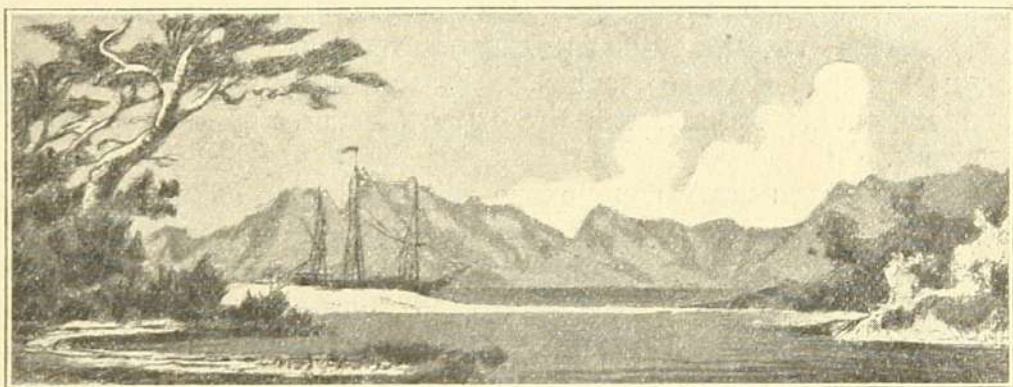
Попытался Гардинер купить еще раз другого мальчика. Но и эта его попытка не удалась. Купленный дикарь тотчас же сбежал с парохода.

Но Гардинер все же не унывал.

— Это ничего,—говорил он.—Что нам не удалось сегодня,—удастся завтра. Подождем и еще попробуем.

Остров Пиктон и остров Гарден.

К вечеру вдали показался остров Пиктон. Это небольшой гористый островок. Длинною он верст двадцать, а шириной верст пять. Пиктон находится недалеко от южного берега Большого острова Огненной Земли,—между ним и довольно большим островом Наварином, у восточного конца пролива

У берегов острова Пиктона.

Бигль. От Большого острова Пиктон отделяется узким проливом. Недалеко от Пиктона есть еще несколько очень маленьких и пустынных островов, например, остров Гарден (по-английски это значит остров „Сада“), остров Баннер (то-есть „Знамени“). Между ними и Пиктоном очень удобные места для стоянки кораблей. Здесь-то и встал на якорь пароход „Королева океана“.

Это было 4 декабря 1850 года.

В этот день погода была особенно скверная. Тяжелые серые облака висели очень низко над землею. Дождь и снег падали, как всегда. Бушевала настоящая буря. Ветер пронизывал до костей. Гардинер и его товарищи стояли на палубе качающегося парохода, рассматривали остров в подзорную трубу и дрожали от холода.

— Вот в какой яме мы должны жить и работать!—печально сказал Бриан.—Неприветливо же встречает нас Огненная Земля.

— Что и говорить,—яма, настоящая яма!—сказал Эрвин.—Я думаю, нам отсюда и назад не выбраться.

В это время был час прилива. Вода поднималась все выше и выше и полезала на скалистые берега. В этих местах прилив бывает очень высок. Во время прилива вода поднимается сажен на шесть или на семь и сильно затопляет берега. Море казалось словно живым. Волны так и полезали на прибрежные скалы и разбивались о них с грохотом, и при этом высоко вверх

летели брызги. Прибой волн походил иногда на настоящую пушечную стрельбу.

— Холодно, господа, холодно! Что-то будет? Что-то будет?—говорил Вильямс.—Неужели бури продолжатся несколько дней?

К счастью, сильные бури продолжаются в этих местах всего лишь один день. Но зато через четыре или через пять дней они повторяются. К вечеру буря стала стихать. Ночью она совсем затихла. Пошел проливной дождь, сгустился туман.

На другой день утром появились три лодки дикарей. На каждой лодке сидело по несколько человек. В одной было трое мужчин, четыре женщины и пятеро детей, в другой—две женщины и двое детей, один ребенок грудной; в третьей лодке находилось несколько взрослых мужчин, а среди них—дряхлый, седой старик,—худой, жалкий и очень безобразный. Все дикари были голы, без всякой одежды. Только у одной женщины был на плечах кусок тюленьей шкуры, величиною с носовой платок; через плечо был перекинут ремень, на котором держалась эта шкура. Женщина то и дело передвигала шкуру в ту сторону, откуда сильнее дул ветер. Дикари еще издали принялись кричать изо всех сил: „Яммершунер! Яммершунер!“ („Дай мне! Дай мне!“) Крики их были пронзительны и громки.

Лодки дикарей были большие, но сделаны очень плохо; все они текли. Дикари сидели на корточках, так что издали были видны лишь их косматые черные головы.

Дикари плавали около парохода несколько часов и все это время не переставали кричать во все горло: „Яммершунер! Яммершунер!“

Ни один дикарь не знал ни одного слова по-английски. Гардинер решил, что нужно показать свою дружбу дикарям, а кстати, и отвязаться от них. Он сделал дикарям небольшие подарки. Но подарки не угомонили дикарей. Те кричали попрежнему.

Капитан Купер велел спустить на воду обе шкуны, привезенные из Англии. Одна шкуна называлась „Успех“, другой было дано название „Пионер“. Это были шкуны неуклюжие, тяжелые на ходу и довольно старые. Но в каждой шкуне была каюта с небольшими окошечками; в такой каюте могли свободно поместиться три или четыре человека. Для них были сделаны удобные постели, а рядом с каютами, в особых отделениях, стояли железные печки, на случай очень холодной погоды. На каждой шкуне было по одной маленькой двухвесельной лодочке, чтобы высаживаться с их помощью на берег.

Обе шкуны были благополучно спущены в воду, в них перенесли все вещи и все припасы, которые Гардинер заготовил еще в Англии. Необходимо было переправить их на берег. Матросы принялись перетаскивать провизию и припасы на шкуны. Соммерсет сказал Гардинеру:

— Неужели, мой друг, вы взяли с собой так мало припасов? Мне кажется, вы поскупились. Ведь в здешних печальных местах добывать еду очень трудно. Как бы вам не пришлось голодать. Боюсь я за вас. Очень боюсь. Вы человек не от мира сего: о небе думаете, а на земле устраивать своих дел не умеете...

— Вы напрасно за нас беспокоитесь,—возразил Гардинер.—Я уверен, что нам хватит припасов на целый год. А, кроме того, я надеюсь на помощь Бога. Мы будем заниматься охотой, рыбной ловлей: у нас есть ружья, есть сети. Бог нам пошлет добычу, и мы не умрем с голоду.

— На Бога надейся, а сам не плошай,—сказал Соммерсет.—Одной-то надежды еще мало. Нужны еще знания, много знаний, а их у вас маловато.

Кроме того, вы и здешних мест совсем не знаете. Лучше бы уж вы взяли на всякий случай побольше разных запасов.

— Бог нас в обиду не даст,—горячо возразил Гардинер.

Припасы стали перевозить на берег. Лодки дикарей плавали около парохода. Куда плыли шкуны, туда же направлялись и дикари. Они не отставали от моряков ни на шаг и, не переставая, выкрикивали свое „яммершунер“.

Гардинер решил поселиться на небольшом островке Гардене. Этот островок казался ему и его товарищам уютнее, чем остров Пиктон. Путешественники высадились на острове Гардене и тотчас же стали горячо молиться. Дикари с великим изумлением смотрели на молящихся. Гардинер запел духовную песню. Один дикарь не выдержал, принялся подтягивать, а затем и сам стал кричать во все горло. То же проделали и другие дикари. Гардинер и его товарищи молились, не обращая внимания на дикарей. Те постоянно стояли, а затем сели в свои лодки и уплыли неизвестно куда.

После молитвы товарищи принялись за работу. Матросы с парохода „Королева океана“ усердно помогали им. Прежде всего, нужно было строить себе жилье. Выбрали место для жилья на высоком пригорке, недалеко от берега, на опушке густого букового леса. Срубили десятка два буковых деревьев, распилили их стволы, обрубил сучья. Общими силами скоро были расчищены места для палаток, разбиты палатки, а в них были перенесены постели, сундуки, провизия, запасы и прочие вещи. Рядом с палатками, под особым навесом, была устроена кухня. На полу в палатках и в кухне положили доски, а их покрыли просмоленным полотном. Вокруг палаток и кухни соорудили крепкую ограду из бревен, на случай нападения дикарей. Внутри ограды вели только одни ворота со стороны моря.

Скоро вся работа была окончена. В тот же день, к вечеру, Гардинер и его товарищи праздновали свое новоселье и устроили настоящий пир. Сомерсет, капитан Купер и кое-кто из моряков тоже приехали на новоселье.

Капитан Купер подарил Гардинеру несколько мешков с провизией и бочонок соленой свинины.

Так начались приключения Гардинера и его товарищей на островах Огненной Земли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Среди самых диких людей на земле.

Темною ночью.

Первую ночь на острове Гардинер и его товарищи провели очень хорошо. По всему было видно, что дикари где-то недалеко. Нужно было держаться с ними очень осторожно. Можно было ожидать наверняка, что вот-вот они появятся. Дул свежий ветер, накрапывал мелкий дождь, шумело море под ногами, кричали почные птицы, где-то выли собаки; грохотали льдины далеких ледников, падая в воду. Блестели костры дикарей на соседних островах и красные и зеленые фонари парохода, стоявшего на якоре в трех верстах от берега.

Гардинер решил, что необходимо кому-нибудь стоять настороже. Вильямс встал в первую очередь. Приходилось стеречь и палатку, и обе шкуны, которые стояли на якоре недалеко от берега. Вильямса сменил через два часа Эрвин, а за ним стояли на часах и другие товарищи. Всем было жутко. Все уже почувствовали, что они одни-одинешеньки в пустыне, посреди самых диких людей на земле.

Все же первая ночь прошла довольно спокойно. Дикари не показывались.

— Куда же это они скрылись?—спрашивал утром Майдмент Гардинера.— Уж не замыслиют ли они чего худого против нас? Не пошли ли они сзывать других дикарей?

— Это очень возможно,—отвечал Гардинер.

— Чего нам этих дикарей бояться?—воскликнул Пирс.—Они наверно разбегутся с первого же выстрела, а кроме того и капитан Купер еще недалеко. Он нас в обиду не даст.

— Как вы там хотите, а я ни за что не стану проливать человеческую кровь. И другим не позволю проливать ее. И вообще не доведу дело до кровопролития,—сказал Гардинер.—Все сделаю, всем поступлюсь, только никому не позволю стрелять в дикарей.

— Да и мы не хотим зря проливать человеческую кровь,—сказал Бадкок.—Но коли к тебе пристанут с ножом к горлу, так небось, все сделаешь. Потому жизнь каждому дорога. В обиду себя я не дам, это как вам угодно. Нападать ни на кого не стану, а и к себе не подпущу! Вот, например, у нас

в Ирландии... Уж как там над нашим братом-арендатором куражились, чего ни делали, до тех пор, пока мы не взялись за ум...

— Да ты что говоришь про Ирландию?—сказал Бриан.—То Ирландия, а то дикари.

— Никому себя в обиду не дам,—сказано раз навсегда!—воскликнул Бадкок и хлопнул кулаком по столу.

— От обиды, мой друг, ведь можно уйти,—сказал Гардинер.

— Не всегда от нее уйдешь! Ты от нее, а она за тобой!—сказал Бадкок.

— Правильно!—сказал Эрвин,—правильно! Этак отступай да отступай, и сам не заметишь, как тебя слопают.

— А мы, мой друг, сюда разве затем приехали, чтобы дикарей обижать?—спросил попрежнему кротко Гардинер.

— Никто про это не говорит. Но и не для того же мы приехали, чтобы в обиду себя дикарям давать...

— Все будет по-хорошему, все будет. Ведь за нас Бог!—сказал Гардинер.

Самый дикий язык на земле.

Около полудня снова появились дикари. На этот раз их было всего три человека. Это были люди из племени яганов. Они подошли к ограде и к палаткам Гардинера и принялись все ощупывать руками. Они бормотали на своем непонятном языке: „Яммершунер! Яммершунер! Уавчхж! Уавчхж!“ Что означало это слово—неизвестно. Язык этих дикарей был очень странный. Дикари чмокали, чавкали, хлопали, щелкали языком, булькали. Их язык казался еще несуразнее, чем язык онасов. Все слова у них сливались в одно.

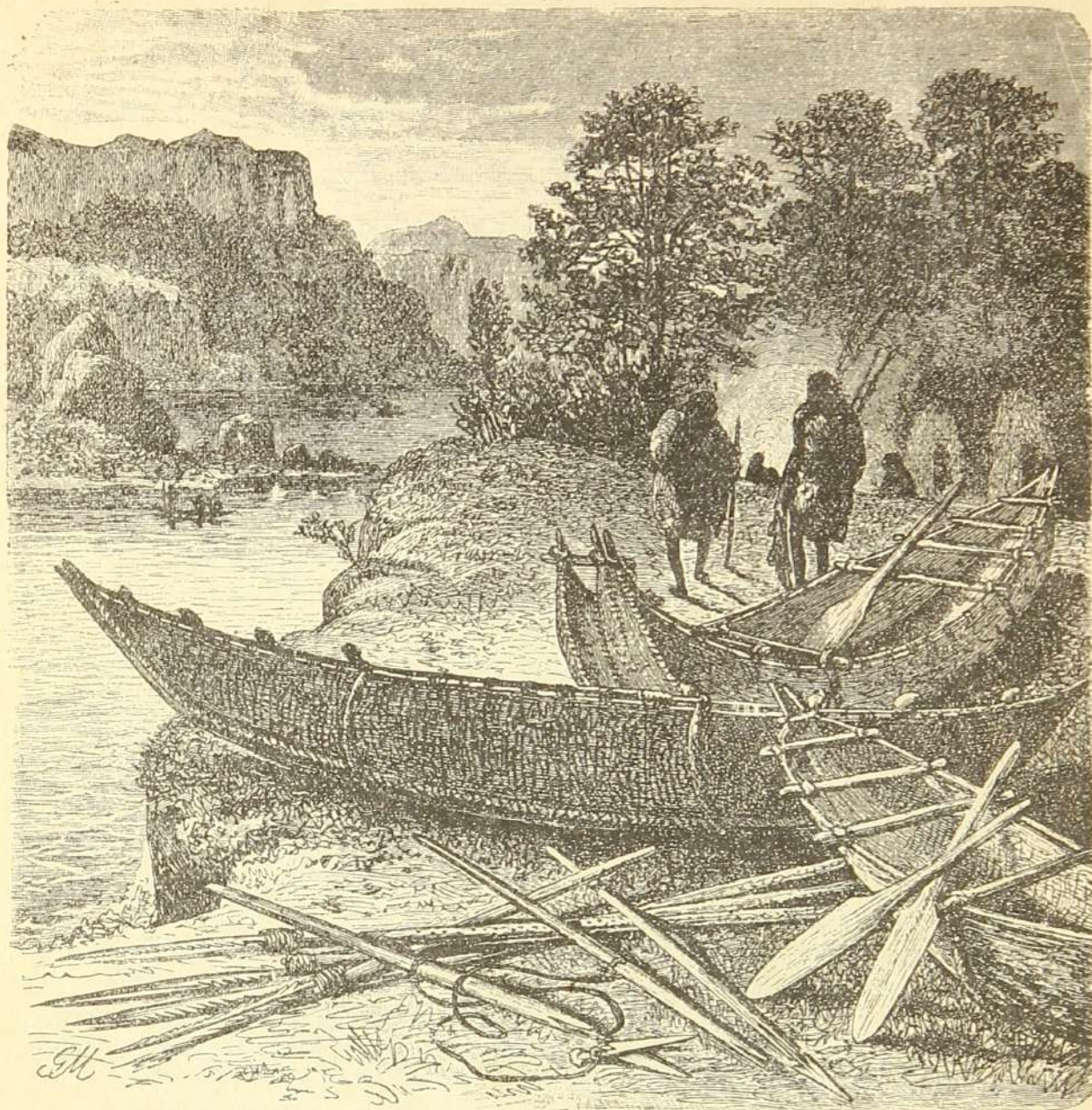
— Да разве это человеческий язык?—воскликнул Эрвин.—Этак птицы да обезьяны между собой разговаривают, а не люди!

— Удивительно,—говорил Вильямс.—Эти дикари не отделяют слова от слова, у них все слова сливаются в одно.

— Все-таки они люди,—сказал Гардинер.—Ведь в их речи слышится то удовольствие, то неудовольствие, то горе, то радость, то упреки, то просьбы, и всякие другие человеческие чувства.

— Что вы, капитан!—воскликнул Эрвин.—Ведь эти самые чувства и у зверей есть! Дикари, право слово, разговаривают по-звериному!..

Так казалось англичанам. Но на самом деле язык самых диких людей на земле все-таки похож на все прочие человеческие языки. В нем есть и отдельные слова, и разные обороты речи; в нем даже очень много разных слов, и каждое слово что-нибудь означает и выражает. Но эти слова, эти обороты речи, и даже самые звуки дикого языка совсем не похожи на наши. Язык дикарей гораздо бедней словами, чем наш язык, да и обороты речи у них грубее и, на наш взгляд, не такие красивые, как наши. Да иначе и быть не может, и вот почему. Ведь каждое слово человеческое должно что-нибудь означать и выражать, например, какую-нибудь вещь, какую-нибудь мысль. А дикари о многих вещах ровно ничего не знают, потому что у них *нет этих самых вещей*, и они их никогда не видали; да и *мыслей* в головах дикарей тоже не очень-то много, потому что они и мыслить, то-есть думать, еще не очень-то умели и до многих мыслей еще не додумались. В головах их все неясно, туманно, сбивчиво, потому и их речь не может быть ясной, отчетливой; потому же и обороты речи у дикарей тоже просты и не отчетливы. Значит, какова жизнь, таков и язык. Кто ведет самую дикую

На Огненной Земле. Лодки яганов, весла, гарпуны.

жизнь, у того и язык самый дикий. Этим и отличается язык самых диких людей на земле от языков всех других племен и народов.

Дикари без умолку что-то болтали на своем языке. Гардинер прислушивался к их речи и старался понять, что она означает. Но как он ни старался, все же не добился ровно ничего. Ему не удалось узнать и запомнить ни одного слова.

Самая дикая дружба.

Гардинер все-таки старался показать свою дружбу дикарям. Каждому он делал какой-нибудь маленький подарок. Но подарки несколько не радовали тех. Дикари принимали подарки, словно должную дань.

— Вы очень-то их не одаривайте,—сказал Гардинеру Эрвин.—Если будете много им дарить,—они будут еще больше просить. Это уж такой народ. От ваших подарков дикари сделаются еще назойливее и злее.

— Друг мой, доброта есть доброта, и это все народы понимают одинаково,—возразил Гардинер.

Но на самом деле вышло не так. Гардинер ошибался. И правда, что такое доброта? На такой мудреный вопрос каждый человек отвечает по-своему. Гардинер рассуждал так: „Коли я дарю, значит, я дарю по своей сердечной доброте; коли есть в сердце у меня доброта, я вот и делаю подарок. А если бы ее не было, я бы и не стал дарить“. А дикари смотрели на подарки совсем другими глазами. На их взгляд это были *совсем не подарки*. Дикари совсем не знали и не понимали, что значит „дарить“. Ведь дарить можно только свое собственное. А что значит „свое“ и что значит „собственное“—этого дикари совсем не знали и не понимали. Значит, они и подарков не могли понять; значит, и о доброте Гардинера они не думали, да и думать не могли. На их взгляд доброта тут была ни при чем: дикари не понимали даже, что эти подарки действительно дарятся им, то-есть что Гардинер *позволяет* им брать их. Дикари просто-напросто брали их: взял,—только и всего. А брали они потому, что не встречали этому никакого препятствия: „хочу—беру и уношу с собой“,—вот и вся мысль дикари. А почему можно взять и унести? Об этом не было даже и мысли в их головах. Значит, не было мысли и о доброте Гардинера. О Гардинере они судили по себе самим. Что они сами чувствовали, то и о других думали, а чего не чувствовали, того и о других не думали. Подарки Гардинера только разожгли желания дикарей. До самого вечера они бродили около палатки и все время кричали на разные голоса:

— Яммершунер! Яммершунер!

Подумайте хорошенько о своей судьбе.

Настали сумерки, а дикари все выкрикивали эти слова. Настала наконец и ночь, а дикари не уходили. Они лишь отошли немного в сторону, развели костер и уселись около огня. Гардинеру и его товарищам пришлось все время быть настороже. Но даже и ночью то и дело раздавались дикие крики: „Яммершунер! Яммершунер!“ К утру дикари как будто утомнились. Но нет,—изредка снова слышался тот же их крик: „Яммершунер!“.

— И чего это дикари не понимают, что они нам страшно надоели!—воскликнул Пирс.—Взял бы я их, да и вытолкал в шею...

На утро дикари опять подошли к ограде. Они глазели на Гардинера и гримасничали; они смеялись, когда смеялся Пирс; они кашляли, когда кашлял Гардинер; они передразнивали всех и каждого и обезьяничали, не переставая. К такому обезьяничанью, то-есть *подражательности*, эти дикари яганы были склонны еще больше онасов.

В тот же день к вечеру пришла с парохода лодка; на ней были Соммерсет и капитан Купер.

— Ну, как вы поживаете, друзья?—спросил капитан Купер.—Завтра наш пароход снимается с якоря. Намерены вы остаться в здешних краях? Уж не отправиться ли вам домой вместе с нами?

— Мы остаемся здесь,—сказал Гардинер.

— Подумайте-ка хорошенько о своей судьбе,—сказал Соммерсет.—Что вы для этих дикарей сделаете? У вас провизии на шесть месяцев, а вам за это время не выучиться даже языку дикарей. Какую пользу вы им принесете? Вы вот приехали сюда дикарей учить. А чему учить? Вашей вере и вашей жизни. А подойдет ли все это дикарям? И поймут ли наконец они все это?

Вы вот думаете, что, разумеется, подойдет, и они поймут вас и ваши проповеди. А я думаю: не вам решать, что для дикаря хорошо и что не хорошо: только сами дикари и могут решать это. Мы с вами за них решать ничего этого не можем. Их выбор, их добрая воля—это прежде всего. Первое дело, чтобы дикарям ничего нашего не навязывать.

„Показывать—показывайте, что у вас самих есть в душе. Доказывать—доказывайте. По-моему все равно вы друг друга не поймете и друг другу ничего не разъясните. А без обоюдного понимания ничего у вас и не выйдет кроме беды. Только не приневоливать. Поэтому оставались бы вы лучше у себя на родине. Ведь и там для вас дела много. А здесь, наверно, кому-нибудь будет плохо: или вам, или дикарям. Коли вы, действительно, люди добрые и хорошие и не захотите притеснять дикарей, тогда вы сами погибнете. А коли вы не такие, тогда вы навлечете гибель на дикарей. Ведь бывали же на свете такие дела. Да еще ужаснее. Например, в Америке, недалеко отсюда, в пампасах *), или в Африке, стране кафаров **).

— О чем вы говорите?—спросил Гардинер.—Я вас не понимаю. Как мы можем погубить дикарей?

— Совершенно таким же способом, как их погубили в других местах,—сказал Сомерсет.—И в других местах приходили в их страну такие люди, как вы. И шли эти люди туда тоже затем, чтобы делать добро. Поселялись среди дикарей, строили деревни, даже города. А за ними по проторенной дорожке и по наслезанным тропам приходили затем купцы-торговцы,—это уже для того, чтобы с дикарей какую-нибудь поживу иметь. А с купцами шли солдаты,—это уже для того, чтобы купцов оберегать. Дикарям и без того есть печего, а купцы делали их еще бедней. Отбирали чуть ли не последнюю еду и все, что сулило только наживу какую-нибудь. А за купцами шли колонисты, скотоводы и пахари, и в конце концов отнимали землю от дикарей, а из них делали своих рабов или наемников, или просто-напросто прогоняли дикарей вон.

— Купцы и солдаты, и колонисты и без нас могут прийти,—сказал Вильямс.

— Вот к этому-то я и веду свою речь,—сказал Сомерсет.—Разные грабители, разумеется, могут куда угодно сами прийти. А у вас, проповедников Христова учения, вот какое настоящее дело: вы должны всячески мешать этим самым грабителям приходиться туда, где их еще нет, а не то что им к дикарям дорогу указывать и прокладывать. Ваше дело—этим самым купцам, солдатам и колонистам проповедывать, чтобы они не обижали несчастных, жалких и без того обиженных дикарей. Коли вы и вправду желаете добра дикарям, идите не к ним, а к их обидчикам. Удерживайте этих самых обидчиков. Вот это будет настоящее дело. Только я думаю, что те вас не очень-то послушают, потому что для них слово Божие ни к чему: ихний Бог—не Христос, а личная выгода.

— Подумайте, господа, подумайте,—сказал капитан Купер.—А впрочем, всякому свое. Насильно мил не будешь.

— Я остаюсь здесь,—решительно сказал Гардинер.

— И я с вами,—сказал Майдмент.

— И я! И я!—закричали Вильямс и Бриан, а Эрвин сказал Бадкоку:

— Это не порядок: сюда ехали-ехали, а как приехали, то и назад? Нет уж! За что взялся, того и держись.

*) Это описано в книжке Н. Рубакина „В пампасах“.

***) Это описано в книжке Н. Рубакина „Гибель корабля „Гровенор“.

— Первое правило,—товарищей не подводить и не покидать,—сказал Бадкок.

На другой день утром пароход „Королева океана“ был уже готов к далекому плаванию. Капитан Купер и Соммерсет распрощались с Гардинером и его товарищами.

— Прощайте, Гардинер,—сказал Соммерсет.—От всей души я желаю вам всего лучшего. Вы и ваши товарищи—люди очень хорошие, искренние, душевные. А все же я очень и очень боюсь, что из вашего дела или никому никакой пользы не выйдет, или выйдет большой вред. Вы люди самоотверженные, добрые. Но что из того? Ваша доброта и ваше самоотвержение, право, были бы гораздо полезнее в другом месте, среди других людей.

— Оставим это,—сказал Гардинер.—И я скажу: всякому свое. Я на что решился, пусть то так и будет. А что будет, то и будет: поживем,—увидим. Гардинер крепко обнял Соммерсета, и они расстались.

Одни в пустыне.

Пароход „Королева океана“ снялся с якоря и быстро исчез за соседним островом. Гардинер и его товарищи остались в пустыне совсем одни.

Одни посреди самого дикого народа на земле.

Наступила ночь. Наступила и прошла. Она была еще тяжелее, еще грустнее, чем прошлая. Всю эту ночь Гардинер не смыкал глаз и молился. Вильямс тоже не мог спать и ворочался с боку на бок. Он все время думал над тем, что говорил Соммерсет. Все товарищи думали про себя: что-то будет, что-то будет со всеми нами?

На другой день дикари появились очень рано утром. Они, разумеется, уже узнали, что пароход ушел. Дикари поэтому стали уже как будто смелее и назойливее. Когда появились дикари, Гардинер и Вильямс мылись. Увидев их мытье, дикари остолбенели от удивления. Мытье им было совершенно неизвестно и непонятно, потому что ни один дикарь яган никогда не мылся и не моется. Особенно удивляло дикарей мыло. Один дикарь схватил кусок мыла, закинул его прямо себе в рот и стал жевать. Мыло не показалось дикарю очень невкусным. Он откусил еще кусок и стал еще усердней жевать его. Другой дикарь увидел на сундуке Гардинера стеариновую свечу и преспокойно съел ее и даже облизался.

Вдруг издали донесся неистовый женский крик, очень похожий на собачий лай. Очевидно, это был какой-то сигнал, то-есть знак. Услышав этот крик, дикари тотчас же выбежали из ограды, сели в свою лодку и отплыли от берега.

Они быстро скрылись за соседним островом Баннером. Однако не прошло и часа, как из-за островка показалось множество лодок с дикарями. Эти лодки плыли прямо к тому месту, где находились Гардинер и его товарищи. В лодках было не меньше пятидесяти человек дикарей; среди них были и женщины, и дети, и дряхлые старики, и старухи. У многих мужчин в руках были копья. Все дикари были голые; у них не было никакой одежды, кроме небольшой звериной шкурки, накинутой на плечи; но зато у всех дикарей были какие-нибудь украшения,—на шее ожерелья из раковин, браслеты из тюленьей кожи, перья в волосах. Лица были раскрашены черной и красной краской. Дикари высадились на берег. Все они имели очень жалкий вид. Старики и старухи шли, сторбившись; женщины кормили грудью детей. Около них прыгали собаки. Они выли и лаяли на все голоса.

Дикари целой толпой подошли к жилищу Гардинера. Около самого входа в ограду Эрвин загородил им дорогу. Дикари попробовали-было войти против его воли, но увидели Пирса, Бриана и других товарищей с ружьями и остановились. „Яммершунер!“—закричал один дикарь. „Яммершунер!“ — кричал другой, а за ним третий, четвертый, пятый; закричала то же самое вся толпа. С этого времени крики дикарей уже не замолкали до самой ночи. Кричали на разные голоса, то жалобно, то настойчиво, то с угрозой. Иные дикари выкрикивали „яммершунер“ сердито и при этом стучали своими колышками о землю, другие кричали равнодушно, повернувшись к ограде спиной. Но ни один дикарь не посмел насильно войти в ограду. Впрочем, все-таки приходилось постоянно держаться настороже.

Недалеко от ограды дикари выстроили свои хижины. Строили их женщины, а мужчины в это время сидели, сложа руки, кричали на женщин и даже били их. Хижины дикарей яганов были еще хуже устроены, чем хижины онасов. На постройку каждой хижины шло не больше часу.

Хижина ягана в настоящее время.

Жилем яганов была просто-напросто неглубокая яма, вырытая в земле; в яме лежали мох и листья. Около ямы, с наветренной стороны, лежала куча вырытой земли, а в этой земле воткнуто было несколько древесных веток, срубленных кое-как неуклюжим каменным топором. Эти ветви были связаны между собой наверху, а на них лежали куски древесной коры, пучки травы и листья. Настоящих стен и крыши у такого жилища вовсе не было. Гардинер заглянул в одну такую яму. В ней лежало несколько человек совсем голых дикарей. Среди них была дряхлая седая старуха, похожая на скелет, и несколько ребят, тоже голых. Все лежали в повалку прямо на мокром и холодном мху, даже без всякой покрывки от холода, и без всякой защиты от дождя, словно какие звери. И грелись дикари друг около дружки по-звериному. В яме очень скверно пахло. Такое жилище было хуже звериного логовища. Оно не укрывало ни от холода, ни от дождя; оно плохо укрывало даже от ветра и непогоды. Перед каждым таким жилищем горел костер. Чтобы греться около огня, нужно было высунуть из ямы или ноги, или голову. Дым от костра шел прямо в жилище и страшно резал глаза. От этого глаза дикарей делались красными и постоянно слезились. Женщины то и дело подбрасывали дрова в костер. Эти дрова были нарублены каменными топорами и наломаны голыми руками. Все жилища дикарей были похожи одно на другое и все скверно пахло. Дикари нисколько не заботились о чистоте. Они спали на вонючей подстилке, а около них валялись гнилые остатки их еды и разные нечистоты. Дикари глядели на Гардинера из своих шалашей, вытаращив глаза, словно звери из логовищ.

Строили их женщины, а мужчины в это время сидели, сложа руки, кричали на женщин и даже били их. Хижины дикарей яганов были еще хуже устроены, чем хижины онасов. На постройку каждой хижины шло не больше часу. Жилем яганов была просто-напросто неглубокая яма, вырытая в земле; в яме лежали мох и листья. Около ямы, с наветренной стороны, лежала куча вырытой земли, а в этой земле воткнуто было несколько древесных веток, срубленных кое-как неуклюжим каменным топором. Эти ветви были связаны между собой наверху, а на них лежали куски древесной коры,

— Дикари, наверно, будут долго здесь жить, — сказал Гардинер. — Они целое село выстроили.

— Жилье еще ничего не доказывает, — сказал Эрвин. — Ведь такое село можно выстроить в один час. Его легко строить, да и бросить не жалко.

Так прошел день. К вечеру дикари куда-то скрылись. Гардинер остался на часах у входа в ограду. Эта ночь, как и прежние, была очень темная, облачная, дождливая. „Королева океана“ давно была уже далеко. Ожидать помощи теперь было не от кого. Приходилось охранять и ограду, и лодки, а дикари, попрежнему, были поблизости. То и дело раздавались их дикие крики. То и дело показывались дикари около самой ограды и старались забраться внутрь или вскарабкаться на шкуны. Тут уж было не до сна.

— Как хотите, капитан, а я, коли что, пушу в дело кулаки, — сказал Пирс. — С этими дикарями ничего больше не остается делать. Они ровно ничего не понимают.

— Нет, нет, не делай этого, дядя Пирс! — воскликнул Гардинер. — Из твоих кулаков ничего хорошего не выйдет. От этого нам же будет хуже. Ведь дикарей много, а нас мало.

— А ружья-то на что? — спросил Пирс.

— Ружья, мой друг, ни к чему! Ведь мы приехали к дикарям не для того, чтобы убивать их, а чтобы учить правде и добру и вере Христовой.

— Да ведь дикари налезают на нас целой толпой! — воскликнул Бадкок.

— Ну что же с этим поделаешь? Соберемте в таком случае все наши пожитки, сложим их на наши шкуны и переселимся в другое место.

— А дальше что? — спросил Эрвин.

— Дальше, — коли на новом месте не будет лучше, то и там сделаем то же самое и поплывем снова куда-нибудь, а там еще и еще, — сказал Гардинер.

— А прок от этого будет какой?

— Мы сюда не прогуливаться приехали, — угрюмо сказал Бадкок.

— Прежде всего никому не делай вреда, а там пусть будет, что будет, — сказал Гардинер.

Легко ли дикари удивляются?

Лишь только стало светать, снова явилась целая толпа дикарей. Дикари понимали, что их много, а белых мало; от этого они становились все назойливее и храбрее. Они забрались внутрь ограды, а несколько человек вскарабкались на палубу шкуны. Дикари хватали без церемонии всякую вещь, какая попадалась им на глаза, и даже не кричали уже „яммершунер“. Дикари вырывали ружья из рук Гардинера и его товарищей; они порывались было даже сломать замки у сундуков и ящиков. Матросы без всяких стеснений отталкивали их, но это несколько не помогало, а только злило и разжигало дикарей. И это продолжалось час за часом, с утра до вечера. От бессонных ночей да от разных волнений Гардинер и его товарищи совсем выбились из сил. Нужно было что-нибудь придумать и сделать для обуздания дикарей, но так, чтобы их не разозлить.

— Вот подождите, я устрою штуку! — сказал Пирс.

Он вскинул ружье на плечи, поманил дикарей и смело, один-одинешенек, пошел к лесу. Дикари сначала не пошли за ним, но Пирс так размахивал руками и звал за собой таким голосом, что дикари в конце концов послушались. Они целой толпой отправились за Пирсом.

— Вот я их сейчас удивлю! Вот я им покажу!—кричал Пирс. — Вот у меня ружье! Оно не простое! Оно может стрелять шесть раз! Вот сейчас дикари узнают, что с нами нужно быть поосторожнее! Это видишь? — кричал Пирс, указывая дикарям на ружье.—А птицу видишь? Ружье—паф—и нет птицы!

Целых полчаса Пирс бродил по опушке леса, а за ним целой толпой шли дикари. Пирс внимательно высматривал какую-либо дичь. Но, как на зло, ему не попадалось ни одной птицы. Некоторые дикари стали-было отставать от Пирса; другие, идя за ним, снова принялись выкрикивать „яммершунер“. Они уже устали ждать, — им и это надоело. Долго ждать дикарь не умеет. Пирс заметил это, выругался и, что есть силы, ударил прикладом ружья о дерево: „Вот же вам—чорт вас возьми!“

И вдруг из дупла вылетела большая сова и, грузно хлопая крыльями, понеслась по воздуху. Пирс прицелился и выстрелил. Раз, другой... третий. Не заряжая ружья, Пирс выстрелил из ружья шесть раз. Сова замертво упала на землю.

Что же сделалось в это время с дикарями? Испугались ли они шести выстрелов из одного и того же ружья! Удивились ли они ему? Поняли ли они, что в руках белого человека—страшное орудие смерти и убийства?

Услыхав выстрел, дикари прежде всего испугались его неожиданного грохота. Но выстрел несколько не удивил их, словно так и быть должно, что ружье стреляет столько раз под ряд. Разумеется, такого ружья дикари никогда еще не видели, но оно их несколько не поразило, потому что самые дикие люди на земле еще ведь не умеют удивляться. Не удивляются такие дикари ни молнии, ни грому, ни ружейной стрельбе,—они только боятся, иначе говоря, боятся за свою жизнь. Впрочем, очень скоро дикари увидели, что выстрелы Пирса несколько не повредили им. Тогда они успокоились. Гораздо занятнее было для дикарей то, что на земле лежала убитая сова.

Дикари ухватили убитую птицу и поволокли ее к себе в жилище. Это жилище находилось на самой опушке леса. Дикари приволокли убитую сову к своему жилищу. Один дикарь схватил каменный нож, иначе говоря, острый осколок кремня, и отрезал сове голову. Кровь так и хлынула ручьем на его руки. Дикарь схватил сову и стал сосать из нее кровь. Из рук этого дикаря тотчас же выхватили сову другие дикари. Тот отдал свою добычу без особого сопротивления и стал спокойно облизывать кровь с своих рук и затем вытер руки себе о волосы, а от великого удовольствия плюнул прямо в свое жилище. Убитая сова переходила в это время из рук в руки, от мужчины к мужчине. Они сосали из нее кровь, но и не думали делиться таким лакомством с женщинами или с детьми. Те стояли тут же, смотрели на пиршество и только облизывались. Несколько человек мужчин схватили сову, содрали кожу и стали резать птицу каменным ножом. Они рвали ее на части, отрывали от нее куски зубами и даже ногтями и тотчас проглатывали. При этом они урчали, словно дикие звери. В одну минуту сова была разодрана и съедена. Детям да женщинам достались только кой-какие остатки,—кости да внутренности. Такие остатки тоже были пожраны.

Гардинер и его товарищи стояли среди дикарей и смотрели на это дикое зрелище. Смотрели и дикари на ружье. Они уже позабыли о шести выстрелах под ряд. Смеялся Пирс, смеялись и дикари. В это время они уже не выкрикивали „яммершунер“.

Пирс вернулся домой очень веселый. Но особенно веселиться было нечего: ведь дикари не очень-то испугались огнестрельного оружия. Не прошло

и четверти часа, как они уже снова окружили Гардинера и кричали на все лады „яммершунер“. Низкорослые, кривоногие и коротконогие, длинноволосые, с жалкими тупыми лицами, с дикими блестящими глазами, дикари толпились у входа в ограду и кричали: „Яммершунер!“ Иные были особенно назойливы и старались пробраться внутрь.

— Дай-ка, я еще попробую, — сказал Пирс и выстрелил из пистолета на воздух около самого носа очень назойливого дикаря.

Тот вздрогнул, немного испугался, быстро и тщательно потер себе голову, вытаращил глаза, пробормотал что-то своим товарищам и закричал:

— Яммершунер!

— Тыфу ты, окаянный! И это не помогает!—выругался Пирс.

Дикарь протянул руку к пистолету и хотел взять его себе. Вместо этого он подал Пирсу каменное копьё.

— Что же это такое?—печально воскликнул Майдмент.—С нами-то что теперь будет?

Бедняга уже немножко побаивался за свою жизнь.

— Пу! пу! пу!—кричал дикарь и смеялся во все горло.

Грохот от выстрела ему очень понравился.

Дикари отошли недалеко от ограды и сели на корточки так, что колени приходились чуть не к самым подбородкам. Это была их любимая манера сидеть. Иные дикари, сидя таким способом, пели одну и ту же песенку: „Го-го-ле-ле! Го-го-ле-ле!“, все одну и ту же. Они пели ее на один лад, на один тон, без всякого выражения. И так часа по два и по три под ряд. Дикари сидели так, словно пингвины, в несколько рядов и поглядывали по сторонам своими дикими глазами. Иные громко разговаривали и тоже кричали: „Пу! пу! пу!“

— Да, право же, это безобидные, несчастные люди,—сказал Гардинер.— Пойдите к ним, Вильямс, посмотрим, нет ли там больных и раненых.

Колдунья „якомуши“.

Вильямс взял свою фельдшерскую сумку с лекарствами и инструментами и вместе с Гардинером пошел к поселку дикарей. В этом поселке было всего семь или восемь шалашей; некоторые шалаша были так грязны, что от них несло невыносимым смрадом еще за несколько шагов. И в каждой такой яме кто-нибудь лежал на сырой земле, мужчины, женщины; там же ползали, копаясь в грязи, грудные ребята, а в одной яме лежала седая-седая старуха и стонала, держась за голову. Вильямс подошел к этой старухе. Вдруг кто-то изо всей силы бросил камень и попал им прямо в лоб старухе. Та взвизгнула и застонала еще громче. Кровь так и хлынула из раны. Гардинер обернулся и увидел низкорослого, худощавого дикаря. У него в руках была праща. Он готовился еще метнуть камнем в ту же старуху, но остановился при виде Гардинера. В это же самое время дикарь во все горло смеялся.

— Якомуши! Якомуши!—кричал дикарь.—Пу! пу! пу! Якомуши!

К Гардинеру подошел седой старик дикарь и сказал, указывая на несчастную израненную женщину:

— Якомуши! Якомуши!

Старуха редела благим матом; дикарь хохотал. Из лесу выбежало несколько собак и завыли, и залаяли, и бросились на Вильямса. В это время хлынул проливной дождь.

— Пу! пу! пу!—кричал дикарь.

— Это они просят нас выстрелить в старуху,—сказал Вильямс.

Он вынул из своей сумки липкий пластырь и наклонился над старухой, чтобы промыть и залечить ей рану. Но только-что он дотронулся до ее волос, старуха вдруг завывла еще громче, словно кто-то хотел ее зарезать. Она быстро вскочила и со всех ног бросилась в лес. Седые мокрые волосы ее развевались по ветру, а босые и кривые ноги то и дело спотыкались о корни деревьев и пни.

— Якомуши! Пу! пу! пу!—кричал дикарь и бросился за старухой. За ним побежали собаки.

— Он убьет эту несчастную!—сказал Гардинер. — Надо ее спасти. Пойдем за нею.

К счастью, дикарь, побежавший за старухой, уже шел назад. Он подошел к Вильямсу и протянул перед ним свою руку. Вся рука его была в каких-то язвах.

— Глю-глю... Якомуши!—говорил дикарь, указывая на свои язвы.

— Кажется, он говорит, что ему сделала их якомуши,—сказал Вильямс.—Я теперь понимаю, в чем дело. Якомуши—

это значит на языке дикарей колдунья или знахарка. Дикари не любят ее, — думают, что она наводит на них болезни.

Вильямс хотел-было рассмотреть язву дикаря и дать ему какого-нибудь

лекарства. Но дикарь не позволил даже дотронуться до своей руки. Он быстро отскочил в сторону и грозно замахал своим каменным копьём. Напрасно Гардинер и Вильямс звали его ласковым голосом. Дикарь отбежал на несколько шагов и кричал, указывая на Вильямса.

— Якомуши! Якомуши!

— Дело плохо, — сказал Вильямс. — Дикарь, кажется, считает и меня тоже за колдуна. Как бы и с нами он не сделал, что со старухой.

Гардинер оторвал блестящую пуговицу со своей фуражки и подарил дикарю. Тот тотчас же взял пуговицу и нацепил ее на свое ожерелье. Но ран своих он все-таки не показал.

Колдун яган в одежде для священной пляски.

— Немного мы палечим таким способом,—сказал Вильямс.

— Господь да просветит душу этого несчастного создания!—воскликнул Гардинер.—Я теперь понимаю, в чем дело. Дикари боятся колдунов и считают их за своих врагов, и бьют их.

— Значит, если и мы будем лечить, нас тоже будут считать за врагов,—сказал Вильямс.—Что же это такое? Что же мы сможем сделать с такими дикарями?

— Подождем,—быть-может, что-нибудь и сделаем,—сказал Гардинер.

В это самое время в соседней яме кто-то жалобно застонал. Там лежал какой-то худой старик с белыми волосами. Казалось, он был без памяти. Вильямс подошел к нему. Гардинер тоже.

— Да этот бедняга, кажется, умирает,—сказал он.

И правда, старик был уже без памяти.

— Нам здесь нечего делать,—сказал Вильямс.—Несчастный сегодня умрет.

Он хотел дать старику лекарства. Тот открыл глаза и тотчас же отвернулся и замахал руками. Он тоже не хотел подпустить к себе фельдшера-якомуши.

Печальные и расстроенные вернулись Вильямс и Гардинер к своему жилищу. А там целая толпа дикарей уже выкрикивала на все голоса: „Яммершунер! Яммершунер!“

Вдруг раздался откуда-то женский крик. Несколько дикарей бросились в ту сторону, где лежал больной старик. Гардинер, Вильямс и их товарищи издали видели, как эти дикари подбежали к больному старику, схватили его за руки и за ноги и поволокли в лес. Старик не кричал, не стоил. Он попрежнему был без памяти.

— Этот человек, кажется, еще не умер,—сказал Гардинер.

— Весьма возможно,—сказал Вильямс.—Надо посмотреть, что сделают с ним дикари.

Часа через полтора все дикари разбрелись в разные стороны,—иные в лес, иные на берег. Очевидно, их мучил голод, и они пошли добывать себе какой-либо еды. Когда дикари исчезли, Гардинер, Вильямс, Эрвин и Пирс взяли ружья и отправились в лес на поиски за стариком.

Без погребения.

Остров Гарден почти целиком покрыт густым лесом. Этот лес очень похож на тот, в котором когда-то путешественники бродили вместе с Соммерсетом. Лес был густой, темный, очень сырой; на каждом шагу встречались гнилые, упавшие деревья; на них росли лишай, мхи, гриб цитгария и другие растения. Под зеленым сводом буковых деревьев громко раздавались многочисленные голоса птиц, но не было слышно ни криков зверей, ни даже жужжания мух и жуков. Только шумели листья буков, да выл ветер в чаще леса.

Больше часа бродили Вильямс и его товарищи по лесу. Нигде не было видно никаких человеческих следов. Только вдали где-то перекликались между собой дикари, которые охотились на птиц в чаще леса. Вдруг из дупла огромного бука выскочила несчастная якомуши, вся истерзанная, избитая и в крови. Она, словно дикий зверь, метнулась в сторону и бросилась было бежать. Она сделала несколько шагов, но силы ее тотчас же оставили; она зацепилась за корни дерева и без памяти упала на землю. Вильямс и Эрвин подбежали к ней, осторожно приподняли старуху и положили ее на мох.

Вильямс стал перевязывать ей раны. Тело несчастной старухи все было в ранах и кровоподтеках. Видно, что ей доставалось не мало за то, что она считается якуши. Вильямс омыл раны железной солью, остановил кровь, сделал кое-где перевязки и затем поднес к носу старухи пузырек с нашатырным спиртом. Тотчас же она открыла глаза. Но лишь только старуха увидела над собой наклонившегося Гардинера, тотчас же лицо ее перекопилось от смертельного ужаса, она завывала благим матом, вскочила и быстро скрылась в лесной чаще. Эрвин бросился за ней вслед. Но сколько он ни искал ее, старуха исчезла. Гардинер, Вильямс и Пирс пошли к дому.

Через четверть часа догнал их и Эрвин. Он был чем-то очень взволнован. Он шел, оглядываясь по сторонам и держась за свое ружье.

— Капитан!—еще издали кричал Эрвин.—Пойдемте-ка поскорее отсюда домой. Пойдемте!

— Да что такое случилось?—спросил Вильямс.

— Ничего особенного, только уж очень противно... Воистину это самые дикие люди на земле... Иду я—и вижу, в кустах, под деревом, человек лежит,—совсем голый, седой. Лежит, словно его притащили сюда и бросили; так вот лежит, перевернувшись. Я подошел к нему и дотронулся. Думаю, и этот без памяти. Гляжу, а это тот самый старик, которого мы тогда видели,—глаза тусклые, нос заострился, зубы торчат, а сам он уж мертвый. Я не боюсь покойников, а этот на меня, право же, страх нагнал. Вот что тут делают эти дикари! Они совсем не хоронят своих покойников! Возьмут да и затащат мертвеца в кусты, да там и бросят. Вот и все их погребение! Звери! Воистину звери! Пойдемте-ка поскорее из лесу.

З а е д о й.

Между тем, в это самое время, дикари усердно занимались добыванием еды. Каждый дикарь старался лишь для самого себя. Никто о других не заботился. Некоторые дикари добывали еду охотой. Они бродили по лесу и днем, и даже ночью. Их собаки шмыгали по кустам и спугивали птиц. Дикари старались подшибить птицу камнем из пращи. Завидев где-нибудь на дереве гнездо, дикари тотчас же карабкались на дерево, доставали яйца или птенцов и тут же пожирали их сырым.

Другие дикари сели в свои лодки и отправились охотиться на морских слонов или на морских выдр. Охота эта шла с помощью копья или гарпуна. Гардинер и его товарищи издали видели, из своего жилья, как охотятся дикари. Они били тюленей и дельфинов гарпунами. Дикари очень ловко бросали свои гарпуны. Те впивались в тело тюленей не глубоко, потому что наконечники их были сделаны из кости, а не из железа. К каждому гарпуну была привязана длинная жила, а к ней—поплавок из дерева. По этому поплавку дикари узнавали, где находится раненый зверь, и вылавливали из воды гарпуны. Случалось, что в одного и того же зверя дикарь бросал свой гарпун по три, по четыре раза.

С берега было видно, как дикари ловят рыбу. Они ловили ее сетью. Два дикаря стояли в воде и держали сеть в руках; в воде же плавали собаки. Они описывали круги по воде и загоняли рыбу в сеть. Собаки плавали быстро и шумно и постоянно заливались веселым лаем.

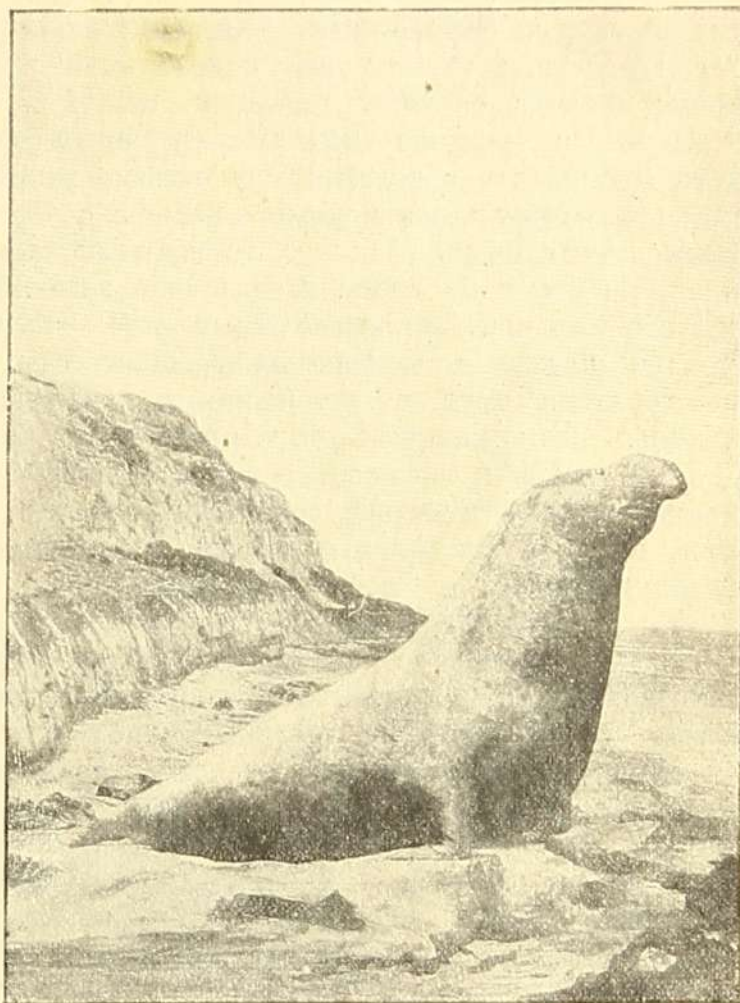
А в это самое время по морскому берегу бродили женщины с грудными ребятами, дряхлые старики, старухи и вообще все дикари, кому не под силу охотиться на зверей и птиц. Эти дикари собирали разные съедобные ра-

кушки, иначе говоря раковинки со своими живыми слизняками, тут же дикари разбивали их и ели сырьем. Другие развели на берегу костер и бросали ракушки прямо на горячие уголья, немного поджаривали их таким способом и тотчас же пожирали с жадностью. Женщины лазали по прибрежным скалам и утесам, а иные входили в холодную воду, плавали, ныряли и старались достать ракушек с морского дна. Женщины ныряли, словно морские животные, а плавая по волнам, громко кричали, шумели; а дети сидели в это время на прибрежном песке и плакали: шум стоял по всему берегу. Вода в море была очень холодная, потому что как раз в этих местах о берега Огненной Земли разбивается холодное морское течение из Ледовитого океана. Но несчастные голодные женщины по целым часам бродили по воде и дрожали от холода. Иные женщины носили на спине своих маленьких грудных ребят. Те сидели в кожаных мешках на спине у матерей и плакали во все горло. А в это самое время с моря дул сильный, пронизывающий, холодный ветер, и волны так и ударялись о берег. Женщины и дети не брезговали никакой добычей. Они подбирали все, что выбрасывало волнами на берег: и уснувшую рыбу, и дохлых тюленей. Все это шло у дикарей в дело. Они пожирали гнилое мясо тюленей, словно лакомство.

Однажды на остров Гарден волнами выбросило мертвого кита. Это был настоящий праздник для всех дикарей. Со всех соседних островов собрались яганы к мертвому киту, — и мужчины, и женщины, и дети, и старые, и молодые. Они резали и рубили гнилое мясо и тут же пожирали его. Дикари ели несколько часов под ряд. Они наелись до отвала и тотчас же заснули. Еда продолжалась и на другой день. Некоторые дикари отрезали от мертвого кита огромные куски жира, проделали в них дырья, в эти дырья просунули свои головы и в таком виде отправились домой в свои поселки. Гнилой жир издавал скверный запах: капли жира видны были и на лице, и на волосах и стекали по телу. Дикари только радовались своей добыче. Они привесли куски китового жира в свой поселок и ели жир несколько дней, пока не съели дочиства.

Гардинер и его товарищи издали видели все это.

— Жалкие люди! Несчастные создания! И что это за собачью жизнь

Морской слон.

они ведут! Неужели же мы ничем не поможем этим людям? — говорил Вильямс.— Главная забота дикарей—только бы не умереть с голода, только бы пожить хотя бы даже этой самой собачьей жизнью! Вот что такое голод! Он даже страшней холода.

— Чего она стоит, такая жизнь, прости Господи,—сказал мрачно Бадкок.— Вот, например, у нас в Ирландии. Наша крестьянская жизнь хоть немножко и лучше здешней, а все же я и той жизнью не захотел жить. И что в самом деле? Я ведь тоже человек, а не зверь. Питаться одними ракушками не хочу, мне землю подавай. Я хлебный злак хочу сеять...

— А ведь и на Огненной Земле растут некоторые питательные злаки,—сказал Пирс.— Право слово,—я сам их видел! У дикарей они под самым носом растут, а те не умеют и не думают ни собирать их, ни сеять. Дикари, кроме мяса да ракушек, ничего не едят.

— Нет,—сказал Вильямс.— Я видел своими глазами, что женщины и дети собирают и с великой жадностью пожирают гриб циттарию.

К вечеру дикари возвращались с охоты. Нельзя сказать, чтобы она была всегда очень удачная. Но все-таки каждый дикарь насыщался кое-как и чем-нибудь и на время утолял свой голод. Один дикарь приволок однажды убитого тюленя. Животное было уже распотрошено и часть его съедена. Дикари положили тюленя на песок и стали разводить костер. Они достали из корзинки трут и сухой мох, и два камешка и стали ударять камень о камень. Один камешек был простой кремь, а другой—железный колчедан *). Из них посыпались искры, и скоро трут загорелся. С помощью каменных ножей и своих собственных ногтей дикари стали отрывать от убитого зверя куски мяса и бросали их прямо в огонь, на золу; мясо немного подрумянивалось и подгорало; тогда дикари жадно хватили его и пожирали вместе с золой. Тюлений жир дикари глотали прямо сырым. По всему было видно, что поджаривать и варить дикари еще не умеют, и, вообще, они могут обходиться и без огня. Они ели по целым часам, не переставая. Около этих обжор тут же толпились голодные и полуголодные женщины, дети и старики; но обжоры и не подумали дать им хотя бы по маленькому кусочку тюленьего мяса. Когда дикари наелись, они тут же и заснули. Тотчас же на остатки тюленя набросились женщины, дети и старики. Через минуту весь тюлень был съеден дочиста, — и кишки, и мозг, и глаза, и жир. Но и это не утолило еще голода несчастных женщин. Они побежали в лес, набрали там целые корзинки грибов циттарий и принялись поедать их. И мужчины, и женщины, и дети, и здоровые, и больные, и молодые, и старые пожирали все, что попадалось им под руку, пожирали с жадностью, с наслаждением.

— Даже страшно становится,—сказал Гардинер.— И это жизнь! Жизнь ради еды! Жить, чтобы есть, и есть, чтобы только не умереть с голоду. Это ужасно! ужасно!..

— Да и мы так живем,—мрачно сказал Бадкок.— У нас в Ирландии другой раз и грибов-то достать неоткуда, потому что ведь грибы-то на помещицкой земле растут, а собирать нам даром-то и их не дают...

Когда дикари утолили свой голод, они снова собрались около жилища Гардинера. Снова началось выкрикивание: „Яммершунер! Яммершунер!“ И снова Гардинер и его товарищи не знали, куда деваться от назойливости

*) Железный колчедан, это—блестящая железная руда особого вида, встречается часто на поверхности земли.

дикарей. Пришлось сделать дикарям опять кой-какие подарки. А получив подарки, дикари еще громче кричали „яммершунер“ и днем, и ночью. Казалось, все вокруг уже спит, все тихо. Вдруг, в ночной тишине громко раздавался где-то недалеко: „Яммершунер! Я-я-м-мер-шу-у-не-р!“

Дикий ум и дикие чувства.

Прошло несколько дней. Все это время дикари жили рядом с жилищем Гардинера и его товарищей. Приходилось тщательно охранять от дикарей и палатки, и вещи, и обе шкуны. Но, пока что, дело обходилось очень мирно. Гардинер и его товарищи старались всячески присматриваться к жизни дикарей, понять и запомнить хоть какие-нибудь слова из их языка и научить дикарей хоть чему-нибудь хорошему. Некоторые слова были в конце концов понятны, но научить дикарей чему-нибудь хорошему так и не удавалось. Дикари все очень скоро запоминали, но так же скоро все и забывали. Дикари быстро заучивали некоторые английские слова, даже пели английские песни, а на другой день уже ничего не помнили. По всему было видно, что память дикого человека действует плохо,—иными словами, мозг его плохо задерживает то, что до него дошло. Что дикарь запомнил, то он и повторял,—и повторял без конца, пока это ему не надоело; а надоело—и он тотчас же все забывал. Чего дикарь захотел, к тому он и неудержимо стремился,—стремился сколько хватало сил. А повернулось что-нибудь другое, тоже для него приятное,—дикарь тотчас же забывал то, чего прежде хотел, и начинал стремиться к новому. Словом сказать, и в уме, и в желаниях, и во всей душе дикарей был сумбур, каша; по всему было видно, что дикари совершенно не умели рассуждать, не умели и себя сдерживать. А чтобы понять как следует Евангелие, разумеется, нужно уметь думать и рассуждать; а чтобы жить по-евангельски, разумеется, нужно то и дело сдерживать себя. Каким же способом учить правильной жизни таких диких людей?

Б о б р.

И возможно ли это дело? Прежде всего задумался над этим вопросом Вильямс.

— Кажется, мы сюда притащились напрасно,—сказал он Гардинеру.— Ведь не может на камне расти пшеница. Так и мы не научим нашей вере таких дикарей. Они, если бы и хотели, то не *смогли* бы ее понять. Быть-может, и можно заставить их насильно что-нибудь перенять от нас. Но ведь насильничать над дикарями мы и сами не захотим, а по доброй воле они ничего не сделают.

Гардинера очень опечалили эти слова Вильямса.

— Да что вы говорите, мой друг!—воскликнул он.—Ведь мы только что сюда приехали! Мы ведь дикарей совсем не знаем. Нельзя же опускать руки перед первой неудачей. Мало ли что может показаться вам с первого взгляда. Трудностей бояться нам нечего. Соберем все свои силы, все свое уменье—и вперед. А я вот сердцем чувую, что дикари от природы люди хорошие и добрые, и сердца у них хорошие; и добрые мысли, и добрые чувства у них от самой природы в душу заложены.

— Ну, полноте, капитан,—сказал Эрвин.—Я ваших философий не знаю,—им ведь я не учился. А знаю только то, что дикари и есть дикари. Ничего у них от природы нет, с ними рассуждать о высоких евангельских мыслях,—это значит, воду толочь и время терять.

И Эрвин говорил правильно. Ведь само собой ничего не делается. Разве может быть такой дикарь добрым от рождения? Он и не знает, и не понимает, и не сознает по-настоящему, что такое добро. А злым тоже разве он может от природы быть? Дикари, как и все прочие люди, рождаются на свет ни злыми, ни добрыми, а делает их такими их жизнь.

— Ну, нет!—воскликнул Гардинер.—Вы все не понимаете меня: вы все ошибаетесь! Я уверен, я верю, что мое дело кончится хорошо! Если даже вы ничего не сделаете и меня здесь бросите,—я останусь один, а уж своего добьюсь.

— Я от вас не уеду,—сказал Майдмент.

— Да и мы все вас и не думаем оставлять,—сказал Эрвин.—И куда же мы отсюда денемся? Ведь на наших двух неуклюжих шкунах далеко не уедешь по здешнему бурному морю.

На другой день, рано утром, Эрвин и Пирс отправились на охоту. Часа через два они вернулись и принесли с собой не мало убитой дичи. Тут был и коуну, или болотный бобр, с пол-аршина длиной и с серым пушистым мехом; была еще большая толстоголовая утка особенной породы. У этой утки были такие маленькие крылья, что летать она никак не могла. Весила она больше пол-пуда.

— Вот так утка!—воскликнул Бадкок.—Из нее будет жаркое отличное!

— Я эту породу знаю,—видал ее в Южной Америке,—сказал Гардинер.—Называется она „утка-лошадь“ или „утка-пароход“. Она постоянно плещется и страшно брызгает и шумит на воде, когда плывет. Крылья у нее для плаванья, а не для летанья.

— Когда она плыла,—сказал Пирс,—то двигала крыльями попеременно,—сначала одним, потом другим. А плыла она страшно быстро, оставляя по себе длинный след.

— Видели мы еще вдали целое стадо морских львов,—сказал Эрвин,—но, к сожалению, нам не удалось убить ни одного.

Утку распотрошили и зажиарили, а потроха ее выкинули за ограду. Дикари тотчас же набросились на потроха и съели их тут же сырым.

За обедом Эрвин сказал Вильямсу:

— Сегодня на берегу мы видели удивительное зрелище. Одна дикарка взяла своего новорожденного ребенка на руки, пошла к морю, залезла в воду да и давай купать ребенка в холодной морской воде. Это новорожденного-то! И ведь залезла в воду по самые колена, и хоть бы что!

— Наверное умрет ребенок,—сказал Майдмент.

— Наверно будет жив,—сказал Вильямс.—Надо полагать,—здесь все дикарки так делают, как эта женщина. У них, вероятно, здесь уж обычай такой. Разумеется, слабосильные дети от такого купанья умирают; зато, если уж кто останется в живых, то, наверное,—крепыш-крепышом.

— А много ли таких крепышей? Надо полагать, очень мало.

— Да почти все дикари—крепыши. Это народ страшно выносливый. А потому он и крепыш, что в этом племени слабые-то все еще в малых летах вымирают. Крепышами все племя и держится. Ведь не будь крепышей, все племя яганов уничтожилось бы понемножку. А что таких крепких детей здесь мало, вот это правильно. Ведь и яганов тоже не очень-то много. Думаю я, что на всех островах не наберется их и тысячи человек.

— Не могу я понять, что это за семейная жизнь у этих дикарей,—сказал Эрвин.—Видал я на своем веку многих дикарей, которые живут семьями,—и муж, и жена, и дети, все вместе; у мужа одни дела, у жены другие, а забота о детях общая. А у здешних дикарей что-то не заметно этого. Здесь мужчины держатся совсем в стороне от всяких семейных работ; им и дела до них нет; вся семья на одних женщинах, словно в семье нет ни мужа, ни отца, а одни вдовицы с детьми. Впрочем, разве же это семья? Мужчины как будто и не считают себя ни мужьями, ни отцами. А дети с двенадцати лет и без матери даже живут, сами себя кормят. Настоящей семейной жизни совсем нет у здешних дикарей.

— Так и путешественники говорят,—сказал Гардинер.

— Боже мой! Боже мой!—воскликнул с ужасом Майдмент.—И это люди так живут! Таким звериным способом! Да что же это такое?

— Я тоже заметил,—сказал Пирс,—что о детях никогда ни один мужчина здесь не заботится, и даже знать их не хочет. Гонит от себя, бьет, словно он не их отец.

— Наверно, так и есть,—сказал Вильямс.—Дети здешние не знают своих отцов,—это им неизвестно, а кто мать—это, разумеется, известно. Несчастные женщины должны и себя кормить, и детей кормить.

— Вчера я видел, как на морском берегу один мужчина отнимал от женщины ракушки. Та собирала их, собирала, доставала-доставала, с великим трудом с морского дна: набрала небольшой кузовок; пришел мужчина—и отнял. Даже от трехгодовалого ребенка ракушки прямо изо рта вытащил, и вдобавок тумака ему дал.

— А что же мать?

— Опять пошла собирать еду, снова стала чырять в холодную воду, как будто так и быть должно.

— Боже мой! Боже мой!—снова воскликнул Майдмент.

В тот же вечер, около самой ограды, случилось кровавое событие. У входа в ограду собралась толпа дикарей, мужчины, женщины, дети. Одна женщина принесла целую корзинку ракушек и поставила на землю. Тотчас же этой корзинкой завладел какой-то мужчина. Он без всякого зазрения совести прогнал женщину от корзинки. В это время подполз годовалый ребенок. Он опрокинул корзинку, высыпал оттуда ракушки и принялся ими

играть, словно камешками, и стал расшвыривать их направо и налево. Заметив это, дикарь расвирепел. Его глаза налились кровью, засверкали; он что-то громко закричал на своем языке, подбежал к ребенку, схватил его за ногу и изо всех сил отбросил в сторону. Все это произошло в одно мгновение. Только ножки несчастного ребенка мелькнули в воздухе. Со всего размаха ребенок ударился головой о камень и потерял сознание. А расвирепевший дикарь даже и не посмотрел в его сторону. К ребенку бросилась его мать и Вильямс. Но мать не допустила Вильямса до ребенка, схватила его на руки и убежала в кусты.

Между тем, свирепость дикаря быстро вспыхнула, быстро и остыла. Он, как ни в чем не бывало, ходил около ограды и выкрикивал „яммершунер“.

Ужас охватил Гардинера и его товарищей, когда они увидели эту страшную картину. Все случилось очень быстро. Дикарь совершенно не понимал того, что он сделал. Ни о добре, ни о зле, ни о ненависти, ни о любви он не думал и не рассуждал. Расвирепел, убил—и забыл. Только мать плакала и выла в кустах над своим умирающим ребенком. Все прочие дикари не обратили почти никакого внимания на это убийство.

— Я знаю этого дикаря! О, я знаю!—говорил мрачный Бадкок.—Мне кажется, что мать ребенка—жена этого дикаря.

— Нет, она не его жена, у него другая, сказал—Бриан. Я-то ведь к нему присматривался. Эта была женой ему, да он ее, кажется, прогнал.

— У него несколько жен,—сказал Пирс.

— Да это не люди,—это звери какие-то!—воскликнул Гардинер.—В головах этих дикарей и мысли нет о том, что такое добро и что зло.

— Вот и поговори с такими о христианской религии,—сказал Эрвин.

— Слово Христа дойдет и до их души! Дождет, дождет! Вы увидите!—сказал Гардинер.

— Что же это за жизнь у этих дикарей—продолжал Эрвин.—Они не знают, что такое добро, что такое зло; у них нет ни сел, ни городов, ни домашних животных, кроме собаки, ни глиняной посуды. Дикари эти не знают, что такое государство, что такое семья, что такое собственность; у них никаких предводителей и старшин даже нет, судей нет; они составляют из себя не общество, а, с позволения сказать, стадо, толпу, сброд, который то сходится, то разбегается, потому что их между собой ничто не связывает. Эти дикари не знают ничего, ничего... У них, кажется, и никакой веры нет, даже амулетов и фетишей нет *).

— Воистину, это самые дикие люди на земле!—сказал Бадкок.

— Нет,—сказал Гардинер.—Какая-нибудь вера, наверное, есть и у этих дикарей. Нет на земле ни одного племени, у которого не было бы какой-нибудь веры,—у всех она есть.

— А мне кажется, у этих дикарей никакой нет,—сказал Майдмент.—Храмов нет, богов нет, жрецов нет.

— Эх вы захотели чего!—воскликнул Гардинер.—Боги, храмы и жрецы встречаются только у народов не самых диких. Вера может быть и без богов, и без храмов, и без жрецов. Я читал в одной книге, что у очень диких племен вместо веры в богов держится вера в мертвые души, а вместо хра-

*) Амулет, фетиш, это—какая-нибудь вещь (например, звериный зуб, камешек, раковинка, фигурка из глины, из дерева, кости и т. п.). По мнению некоторых дикарей, в эту вещь вселилась какая-нибудь душа. Кто владеет фетишем, тот владеет и душой, вселившейся в нее. Об этом рассказано в книжках Н. Рубакина: „Гибель корабля „Гро-венор“ и „Рассказы о жаркой стране“.

мов они считают священными местами могилы, а вместо жрецов у них колдуны. Что такое жрец? Это посредник между богами и людьми; а колдуны—посредники между мертвыми душами и живыми. У здешних дикарей ничего этого нет. А если и есть у них какая-нибудь вера, то во всяком случае вера без всяких богов.

— Они ни во что и ни в кого не верят,—сказал Вильямс.—Другие племена верят хоть в мертвые души, которые будто бы после смерти человека носят где-нибудь в воздухе. А эти дикари, кажется, и до того еще не дошли своим умом. Если бы они дошли, то о своих покойниках, наверное, заботились бы, чтобы их мертвые души не рассердить. А они что делают со своими мертвецами? Уносят их в лес, да и бросают там где-нибудь под деревом. Значит, они не боятся мертвой души; значит, даже и в мертвую-то душу они верят еще не как следует. Даже до такой дикой веры они еще не додумались.

— Я еще вот что заметил.—сказал Гардинер.—В поселке дикарей есть один шалаш; он совсем не похож на другие шалаши; он меньше других и в нем никто не живет. Быть-может, этот-то шалаш для мертвых душ и выстроен.

— Как же это так?—с удивлением воскликнул Майдмент.—Я думал, что все люди, то-есть люди всяких племен и народов, какие только есть на земле, от самого своего рождения носят в своей душе веру в Высшую силу и все одинаково понимают добро. А выходит на самом деле, что не все.

— Выходит, что так,—сказал Вильямс.

Гардинер слушал и мрачно молчал. Он и сам до этого времени думал, что в душах всех людей есть много кой-чего природного. Неужели приходится теперь признаваться, что это не так?

— А все же зачатки какой-то веры есть и у этих дикарей,—сказал Гардинер.—Ведь есть же у них колдуны. А коли есть вера в колдунью, значит, есть вера и в колдовство; а колдовать, это значит, какими-то тайными силами заправлять. Значит, есть у дикарей и вера в то, что такие силы имеются на свете.

— Это самая дикая, самая смешная, самая нелепая вера, какая только есть на земле!—воскликнул Майдмент.—Это не религия,—это Бог знает что!

— А все-таки это вера,—сказал Гардинер.—У самых диких людей, разумеется, и вера самая дикая.

— Не поймут ни за что такие люди христианской веры!—сказал Эрвин.

„Неужели Соммерсет правду говорил, что мы совершенно не понимаем дикарей?—подумал Вильямс.—Неужели мы и вправду сунулись в воду, не зная броду? Неужели все наше путешествие, все наше дело ни к чему? Неужели мы приносим жертву бесплодную?“

Вильямс ничего не сказал товарищам о всех своих сомнениях и вопросах. Но и ему, как Майдменту, становилось страшно,—страшно за себя, за Гардинера, за жизнь товарищей.

Что сильнее—нужда или привычка?

Между тем, дикари попрежнему жили по соседству с палатками путешественников. Они и не думали никуда уходить. Да и чего им было переселяться в другие места? Дикари переселяются только тогда, когда гонит их какая-нибудь неотложная нужда,—например, недостаток пищи, голод. Еда для дикарей—главное дело, кроме голода, никакие другие нужды для них особенно

не страшны. Ведь к холоду они привыкли, а врагов не боялись. А еды на острове Гардене было достаточно. Кроме того, дикари постоянно надеялись на то, что получат какие-нибудь выгоды от Гардинера и его товарищей.

Дикари уселись на острове Гардене вплотную. Каждый день Гардинер, Эрвин и Пирс ходили в поселок дикарей и смотрели, как те работают. Удивительно проста и незамысловата была их работа. Дикари все делали руками да камнями, да палками. Никаких железных вещей у них не было. Свои каменные ножи дикари выделывали тоже с помощью палок и камней. Особенно ловко работал один довольно пожилой дикарь. Он делал каменные ножи таким способом: отыскивал где-нибудь на берегу кремне-камень, клал его на землю, затем, придерживая его своими ногами, он приставлял к ребру камня палку или кость и со всей силы надавливал ею на камень. Тогда от его края отскакивал тонкий осколок. После этого, дикарь снова приставлял свою палку к краю и опять надавливал. От кремня снова откалывался осколок, прямой, острый, настоящий кремневый нож, совсем готовый. А когда нужно было сделать каменный топор, дикарь выбирал подходящий материал и обтесывал камень с помощью другого камня. Работа выходила, разумеется, очень грубая, неуклюжая: такой каменный топор был даже и не похож на топор; один край его был острый, а другие края—тупые; когда каменное лезвие было готово, дикарь добывал себе небольшую буковую палку, делал на одном ее конце расщеп и вставлял камень в этот расщеп; чтобы камень держался в палке, дикарь стягивал расщеп ремнями.

Гораздо труднее было дикарю приготовить наконечник копья. Этот наконечник нужно было обтесать, обделать, заострить, затем привязать к древку, то-есть к длинной буковой палке. Дикари делали свои копья не очень-то быстро и не очень ловко: чтобы сделать наконечник копья, нужно было затратить три или четыре дня труда.

А шлифовать и обтачивать камни или просверливать в них дырки дикари совсем не умели. Все их изделия были из нешлифованного камня.

Дикари умели делать себе оружие не только из камней, но и из костей, например, гарпуны. Но они совершенно не умели делать стрелы и луки. И вот что особенно удивительно: дикари яганы жили очень недалеко от дикарей онасов: между ними были и их разделяли только горы Большого острова Огненной Земли. Онасы умели делать и лук, и стрелы; онасы постоянно сталкивались, а иногда даже и воевали с яганами,—и все-таки яганы не перенимали от них лука и стрел. Не перенимали, хотя им и было очень выгодно перенять такое оружие и научиться делать его своими средствами. Почему же так вышло? Потому что дикие люди не очень-то любят и умеют перенимать чужое. Чтобы перенимать чужие полезные изобретения, нужно отрешиться от своих привычек. А к чему дикий человек привык, того он и держится. И держится крепко, упорно, без всяких размышлений и соображений; только очень большая и настоятельная нужда заставляет иной раз дикарей бросать свои старинные привычки. Чаще же всего привычка бывает сильнее нужды. И вот что опять-таки удивительно: привычка у дикарей сильнее обезьянства (то-есть подражательности). Нередко дикари не могли удержаться, чтобы не передразнить Гардинера и его товарищей: что они увидели, то и передразнили. Передразнивать дикари были большие мастера. А перенимать чужое они все-таки не умели. Дикари очень скоро передразнивали, зато очень скоро и забывали то, что перенимали; в их душу все новое легко входит, но легко и уходит, а старые привычки попрежнему остаются в конце концов сильнее всякой новой. Таково уж устройство дикого мозга,—

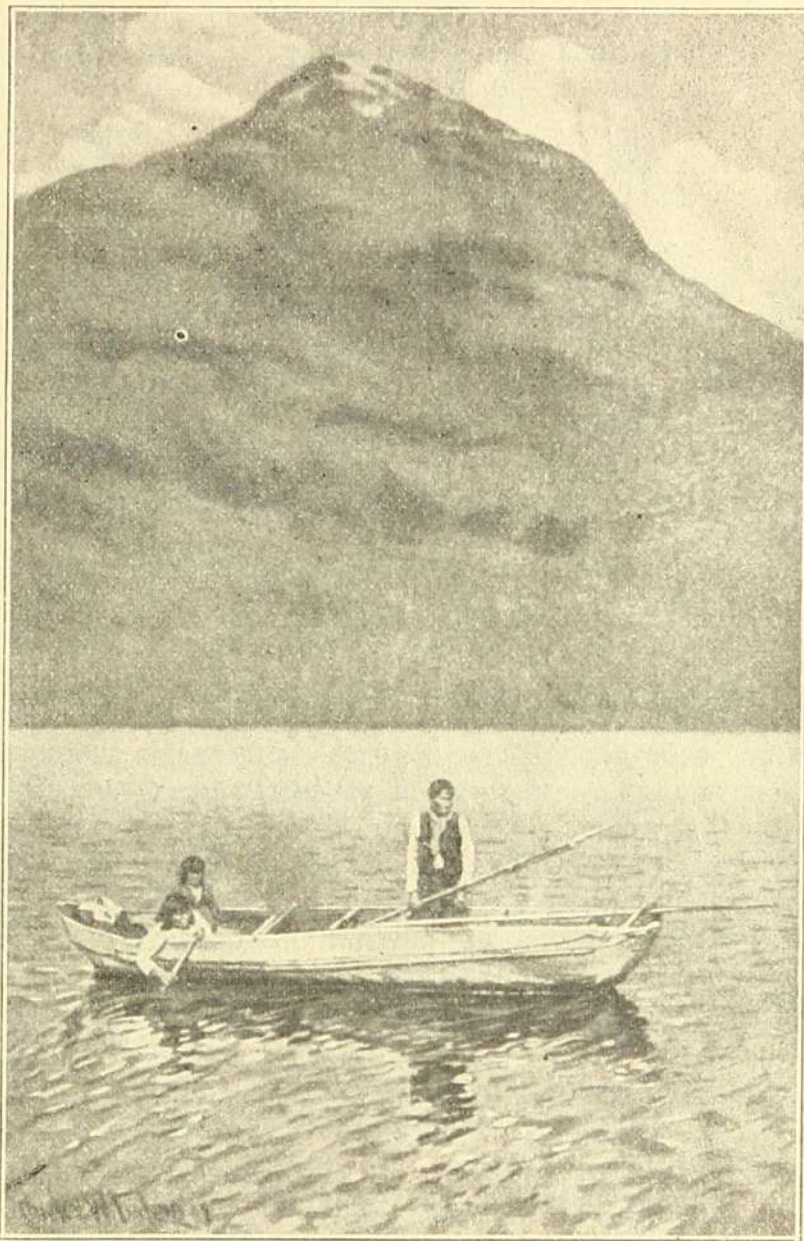
иначе он и действовать не способен. Вот почему яганы не смогли ничего перенять от онасов; не научились они от тех даже делать луки и стрелы. А онасы тоже ничего не переняли от яганов. Могли бы и они кое-что перенять и кое-чему поучиться у тех. Например, яганы умеют строить лодки, а онасы не умеют. Онасы видели многое множество раз, как яганы строят свои челноки, а все-таки от них такому мастерству не выучились. И жили эти два диких народа рядом друг с другом с незапамятных времен, жили сотни, а, может-быть, и тысячи лет на одном острове, друг друга постоянно видели, а друг от друга ничего хорошего не переняли.

А смогут ли они перенять что-нибудь хорошее от Гардинера и его товарищей? И захотят ли они еще перенимать?

Плотник Эрвин попробовал-было починить одному дикарю его лодку. Эта лодка была сделана из большого куска коры, содранной с бука; кора была плотно сшита на носу и на корме и распялена с помощью жердей посередине лодки. Лодка эта сильно текла. Дикари плавали в ней по пяти и по шести человек, сидя по колена в воде. Во все время плавания они должны были выкачивать из лодки воду. Эрвин подошел к лодке, рассмотрел ее как следует, нашел все щели и принялся заделывать их. Дикари собрались вокруг него целой толпой, сели на корточки, коленями к подбородку, и вытаращили глаза. Эрвин взял от одного дикаря каменный нож и наделал с его помощью деревянных гвоздей и втулок. Он тщательно и осторожно забил ими все щели в лодке. Лодка перестала течь. Тогда Эрвин снова взял каменный нож в руку, показал его дикарям, показал и деревянные гвозди и сказал:

— Видите, вот вашим же ножом я починил вашу лодку как следует.

Дикари, разумеется, не поняли его слов, но все же как будто догадались, что они означают. Лодку спустили на воду. В нее вскочили два взрос-

Лодка современного ягана.

лых дикаря; они сели на корточки, откинули свои длинные волосы и приляглись отковыривать деревянные заплата, только что налаженные Эрвином.

— Это что же вы делаете, дьяволы! — не удержался и воскликнул Эрвин. — Я для вас старался-старался, а вы вот что! Ах, вы этакие!

А дикари возились с заплатами, словно дети. Их очень забавляло, как это налажены и прилажены здесь заплата, и каким способом их можно отдрать, и что от этого случится. Дикари поступали, как дети. Они не думали, и не размышляли, и не учились, — они просто-напросто забавлялись. И забава их шла до тех пор, пока лодка снова не потекла и не наполнилась водой.

А чтобы опять положить заплата на старые места и опять починить лодку, — об этом дикари даже и не подумали.

— Ах, Ты, Господи! Ах, Ты, Господи! — сокрушался Майдмент. — Да что же это такое! Строить-то свои дрянные лодки они умеют, а вот научи-ка чинить их! Да что же это будет с этими несчастными людьми?

Гардинер подарил дикарям несколько гвоздей для починки лодок. Дикари тотчас же привязали эти гвозди к концам палок и сделали из них себе копыя. А один дикарь привязал несколько гвоздей себе на ожерелье и был очень доволен, когда гвозди брэнчали. Они царапали его шею, они мешали вращать головой, но это несколько не беспокоило дикаря. Зато ведь гвозди звенели.

Дня через два случилось событие: однажды, странствуя по лесу, Эрвин нашел там железную руду. То была очень хорошая железная руда; за нее дали бы в Англии хорошие деньги. Вильямс и Гардинер рассмотрели находку, побывали на том месте, где была найдена руда, и увидели, что на острове Гардене — целые залежи такой руды. Железо — под боком, а дикари живут себе около него и делают да делают свое оружие попрежнему из камней да из костей! Для дикарей железная руда — просто камень, — она им ни к чему. Выходит здесь совершенно то же самое, что было в старину, много тысяч лет тому назад. Все люди делали тогда свое сружие из камней, а ведь и в те времена у них железо лежало под боком. Так было и в Англии, и во Франции, и в Германии, и в России. И это было в те далекие времена, когда в этих странах жили какие-то дикари, в роде яганов. И у тех дикарей оружие было из нешлифованного камня, и не было у них никаких домашних животных, кроме собаки, не было глиняной посуды, и вся их жизнь была дикая. Там это было очень давно. А яганы и теперь так живут.

— О, темнота кромешная! — воскликнул Гардинер. — О, жалкие несчастные люди!

Гардинер набрал железной руды, перемешал руду с угольями и разложил и зажег огромный костер на берегу. Костер долго горел ярким и горячим пламенем. Дикари бродили около костра и смотрели, что из всего этого выйдет. Костер наконец погас, а из его остатков Эрвин и Бриан вытащили несколько кусков настоящего, почти чистого, железа. Гардинер показал его дикарям. Те смотрели и только таращили свои черные глаза. Перед лицом дикарей Бриан выковал из железа настоящий топор и подарил его дикарям. Те смотрели на топор и попрежнему таращили глаза.

Тем дело и кончилось. Гардинер и его товарищи не научили дикарей, как добывать железо из железной руды.

Порох забыли на пароходе.

А время между тем шло да шло. Дикари попрежнему бродили около ограды и докучали без всякой церемонии. Дикарей стало как будто больше. Приплыли откуда-то новые толпы их. Новоприбывшие тотчас же выстроили себе шалаши недалеко от шалашей других дикарей. Новые дикари казались еще навязчивее прежних. Им тоже хотелось получить кой-что для себя. От дикарей отбоя не было. Они целой толпой ходили за Гардинером, за Вильямсом и другими товарищами и кричали на все голоса „яммершунер“. Невозможно и описать, как надоели и опротивели эти крики. Дикари хватали все, что попадалось им под руку. Они совершенно не отличали своего от чужого. Значит, правду говорил Соммерсет, что дикари не воры и не грабители, — они просто-напросто не понимают, что такое собственность. И они думали так не об одних только вещах человеческого изделия. Во всяком случае, они в душе ясно сознавали, что весь свет и все на свете ничья собственность, — все принадлежит и все предоставлено всем желающим: кто хочет, — приди и возьми — кому что нужно и что можешь — и землю, и море, и воздух, и солнечный свет, и растения, и животных, и даже всякие изделия рук человеческих. Эрвин, Бадкок, Пирс и Бриан все время должны были смотреть за дикарями, отнимать от них разные захваченные вещи, стеречь шкуны. Моряки с малых лет привыкли делить все на свете на „мое“ и „не мое“. А дикарям никак нельзя было растолковать такого деления. Дикари даже и без всяких рассуждений считали „что мне нужно да чего мне хочется, — то мое“.

Гардинер пробовал-было приручить к себе какого-нибудь дикаря. Один молодой дикарь проводил в палатке и дни, и ночи; он очень легко успел запомнить за это время десятка два или три английских слов и даже очень хорошо выговаривал их. Гардинер смотрел на него и радовался. Но вот однажды утром этот дикарь сел в свою лодку и вместе с другими дикарями уплыл неизвестно куда. Только его и видели.

— Плохо идут наши дела с этими дикарями, — говорил Эрвин.

Гардинер и сам видел, что все идет плохо. Он хмурился и молчал. Вильямс тоже был не очень-то весел, а Майдмент то и дело повторял: — „И куда это мы заехали! И чего ради мы здесь время теряем! Неужели нет на свете других дикарей, лучше этих?“ А Эрвин прямо говорил Гардинеру: „Из нашего дела, кажется, ничего не выйдет“. Но Гардинер попрежнему стоял на своем. У всех было грустно на душе. Один Пирс был весел и то и дело напевал свою песенку, что „он доволен белым светом...“. Бадкок и Бриан работали за четверых и усердно охраняли от дикарей обе шкуны; когда же дикарей поблизости не было, они ходили на охоту.

Однажды, вернувшись с охоты, Бриан сказал:

— У меня вышел весь порох в пороховнице. Дайте мне, капитан, пороху.

— И у меня его мало, — сказал Бадкок.

— И у меня! И у меня! — воскликнули Вильямс и Эрвин.

— Порох на шкуне, — сказал Гардинер.

Эрвин пошел на лодку и стал искать там бочонок с порохом. Но сколько он ни искал бочонка, его нигде не было. Эрвин сказал об этом капитану. Все товарищи усиленно принялись за поиски. Пороху не было. Обыскали даже соседние кусты. Побывали в поселке дикарей. Пороху нигде не было.

— Что же это такое, друзья!—воскликнул дрожащим голосом Гардинер.— Неужели мы забыли бочонок с порохом на пароходе?

— Наверно так оно и есть,—сказал Эрвин.

Все понимали, что и вправду порох был забыт на пароходе.

— Да как же это мы останемся без пороха? Ведь мы с голода здесь умрем!—воскликнул Майдмент.—Капитан взял мало провизии, ее не хватит и на полгода. Рыбы здесь тоже мало. Что же это будет с нами всеми, коли нечем будет охотиться?

— Дикари нам и теперь уж прохода не дают, а без пороха будет еще хуже,—сказал Эрвин.—Дикари каждый день делаются нахальнее, и их все прибывает. Толпа за толпой так и прет.

— Об этом надо подумать и подумать,—сказал Вильямс.—Без пороха плохо. Словно у нас без него силы убыло. Как мы без пороха проживем? Последний дикарь с пращей теперь лучше вооружен, чем мы. Разумеется, дикари скоро заметят, что наши ружья перестали стрелять. Это им на-руку.

Дикари делаются врагами.

И правда, дикари сделались непомерно назойливы. Их уже невозможно было удерживать за оградой. Они постоянно толпились в палатке, сидели там целый день на корточках, хватали что придется и уносили с собой. От них отнимали взятое; тогда дикари сердились и грозили. Один дикарь плюнул в лицо Эрвину, когда тот отнимал у него подзорную трубу. Эрвин бросился на дикаря с кулаками. Гардинер с великим трудом удержал его от драки. Но все-таки без потасовки дело не обошлось. На этот раз не вытерпел назойливости дикарей Бадкок. Он схватил одного дикаря за плечо и вытолкнул кулаками за ограду. Тот громко и сердито закричал и скорым шагом побежал к своему жилью. За ним тотчас же побежали туда и другие дикари.

— Дело плохо,—сказал Гардинер.—Я говорил вам, что с этими дикарями грубая сила ни к чему хорошему никогда не поведет.

— Да и добром с ними тоже ничего не поделаешь,—мрачно возразил Эрвин.

— Дикари теперь стали нашими врагами,—сказал Вильямс.

— Лучше бы нам убраться отсюда по добру, по здорову,—сказал Майдмент.

— Пойдите, я еще попробую,—сказал Гардинер.

Он вынул из сундука кусок красного сукна, разрезал его на небольшие лоскутки и пошел вместе с Эрвином к поселку дикарей.

Велико же было удивление Гардинера и Эрвина: поселок был пуст, все дикари куда-то исчезли.

— Дикари ушли,—сказал Гардинер.—Но ведь они наверно вернуться. Разложим наши подарки по их шалашам. Когда дикари придут, тогда найдут сукно и поймут, что мы не враги им.

— Ничего они не поймут,—сказал Эрвин.—Поплывемте-ка отсюда в какие-нибудь другие места.

За то же стояли и Вильямс, и Майдмент, и другие товарищи. Решено было теперь же переселиться, палатки убрать, все остальные вещи, какие можно, сложить на шкуны, тоже и всю провизию, и плыть куда-нибудь в другие места.

Так и сделали. Через полтора часа все было готово к отплытию. Дикарей между тем попрежнему нигде не было видно.

Погода была, как всегда, скверная. Все небо было обложено облаками. Дождь шел, не переставая. Свежий ветер поднимал большие волны. На морских волнах качалась шкуна „Пионер“, а рядом с нею шкуна „Успех“. „Пиочером“ командовал сам Гардинер; вместе с ним были Майдмент, Пирс и Бриан; другой шкуной командовал Эрвин; с ним были Вильямс и Бадкок. На эту же шкуну нагрузили палатки и провизию. Кроме того, на всякий случай запаслись лесом. Сломали ограду, а из бревен сделали большой, тяжелый плот. Шкуна „Успех“ везла его на буксире с помощью толстого каната.

— Бросьте вы этот плот, — говорил Эрвин Гардинеру. — Он только помеха одна.

— Нет, нет, он нам пригодится, — отвечал Гардинер. — Дерево всегда нужно. Мы ведь не знаем, куда поплывем и где будем.

И вправду, никто не знал хорошенько, куда плыть. Необходимо было прежде всего уйти подальше от дикарей. Но в таком случае, зачем же сюда было и забираться, коли от этих самых дикарей прятаться? А кроме того, и найдутся ли здесь такие места, где дикарей нет? И где они, эти места? Ведь дикари—народ кочевой. Сегодня они здесь, а завтра там; постоянного жилья у них нет; своих домов они с собой не перевозят, а новые выстроить им ничего не стоит; и имущества у дикарей мало, — в одной лодке ведь могут поместиться, со всем своим скарбом, две или три семьи; значит, от дикарей отделаться очень нелегко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На краю гибели.

Водоросли.

Тронулись в путь. Распустили все паруса. Ветер дул с северо-востока. Дождь падал крупными каплями. „Пионер“ пошел вперед вдоль берега и скоро скрылся из виду. „Успех“ вместе с тяжеловесным плотом остался позади.

Эрвин сказал правду. Плот сильно затруднял плавание. То и дело его относил ветром вперед. Шкуне постоянно приходилось поворачиваться. При каждом повороте плот становился ей на дороге. Эрвин и два его товарища старались держать его за кормой. Но и это было невозможно: мешали водоросли. В этих местах океана, близ берега Огненной Земли, все морское дно заросло огромными водорослями. Особенно замечательна была одна порода водорослей. У нее был стебель очень короткий и круглый, совсем гладкий и слизистый, не больше пол-вершка в поперечнике. Такой стебель оканчивался корнем, а корень крепко сидел на каком-нибудь подводном камне. На другом конце стебля сидел огромный длинный лист, похожий на ленту; он был длиной не меньше 60 сажен. Это была водоросль „макроцистис“. Такие водоросли, словно длинные ленты, поднимаются с глубины 24 сажен к самой поверхности океана и изгибаются по течению. Такими водорослями было покрыто все дно, все подводные утесы; там рос целый лес их. Листья их плавали, колыхались, спутывались между собой; их было так много, что шкуна „Успех“ едва прокладывала себе дорогу между ними. Водоросли очень мешали управляться с плотом. В конце концов плот застрял между водорослями; шкуна Эрвина с разбега наткнулась на плот. Канат, которым он был к ней привязан, запутался, плот сорвался с места, и шкуну вместе с плотом понесло на берег. А там у прибрежных камней белели буруны.

— Товарищи! Все сюда! Мы в опасности! — воскликнул Эрвин. — Спасайте самих себя! Спасайте шкуну! Спасайте провизию! Мы можем погибнуть в одну минуту.

А шкуну несло да несло прямо на буруны. Управлять ею было невозможно. Эрвин попробовал бросить якорь. Якорь очень медленно стал опускаться на дно. Густые водоросли мешали ему опуститься быстро, как следует. Якорь скользил по дну; шкуна была в это время уже среди бурунов. Они грохотали направо и налево от нее. В эту самую минуту якорь зацепился за дно, и

шкуна остановилась. Буруны кипели всего в нескольких саженях от нее. С моря набегали волны. Казалось, вот-вот они сейчас швырнут шкуну прямо на острые подводные камни.

Эрвин в одну минуту убрал паруса; Вильяме и Бадкок ухватились за якорный канат и осторожно стали тянуть его к себе. Шкуна немного отодвинулась от бурунов. Дальше тянуть было опасно, как бы не сорвался якорь. С великим трудом спустили маленькую двухвесельную лодку, которая висела около кормы шкуны. В нее положили запасной якорь с длинным канатом и завезли его сажен за двадцать от шкуны. К счастью, этот якорь хорошо зацепился за дно. Тогда стали подтягивать канат со шкуны и еще больше отодвинули ее от бурунов. После этого подняли со дна моря первый якорь, положили и его на лодочку и завезли еще дальше, и опять отодвинули шкуну от бурунов. Целых три часа шла эта тяжелая работа. Шкуна понемногу удалилась от опасных подводных камней. Тогда Эрвин решил, что довольно, — опасность уже миновала. Оставалось только распустить паруса и плыть по ветру вдоль берега.

— Ну, друзья-товарищи, радуйтесь! — воскликнул Эрвин. — На этот раз мы избавились от верной смерти.

П о л о м к и.

Оставалось теперь только поднять последний якорь. К сожалению, он крепко зацутался в водорослях. Прошло целых полчаса, прежде чем его вытащили. При этом якорный канат зацепился за руль: руль соскочил с петли, и его унесло волнами. Унесло и большой якорный канат, который на нем держался, а вместе с ним и якорь. Кроме того, унесло и маленькую двухвесельную лодочку.

И без того шкуна была плоховата, а теперь она стала еще того хуже. К тому же она текла: плот сделал в ее борту небольшую пробойну.

С великим трудом пристали к песчаному отлогому берегу и там отдохнули после тяжелой трехчасовой борьбы с морем. Приходилось здесь ночевать. Шкуна стала на якорь недалеко от берега. Эрвин и Вильяме улеглись спать в каюте, а Бадкок остался на часах, на случай нападения дикарей.

К счастью, дикари не появлялись. Ночь прошла совершенно спокойно. Ветер в это время заметно утих.

Где же был в это время Гардинер и его шкуна „Пионер“? Настало утро, а их попрежнему нигде не было видно.

Эрвин решил плыть вдоль острова Гардена, к его северным берегам.

Велика же была радость путешественников: скоро они увидели вдали парус.

То была шкуна „Пионер“. Она шла навстречу „Успеху“.

Через полчаса обе шкуны были уже вместе.

Гардинеру и его трем товарищам эта ночь тоже не прошла даром. Они потеряли свою двухвесельную лодочку. Ее снесло волнами с палубы.

Зато Гардинер нашел очень удобное и безопасное место стоянки на северном берегу острова Пиктона. То была небольшая бухта, глубокая, спокойная, с отлогими песчаными берегами, заросшими лесом. Называется она бухтой Бломфильда. Здесь было очень удобно починить поломки, сделать новый руль, законопатить щели. Дикари в этих местах тоже пока не появлялись. Гардинер решил спрятать здесь на всякий случай небольшой запас привезенной провизии.

Обе шкуны расставили паруса и повернули обратно.

Погода в это время прояснилась. Выглянуло из туч даже солнце. Ветер красиво раздувал паруса. „Пионер“ снова обогнал „Успех“ и опять скрылся в туманной дали.

Неуклюжая, тяжеловесная шкуна „Успех“, несмотря на все свои паруса, не могла никак угнаться за „Пионером“.

Эрвин и его товарищи снова остались одни.

Странное спасение.

А „Пионер“ плыл да плыл. Прежде всего Гардинер направился к заливу Бломфильда. Шкуна благополучно проплыла верст двадцать. До залива оставалось десять верст. Вдруг ветер совершенно затих. Между тем приближалась уже ночь. Гардинер решил пристать к берегу.

В это время как раз был час прилива. Приливная волна стояла очень высоко. Берег был в этом месте песчаный и отлогий. Шкуна врезалась в прибрежный песок и остановилась. Гардинер и его товарищи вышли на берег и тотчас же развели костер.

Прошел час. Настало уже время отлива. Море все больше и больше отступало от берегов. Шкуна повернулась на бок и грустно лежала на прибрежном песке. Вдруг из-за соседней роши появилась целая толпа дикарей. Они подбежали к Гардинеру. Некоторые добрались до шкуны, вскарабкались на палубу и со всех сторон окружили моряков. Все это произошло в одну минуту. Гардинер и его товарищи были в руках дикарей. Нечего было и думать о защите и борьбе. Один дикарь уже замахнулся своим каменным топором над Гардинером.

Одно мгновение—и Гардинер был бы убит.

В эту самую минуту Майдмент упал на колени и стал молиться. Кроме этого средства, он не знал никакого другого. Что делать и чем помочь? Гардинер сделал то же, что и Майдмент, и стал громким голосом читать молитву. Оба товарища молились и не глядели на дикарей. Увидев молящихся, дикари остолбенели от удивления. Гардинер и Майдмент молились, поднимая руки к небу; дикари стояли вокруг них и таращили глаза. Один дикарь наконец не выдержал: он тоже стал на колени и принялся передразнивать Майдмента. Другие дикари смотрели-смотрели на молящихся и в конце концов отошли в сторону.

Гардинер и его товарищи были спасены.

Пирс подбежал к капитану и с великой радостью воскликнул:

— Капитан! Вставайте! Довольно! Сдвинем поскорей нашу шкуну и в путь!

Гардинер и Майдмент быстро вскочили на ноги и вскарабкались на шкуну.

— Какое счастье, что дикари не могут не обезьянничать! — воскликнул Пирс.— Эта их привычка спасла всех нас от верной смерти.

— Что ты говоришь, Пирс! — воскликнул Майдмент. — Разве нас спасла глупость дикарей? Мы спасены молитвой и помощью Божией.

В это время вода была уже высока; шкуна качалась на волнах и едва задевала за морское дно. Ветра не было. Пирс и Бриан живо столкнули ее в воду. Повеял слабый ветерок. Дикари уцепились-было за якорные веревки и старались перерезать их своими каменными ножами. Еще одна минута—и началась бы драка. В это самое время из-за соседнего мыска показалась шкуна „Успех“.

— Живы ли вы, друзья? — еще издали кричал Эрвин.

— Живы, живы! — отвечал Гардинер. — А все-таки ваша помощь нам необходима.

Дикари увидели, что к белым идет на помощь другая шкуна, и оставили Гардинера в покое. И „Успех“, и „Пионер“ тотчас подняли паруса и тихо поплыли вдоль берегов острова Пиклона.

Тревожная жизнь.

Часа через два обе шкуны уже были в заливе Бломфильда. Гардинер решил часть провизии припрятать, про запас на черный день,—чтобы ее не растащили дикари.

Залив Бломфильда был очень подходящим местом для этого. В этом заливе было очень удобно приставать к берегу и выгружать товар. Дикарей нигде не было видно. Недалеко от берега были видны известковые утесы, а в них чернела пещера. От нее до берега было всего лишь пять или шесть саженьей. Гардинер и его товарищи перенесли несколько бочонков и мешков провизии в пещеру. Впрочем, не всю: часть провизии оставили на шкунах.

После этого обе шкуны вернулись на старую стоянку на острове Гардене, где когда-то была выстроена ограда.

Этой ограды уже не оставалось и следа. Она была сломана дикарями. Но самих дикарей попрежнему нигде не было видно. Их шалаши тоже были пусты. Шкуны стали на якорь, близ берега. Гардинер решил, что на шкунах жить гораздо безопаснее, чем на берегу; ведь дикари могут вернуться каждую минуту.

Прошло несколько дней. Наступило Рождество. Печально встретили его товарищи. Они понимали, что дело их не удалось. Дикари были далеки от них, да и они от дикарей тоже далеки; а если когда и встречались с ними, то сами же на дикарей косились и их боялись, а то и просто-напросто враждовали с ними. Эрвин говорил Гардинеру:

— Знаете что, капитан,—мне думается, для нас самое лучшее дело—вернуться домой. Починим-ка мы наши шкуны да поплывем на них в Магелланов пролив. Этот пролив—настоящая проезжая дорога, то и дело проходят там разные корабли. Какой-нибудь корабль мы там уж повстречаем наверное, а на нем и поплывем в Англию.

— Нет, нет!—говорил Гардинер.—Вы как там знаете, а я совершенно не согласен возвращаться домой. Дикари—ведь те же дети. Сегодня они нам враги, а завтра — друзья. Я уверен, что наша дружба с ними скоро наладится. По первому разу нельзя еще судить ни о чем. А плыть двести верст на наших шкунах по каналу Бигль до Магелланова пролива, по-моему, все же немножко опасно. Ведь обе наши шкуны уже текут; наши маленькие двухвесельные лодочки погибли, у „Успеха“ уже нет руля; припасов у нас мало, пороху нет. Дикари будут встречаться нам на каждом шагу. По берегам канала Бигль и по Магелланову проливу живут дикари воинственные; они от нас добром не отстанут. Не драться же нам с ними.

— Коли нужно, отчего и не подраться? Нападать не следует, а за себя постоять—в этом ничего худого нет;—сказал Бадкок.—А я так думаю, что и драться-то не придется.

— Нет, нет, надо еще попытаться. Надо же довести наше дело до хорошего конца,—сказал Гардинер.

— Ну, как знаете,—мрачно пробормотал Эрвин.—Смотрите, в феврале

уже наступает в этих краях осень, а за нею и зима. Что будет с нами зимой—мы ведь этого не знаем. Провизия наша тогда совсем выйdet. Откуда же нам тогда новую доставать?

— За нами придет сюда какой-нибудь английский корабль,—сказал Гардинер.—Ведь в Англии знают, что мы здесь. Капитан Купер и Соммерсет тоже дадут знать. Уж, наверное, они заметили, что порох-то мы забыли у них на пароходе. Поймут же они, что без пороха нам тут долго не прожить. За нами, наверное, кого-нибудь да пришлют.

— Когда-то еще помощь придет, а до тех пор что еще с нами-то будет?—сказал Эрвин.

А подумать было о чем. Шкуны и вправду были пробиты в нескольких местах. Некоторые щели в них кое-как заделали, а руль так и не удалось приделать вновь, потому что не было взято с собой про запас ни одной железной петли для руля. Насчет еды тоже было плохо. Совсем не ловилась рыба у здешних берегов. Эрвин и Пирс чуть не каждый день закидывали сеть в море, а когда сеть вытягивали наверх,—она была пустая.

Между тем появились опять дикари. Они приплыли в своих лодках целой толпой. В каждой лодке горел огонь, в каждой были сети и только-что наловленная рыба. Выходило так, что Гардинер и его товарищи не могли поймать своими хорошими сетями ни одной рыбешки, а дикари ловили рыбу во множестве. А сети у дикарей были очень плохие, в роде как из рогожки, и сплетены они были из лыка и волос. Надо полагать, дикари отлично знали, где надо искать рыбу в это время года. Некоторые рыбы были еще живые и плескались, потому что в лодках у дикарей была на дне вода. Дикари, сидя на корточках, брали рыбу и ели ее сырым. Они засовывали рыбу головой прямо себе в рот, перекусывали ее около жабер, а затем пожирали вместе с чешуей, костями и внутренностями. Впрочем, некоторые дикари сначала бросали убитую рыбу на огонь и уже потом ели ее.

Дикари явились к Гардинеру как ни в чем не бывало. Надо полагать, это были дикари из каких-нибудь новых мест. Быть-может, они никогда не видали еще белых людей. Они тотчас же приняли их за врагов, по звериному правилу: „кто незнакомый и чужой, тот враг“. Они не выпускали оружия из своих рук. Впрочем, дикари держали себя очень осторожно и тихо и даже не назойливо, но все-таки они то и дело выкрикивали „яммершунер“. Гардинер дал дикарям несколько железных гвоздей. За это дикари дали ему несколько довольно больших рыб. Такая мена всем была выгодна. Но вот беда: дикари скоро куда-то уплыли, а рыба не ловилась попрежнему.

— Дело плохо,—говорил Эрвин.—Провизии у нас маловато, и на целый год наверно не хватит.

— Зачем нам столько? — возражал Гардинер.— Нам нужно всего лишь на несколько месяцев. Уверяю вас, за нами наверно придет корабль, я это чую.

Вот какая провизия была в это время на шкунах: два ящика сушеного мяса, бочонок солонины, два мешка пшеничной и овсяной муки, небольшие кульки рису, гороху, сухарей, по три фунта сыру, соленого масла, кадушка патоки и немного изюму. Кроме того, было кое-что припрятано в пещере. Гардинеру казалось, что этой провизии хватит им надолго. Поэтому он устроил угощение и собственноручно напек для всех очень вкусных пшеничных лепешек с изюмом.

А между тем день шел за днем, время тянулось очень медленно. Дикари больше не появлялись. Гардинер и его товарищи все же держались настороже. Днем они высаживались на берег, а ночевали на своих шкунах.

Настал и прошел Новый год. Люди от дела не бегали, но и дела не делали. А жить было все-таки не легко, — под дождем, да на постоянном ветру, в неуютной, сырой, пустынной местности и на волнах. Гардинер, Вильямс и Майдмент совсем не привыкли к таким лишениям. Но все же они очень мужественно выносили свои страдания и работали не хуже Бадкока и Бриана. Все чувствовали, что следует подтянуться, и все действительно подтянулись, как только могли.

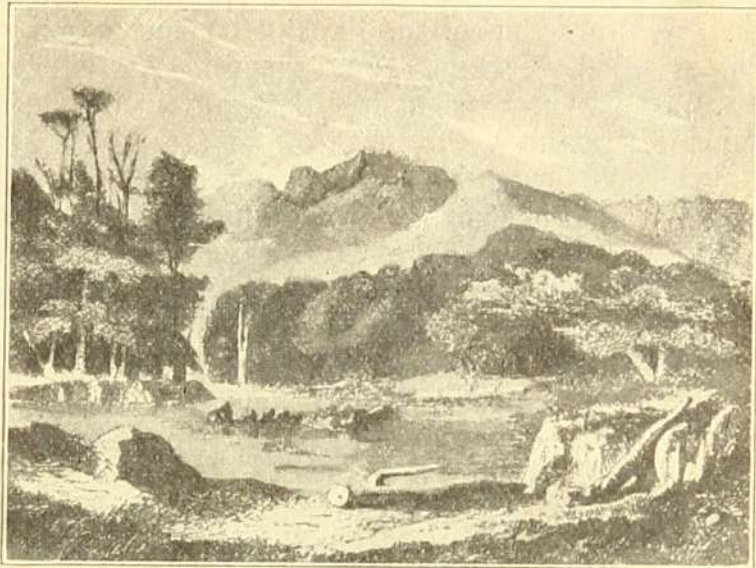
4 января случилось событие. Рано утром вдруг из-за поворота берега появились дикари. Они плыли с севера, с той стороны, где находился залив

Бломфильда. Их было человек шестьдесят. Они плыли в своих лодках. Они держали в руках копья и еще издали размахивали ими. По всему было видно, что дикари затеяли что-то недоброе.

Терять время было нечего. Гардинер и его товарищи тотчас же подняли якоря, расставили паруса и поплыли в открытое море.

День был пасмурный, но дождя не было. Ветер дул от берега. Шкуны поплыли довольно быстро, и лодки дикарей

не могли их догнать. Дело в том, что дикари не умеют плавать под парусами. Они умеют действовать только веслами, да и те у них делаются очень грубо и похожи больше на палки, чем на весла. Лодки дикарей остались позади и скоро исчезли вдали.

Залив Бломфильда.

На мели, на острове Леноксе.

Куда же было плыть и где искать себе убежища? Самое лучшее было бы плыть к заливу Бломфильда. Но, чтобы туда попасть, надо было проплыть мимо дикарей. Об этом нечего было и думать: Гардинер попрежнему не желал войны и борьбы. А плыть на восток, к Большому острову Огненной Земли, было невозможно, потому что ветер дул в это время совсем в другую сторону. Поэтому Гардинер решил плыть просто-напросто по ветру, на юго-запад.

Вдали, на горизонте, виднелась какая-то земля. То были острова Наварин и Ленокс. Шкуны неслись прямо к ним.

Прошло часа два, три. Пол-дороги было уже сделано. Но в это время ветер стал гораздо тише, и, наконец, совершенно затих. Паруса повисли, словно тряпки. Шкуны остановились. Затем их понесло морским течением в обратную сторону.

Так прошло часа три, четыре.

Наконец снова поднялся ветер. Он все крепчал и крепчал. Шкуны быстро понеслись к острову Леноксу. Плыли еще несколько часов. Солнце зашло. Лишь только оно опустилось в море, тотчас показалась на противо-

положной стороне неба полная круглая луна. Было полнолуние. В эти дни месяца приливы бывают особенно высоки. Но ни один моряк на обеих шкунах не обратил на это никакого внимания. Шкуны были уже вблизи острова Ленокса. Они счастливо проскочили между прибрежных бурунов. Только „Пионер“ получил еще одну небольшую пробоину. Шкуны врезались в прибрежный песок. Гардинер и его товарищи выскочили на землю и привязали шкуны к деревьям, которые росли на берегу. Дикарей нигде не было. Эрвин пошел искать, нет ли где поблизости ручейка пресной воды.

Когда он вернулся, уже начался отлив. Море все отступало и наконец отхлынуло далеко от берега. Обе шкуны лежали боком на песке. Дикарей попрежнему нигде не было. Гардинер боялся разводить огонь, чтобы не привлечь дикарей. Моряки забрались в каюты и легли спать. Остался настороже один Бадкок. Он должен был разбудить Эрвина, когда снова начнется прилив и шкуны всплывут.

Прошла ночь. Уже давно наступил час прилива. Снова пришла приливная волна, и снова она отступила обратно, а шкуны попрежнему лежали да лежали себе на боку между камней. Приливная волна до них не дошла.

— Капитан! Капитан!—воскликнул Эрвин.—Дело плохо!

Гардинер схватился руками за голову.

— Что мы наделали! Что мы наделали!—воскликнул он.

Вильямс и Майдмент не понимали, в чем дело.

— Ведь сегодня какой день? Полнолуние!—сказал Эрвин.—А в полнолуние прилив бывает особенно высок. Мы это забыли, и наши шкуны уж очень близко подошли к берегу. Заехали черезчур далеко. Их занесла сюда высокая приливная волна. Приливную-то волну в полнолуние не приняли в расчет, когда становились на якорь. Забыли, что в полнолуние вода больше обыкновенного налезает на берег во время прилива. Вот теперь наши шкуны здесь и должны будут лежать до другого такого же высокого прилива! А такой прилив будет лишь в новолуние, то-есть, примерно, через две недели! Капитан, мы ведь должны целых пятнадцать дней лежать на боку и не сможем двинуться!

— Капитан! Да неужели это правда?—воскликнул с ужасом Майдмент.

Гардинер был просто в отчаянии.

— Что же это я наделал!—кричал он с дрожью в голосе.—Я, капитан, видел полную луну—и совсем позабыл, что она предвещает! Что я наделал! Придут дикари, и мы будем совсем в их власти.

Вильямс, Майдмент и Бриан были бледны, как полотно, и дрожали. Храбрее других был Пирс.

— Да вы чего так волнуетесь, капитан?—воскликнул он.—Ведь дикарей-то еще нигде нет. А наши обе шкуны мы, быть-может, общими силами сами спустим в воду.

Товарищи тотчас же принялись за работу. Но шкуны были очень тяжеловесны; они очень глубоко врезались в песок и кроме того застряли в прибрежных камнях. Эти камни сильно мешали работе. Сдвинуть шкуны по камням было совершенно невозможно. Кроме того, вдоль берега грохотали буруны. Только во время самого высокого прилива эти буруны неопасны, потому что камни тогда находятся довольно глубоко под водой. Как ни старались товарищи, обе шкуны так и остались лежать на песке.

Они были в плену, да и люди вместе с ними.

Прошел день. Медленно тянулось время. Каждую минуту приходилось ожидать появления дикарей. То же было и на другой, и на третий, и на

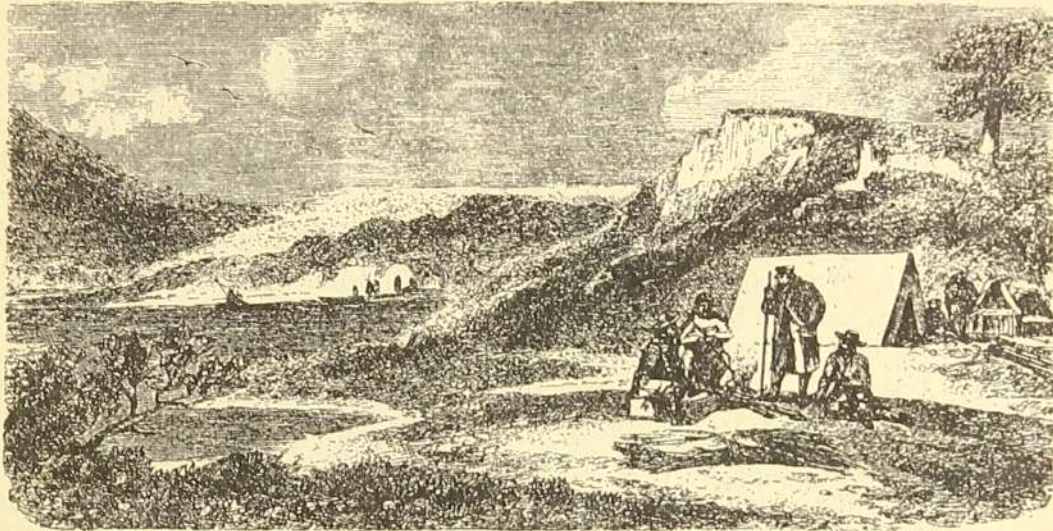
четвертый день. Постоянно приходилось быть настороже. К счастью, дикари нигде не показывались. Прошла еще неделя. А шкуны все лежали на боку. Однажды Эрвин отправился бродить по берегу. Не прошло и десяти минут, как он прибежал обратно.

— Эй, друзья! Приготовляйтесь!—кричал он еще издали.—Дикари около нас. За тем пригорком я видел собак и шалаши дикарей.

— А самих дикарей тоже видели?—спросил Бриан.

— Нет, самих дикарей я не встречал.

Вдруг откуда-то издали ветер донес собачий лай. Скоро к шкунам подбежали две больших собаки, остроносых, с умными глазами. Гардинер бросил

На острове Леноксе

им по сухарю. Собаки осторожно обнюхали сухари, завиляли хвостами, схватили сухари в пасть и убежали. „Если здесь бегают собаки дикарей, значит, и сами дикари где-нибудь тут же“,—решили путешественники

Но прошел еще день, а дикарей попрежнему не было.

На другой день утром прибежали опять собаки, снова получили по сухарю и снова убежали.

Гардинер, Эрвин и Бадкок решили идти на разведки и поискать дикарей. Они осторожно пошли вдоль берега.

Кухонные остатки, или кьоккенмёддинги.

Верстах в трех от стоянки увидели они три шалаша, а около них огромную кучу ракушек. Эта куча была длиной сажень в десять, шириной сажени две, вышиной около сажени. Все ракушки в этой куче были разбиты. От них остались по большей части лишь осколки и обломки, почти одна шелуха. Кое-где в той же куче таких остатков валялись рыбы и тюленьи кости: там же Бриан нашел три наконечника каменных стрел, каменный топор и сломанное костяное острие гарпуна.

— Эта куча—остатки от обедов дикарей,—сказал Гардинер.

И правда, здесь на берегу водилось много ракушек; сюда приплывали, ради них, дикари. Они собирали ракушки и поедали их, а скорлупу бросали, как придется. Этим обеденным остаткам накопились здесь огромные груды.

Значит, дикари приезжают сюда с давних пор, наверное десятки и даже сотни лет под ряд, потому что в один год такой кучи ракушек накопиться не может.

— Я видел такие же самые кучи в Дании,—сказал Эрвин.

— Вот-вот, эти самые они и есть,—сказал Гардинер.— В Дании и я их видал. Они называются там кьоккенмёддинги, что значит „кухонные остатки“. Там среди ракушек тоже находят костяные и каменные стрелы и топоры. Это остатки от обедов тех диких людей, которые жили в Дании много тысяч лет тому назад.

— Значит, вот и выходит, что доктор Соммерсет говорил правду насчет того, что в наших европейских странах тоже когда-то жили дикари,—сказал Вильямс.— Ведь ракушками только дикари питаются.

— Да это же что такое! — простодушно воскликнул Майдмент. — Я-то думал до сих пор, что самые счастливые времена для людей были в старину. А выходит, что старинная-то жизнь у всех людей на земле была *дикая*, в роде как нынешняя жизнь здешних яганов.

Первые и последние вести о трех ученых дикарях.

Путники прошли несколько шагов и наткнулись еще на полуразвалившиеся шалаши. По всему было видно, что дикари бывают здесь очень часто.

— Пойдемте-ка отсюда по добру по здорову,—сказал Майдмент.

Вернулись к шкунам и стали ждать прилива.

Другая неделя прошла без всяких приключений. Наконец настал день новолуния. В этот день месяца нужно было ждать особенно высокого прилива. Только такой прилив мог снять обе шкуны с мели.

В тот же день вдали показалась лодка, а в ней несколько дикарей.

Лодка подплыла прямо к шкунам. Из нее вышло трое мужчин и пять женщин. Две женщины были с грудными детьми. Дикари держали себя очень смиренно и сдержанно. Они уселись на корточки недалеко от своей лодки и молча рассматривали Гардинера и его товарищей. Один дикарь подошел к Гардинеру и, к великому изумлению капитана, заговорил на ломаном английском языке:

— Дай мне! Дай мне!

Гардинер чрезвычайно обрадовался, услышав английские слова из уст дикаря. Неужели этот самый дикарь побывал в Англии вместе с капитаном Фиц-Роем? Гардинер стал спрашивать дикаря, не был ли он когда-то в Англии. Дикарь слушал и совершенно не понимал, о чем его спрашивают. Тогда Гардинер спросил дикаря: „Откуда ты приплыл сюда? Кто вы такие?“

— Мы люди, люди! — отвечал дикарь. — Мы люди, все люди!

— А эти женщины кто?

— Это моя жена и та моя жена, и та тоже моя жена.

— А эти мужчины кто?

— Это муж, и то муж, и тот муж,—отвечал дикарь.

— А дети чьи?—спросил Гардинер.

— Дети матери,—отвечал дикарь.

— Он не понимает, что говорит,—сказал Вильямс.

— Нет, моя понимает, — возразил дикарь. — Моя был долго, долго на большой лодке белых людей.

— Где был? Далеко отсюда?—спросил Гардинер.

Дикарь ничего не отвечал. Он посмотрел на Гардинера, посмотрел на Вильямса и повторил:

— Долго, долго и далеко отсюда.

— В каких же краях?—спросил капитан.

— Каких же краях?—повторил дикарь.

Бедняга больше ничего не понимал. Он уже не мог больше думать. Его голова устала от непосильной работы. Долго думать да соображать не под силу дикарю. Так Гардинер и не мог добиться никакого толкового ответа от дикарей. С великим трудом он понял наконец, что этот дикарь несколько месяцев плавал по морю на английском корабле и во время плавания научился кое-как говорить по-английски.

Значит, это был не тот дикарь, которого когда-то увез с собой в Англию капитан Фиц-Рой.

Немного погодя Гардинер стал опять расспрашивать дикаря, не слышал ли он о таких его земляках, которые побывали на своем веку в Англии?

— Слышал, слышал,—отвечал дикарь.—Я их сам видал.

Гардинер и его товарищи стали расспрашивать дикаря еще настойчивее. И вот что рассказал им дикарь.

— Видал, видал я тех,—говорил он.—Одного звали Иорк Минстер, другого Джемми Бэттон. С ними была девушка. Ее звали Фуэгия Бэскет. Минстер был такого низенького роста, но человек толстый и сильный. Очень горячий человек был. Он много и скоро сердился. Джемми был тоже горяч. А Фуэгия была красива,—о, очень красива! Она тоже была толстая.

Дикарь опять замолчал. Его голова снова устала работать. Он молчал больше четверти часа. От него нельзя было ничего добиться. Он на все поддакивал, со всем соглашался, так что невозможно было разобрать, чего он хочет и что он понял, и все говорил имена: Минстер, Беттон, Бэскет, Иорк, Джемми, Фуэгия. Повторять эти имена, эти слова чужого ему языка дикарю очень нравилось. Это его занимало, словно ребенка. Но он и от таких слов скоро устал.

— А живы теперь Иорк, Джемми и Фуэгия? — спросил Гардинер, когда дикарь отдохнул и заговорил.

— Они приехали сюда на большой, большой лодке. Белый человек привез их на берег, к тому месту, где жило то племя,—племя, из которого был Джемми. Тогда Джемми увидел свою мать и братьев. Мать очень обрадовалась ему, а Джемми ничему не обрадовался. Джемми ее забыл за три зимы. И даже язык свой забыл. Белый человек построил Джемми большие дома и сад. Дал им много-много разных вещей и уехал на своем корабле. Тогда к Джемми пришли мы и взяли у него все, что у него было. И от Иорка взяли. И от Фуэгии. И одежду взяли. И они опять стали, как мы. И стали жить вместе с нами. Жили, жили и умерли. Теперь они в лесу.

— Как так?—спросил Гардинер.—Я не понимаю: умерли—и в лесу?

— Это их души в лесу,—сказал Вильямс.

— В лесу!—повторил дикарь.—Буря воет,—это они воют. Ветер свистит,—это они свистят.

— Видите!—воскликнул с радостью Майдмент.—Дикари верят, что у человека есть душа.

— Они не верят ни в рай, ни в ад, ни в наказания за грехи на том свете, ни в награды за добрые дела,—сказал Вильямс.

— Значит, дело ясно, — печально сказал Гардинер. — Искать нам теперь некого.

— Возьмем с собою этих,—сказал Вильямс.

Гардинер стал звать с собой дикаря и его спутников. Он дал по какой-

нибудь вещице каждому дикарю. Те взяли подарки. Потом они стали кричать на все голоса: „Яммершунер!“ „Дай! Дай!“ Потом сели в свои лодки и уплыли. Как ни уговаривал их Гардинер, дикари не захотели остаться. Только их и видели.

— Ну, теперь наши дела плохи,—сказал Эрвин.—Теперь нам рассчитывать не на кого.

— Что дальше будет, мы не знаем. А теперь нам пора собираться в путь,—сказал Вильямс.—Прилив уже давно начался.

И правда, море все больше и больше надвигалось на берег. Гардинер и его товарищи с замиранием сердца смотрели на морской прибой. Высоко ли подыметсЯ сегодня вода? Дойдет ли она до шкун? Не помешает ли приливу ветер с берега? Можно ли будет шкунам снова выйти сегодня в море? Кончится ли наконец их плен на острове Леноксе?

Велика была радость товарищей: на этот раз прилив не обманул. Не прошло и часу, как шкуны уже неслись на всех парусах по морю. Все буруны и остров Ленокс были далеко.

Среди опасностей.

Но куда же плыть? Где искать себе убежища? Капитан Гардинер снова повернул свою шкуну к острову Леноксу и поплыл вдоль его берега. А на берегу в разных местах дымились костры дикарей. По прибрежным скалам бродили женщины и дети, собиравшие ракушки, мужчины-дикари охотились за тюленями. Лишь только они замечали шкуну, тотчас же поднимали крик и рев и принимались махать руками и бегать по берегу. Иные посмелее сядились в свои лодки и старались догнать путешественников.

Но ветер был довольно свежий. Шкуны неслись на волнах гораздо быстрее, чем жалкие лодки дикарей.

Целую ночь и целый день плавали шкуны вдоль берегов острова Ленокса и нигде не могли найти себе убежища. Везде дымились костры, везде появлялись дикари. Их лодки то и дело гнались по следам шкун. Дикари тотчас же давали знать друг другу, в какую сторону плыли шкуны. На их беду, и ночь была светлая: зоркие глаза дикарей видели далеко в море с прибрежных холмов.

К счастью, весь этот день и всю ночь погода была очень хорошая. Дул южный ветер. В летние месяцы года такой ветер в этих местах земли почти всегда приносит хорошую погоду. Тучи рассеялись. Полная луна заливала и море, и землю нежным темно-голубым светом.

Но путники все же были страшно утомлены и измучены. Всю ночь им не пришлось сомкнуть глаз. Настало наконец утро, но и оно не принесло радости. Погода быстро переменилась. Пахнуло холодным воздухом с юга, и тотчас же появились облака и обложили небо. Ветер крепчал. Вдруг налетел сильный порыв ветра. Шкуна „Успех“ со всего размаха налетела на шкуну „Пионер“. Бугшприт *) на „Успехе“ сломался. Вместе с передним треугольным парусом тотчас же его унесло ветром и волнами. Шкуна „Пионер“ тоже получила пробоину. Обе шкуны сцепились. Их веревки перепутались. Порывы ветра то и дело грозили опрокинуть обе шкуны. С великим трудом и опасностями удалось морякам расцепить шкуны и направить их поскорее к берегу.

*) Бугшпритом называется у моряков палка, которая укреплена на носу судна и выдается вперед. К ней прикрепляется передний парус.

Но около берега было еще опасней, чем в море. Весь берег белел от бурунов. Буруны взлетали иногда сажен на тридцать в высоту. Только в одном месте, далеко от берега и от бурунов, море было как будто спокойнее. Там почти не было волн; море колыхалось ровно и медленно, словно вода была здесь какая-то тяжеловесная и густая. Туда-то и направились обе шкуны, и скоро они были уже в безопасности. Вокруг бушевали высокие волны, а где были шкуны, там было все тихо. Здесь что-то задерживало волнение, несмотря на ветер.

— Ну, теперь мы, по крайней мере, спасены!—воскликнул Гардинер.— Слава Богу! Слава Богу!

— Нас спасли водоросли,—сказал Эрвин.—Где они—там волны гораздо меньше. Эти огромные длинные водоросли сильно мешают волнению. Но что же мы будем здесь делать? И скоро ли нам удастся пристать к берегу?

Пристать к берегу так и не удавалось, потому что между шкунами и берегом была еще полоса бурунов. Пробриться через них было невозможно. Для этого надо было дожидаться конца бури и держаться на воде. Пришлось встать на якоря. А буря нисколько не утихала. Ветер дул порывами. Шкуны сильно качало, несмотря на защиту водорослей. В довершение всего пошел сильный дождь и град и шел до поздней ночи. Шкуны все время держались на якорях посреди водорослей, саженях в ста от береговых скал. Того и гляди, они могли сорваться с якорей и разбиться об эти скалы. Водоросли и на этот раз спасли от верной гибели.

Ночь прошла благополучно, а на утро погода утихла, небо очистилось от облаков, море успокоилось, обе шкуны поставили паруса и направились обратно к острову Пиктону. Прежде всего поплыли в залив Бломфильда. Но только-что шкуны поплыли к берегу, тотчас же появились дикари. Сначала приплыли на своих челноках три или четыре дикаря и стали выкрикивать „яммершунер“. Дикари чуяли, что им не справиться с белыми, и потому держали себя смирно. Но вскоре появилась еще целая толпа дикарей с копьями, топорами и пращами. Эти дикари держали себя очень навязчиво. Приходилось или вступить с ними в драку, или плыть куда-нибудь в другое место. Капитан Гардинер решил и на этот раз, что самое лучшее—уйти от греха куда-нибудь подальше. Шкуны подняли паруса и поплыли из бухты Бломфильда обратно, к острову Леноксу. Но и там встретила путешественников новая толпа дикарей. Приходилось плыть куда-нибудь на новые места. А там случилось то же самое, и так еще несколько раз.

— Что же это такое?—ворчал Бадкок.—Что это за жизнь? Мы сами стали, словно дикари: то и дело переезжаем с места на место. Так оно всегда бывает,—уступили здесь, уступили там,—назад да назад, вот оно и вышло, что нам житья не стало. Дикари нас теперь ни во что не ставят,—потому и лезут на нас со всех сторон без всякой церемонии.

— Друг мой,—кротко сказал Гардинер.—Неужели для нас было бы лучше, если бы мы затеяли с этими дикарями драку и дрались бы с ними на каждом шагу?

— Лучше—не лучше,—сказал Бадкок,—а все-таки я думаю, что себя всегда и везде надо отстаивать. Другому я зла не желаю, да и себе гибели не хочу. Вот и у нас в Ирландии... Отступали мы, отступали, спускали, спускали, а потом и не знали уж, куда и отступать... Вот и мыкаемся теперь по свету, в роде, как я...

Прошла неделя. Попрежнему Гардинер и его товарищи жили бродячей жизнью. Редко приходилось им даже высаживаться на берег, мало им прихо-

дилось оставаться на одном и том же месте. Жили на шкунах, среди волн и бурь, среди постоянного страха за свою жизнь. Волны заливали обе шкуны. Люди страшно измучились. Погода стояла самая неприятная. Дождь шел, не переставая, в перемешку со снегом и градом. Вокруг было пустынно,—пустынные острова, покрытые небольшими пригорками, на них густой буковый лес; берега—серые, а на них сырые камни, ракушки, водоросли, сырой мох. Случалось, высаживались на берег и сидели по целым дням в какой-нибудь прибрежной пещере, в сырости и в темноте; разводили костер, но и это было опасно: как бы не появились дикари. Огонь разводили в пещере, подальше от входа; едкий дым от сырых дров резал глаза. По даже и в пещере огонь был не безопасен, потому что у дикарей глаза очень зоркие. Они издали замечали дым, выходивший из пещеры, и тотчас же появлялись на своих жалких челноках. Тогда Гардинер и его товарищи снова садились на свои шкуны и отправлялись куда глаза глядят.

— И что это вы, капитан, мечетесь?—говорил Эрвин.—То туда, то сюда. О завтрашнем дне совсем не думаете. Не лучше ли выбрать для себя какое-нибудь постоянное убежище, хотя и подальше, да и плыть туда, не теряя даром времени?

— „Не печетесь убо на утрий. Утренний бо собою печется. Довлеет дневи злоба его“,—отвечал Гардинер.

— А по-моему,—сказал Эрвин,—надо думать и о сегодняшнем, и о завтрашнем дне. А вы вот мало о завтрашнем-то думали, когда жили в Лондоне. Многое о здешних краях можно бы было и там разузнать.

На остров Наварин.

Во второй половине января погода стала заметно лучше. В этих краях январь месяц—лучшее время года. Гардинер воспользовался хорошей погодой и решил плыть в самые пустынные места.

Недалеко от островов Пиктона и Ленокса есть довольно большой остров Наварин. Он находится впереди острова Ленокса, еще больше к югу и ближе к океану. Есть на этом острове небольшой залив, который называется Испанский порт. В этот залив впадает река,—она называется рекой Кука. Берега ее каменисты и лесисты; по берегам растут густые леса. Бури в этих местах гораздо страшнее, а волны океана выше, чем у острова Пиктона. Неужели дикари забираются на своих лодках и в эти опасные места? Неужели они бывают и на острове Наварине? Не может этого быть! Так думал Гардинер. И вот обе шкуны на всех парусах понеслись в Испанский порт.

— Нам будет в этих краях гораздо безопаснее,—говорил Гардинер.— Там мы подождем какого-нибудь корабля и на нем вернемся на родину.

— Вот видите, капитан, вы сами уже говорите, что надо подумать о том, как бы вернуться домой.

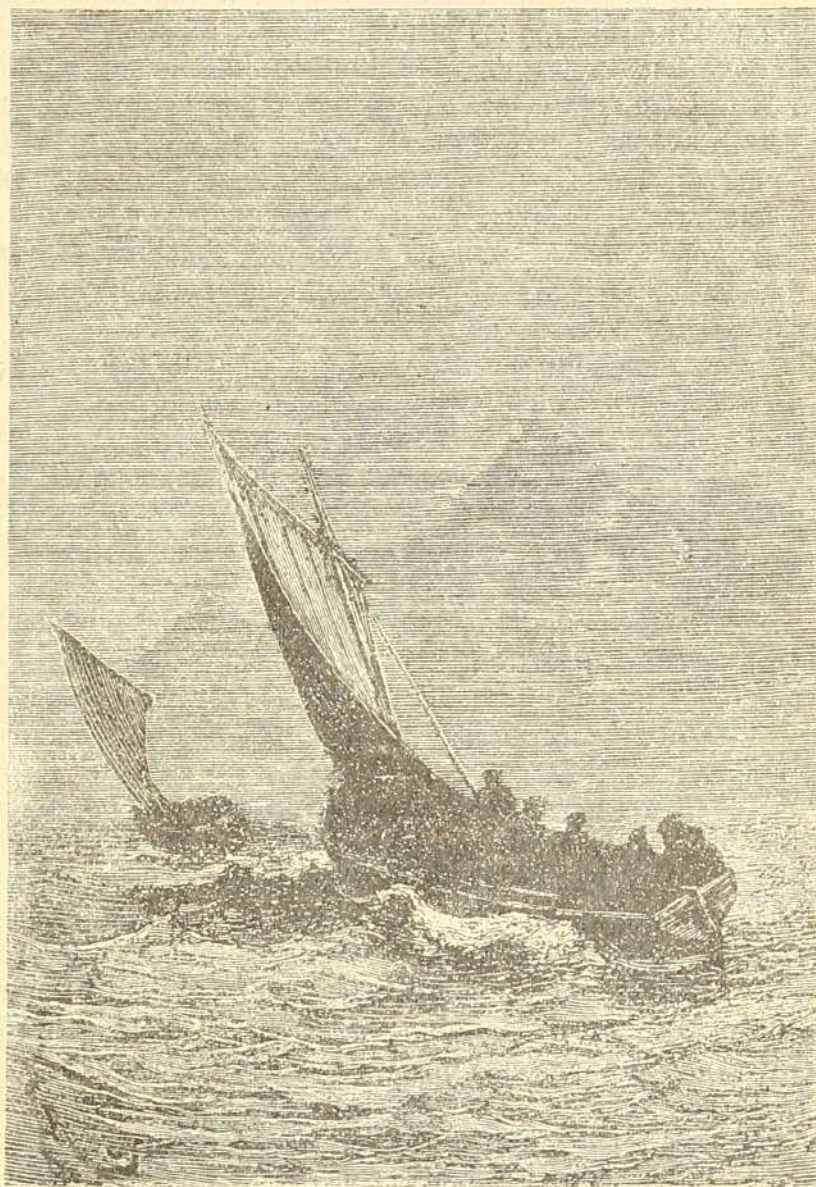
— Да, друзья,—отвечал Гардинер.—Я теперь уже постоянно думаю о возвращении. Мне ваша жизнь дорога. Я никому не желаю зла. Мы вернемся на родину; мы соберем там побольше денег, найдем на них большой и хороший корабль и приплывем на нем опять в эти края. Поверьте, что я вернусь сюда! Непременно вернусь! Разве я приехал в эти края для того, чтобы бегать, словно трусливый заяц, от этих несчастных и жалких дикарей? Нет, мое дело только еще начинается. Я знаю, чего я хочу. Я вернусь! Я вернусь и сделаю то, что поставил целью своей жизни.

А шкуны неслись да неслись по волнам. Здесь и там плескались гро-

мадные киты. Однажды шкуны встретили на своем пути целое стадо тюленей. Недалеко от берега острова Наварина показался большой морской слон. На прибрежных скалах сидели сотни нелетов-пингвинов, а у самой воды, на песчаном берегу, стояло целое стадо гуанак. Они жадно пили соленую морскую воду. Казалось, все звери, все птицы радуются, веселятся и приветствуют солнце, тепло и свет.

Но радоваться пришлось не долго. К вечеру уже поднялась буря. Когда входили в Испанский порт, сломался бугшприт на шкуне „Успех“. С большим трудом Э́рвин нашел в лесу подходящее дерево и кое-как починил поломку.

Дикарей поблизости не было. Бриан взобрался на соседний холм и внимательно осмотрел местность. С вершины холма он увидел вдали несколько костров дикарей. Значит, и в этих глухих местах приходилось держаться настороже; кроме того, нужно было быть наготове, чтобы пуститься в путь. Поэтому решили держать шкуны постоянно на воде, недалеко от берега. Чтобы съезжать с них на берег, склотили небольшой плот. Чтобы шкуны не разбились о прибрежные скалы, хотели-было ввести их в

На Огненную Землю.

реку Кука, но эта река была для них слишком мелководна. Поэтому обе шкуны встали на якорях в устье реки. Чтобы они как-нибудь не пострадали от волн, сделали так: укрепили их и с кормы и с носа, протянули от каждой шкуны канат от кормы к берегу и привязали его там к дереву; а другой конец шкуны, нос, держали на якоре. Якорная цепь удерживала нос, а канат с берега удерживал корму.

— Так будет хорошо,—сказал Гардинер.—С Божьей помощью мы нигде не погибнем.

Гибель „Пионера“.

Но не прошло после того и двух дней, как разыгралась страшная буря. Огромные волны побежали на берег из открытого океана. Волны поднимались не меньше, как на сажень в высоту, и с громадной силой били об отлогий

песчаный берег. Якорь „Пионера“ не смог удержаться на песчаном дне и сдал. Его поволокло волнами по песчаному дну, вместе с ним и шкуну. И прямо на берег. На одно мгновение якорь зацепился-было за какой-то подводный камень, но скоро не выдержал и оборвался. Волны в одно мгновение выбросили тогда несчастную шкуну на песчаный берег и опрокинули ее там на бок. Каждая новая волна немного приподнимала шкуну, а затем тотчас же со всей силой бросала ее боком на песок; шкуна приподнималась и падала, и снова приподнималась, и опять падала. Она ударялась со всей силой о прибрежные валуны, еще и еще; удар шел за ударом, мачты на „Пионере“ были тотчас же сломаны, от перил на палубе не осталось и следа; вода проникла внутрь шкуны, а в боках появились пробоины: каюта наполнилась водой. Люди, которые были тогда на „Пионере“, выскочили из каюты с большим трудом. Все они были мокры с головы до ног; Вильямс едва не задохся в узкой и тесной каюте. Пирс вытащил его оттуда на своих руках.

О спасении шкуны нечего было и думать. Она была уж похожа на решето. Приходилось спасать только вещи и багаж. Бедь если их не спасти, то скоро нечем будет и питаться. Из каюты поспешно стали выбрасывать ящики и сундуки, и мешки с провизией, посуду, оружие и разные другие вещи. Это была очень трудная и опасная работа. В каюте невозможно было держаться на ногах. Люди там при набеге каждой волны то и дело ушибались. Снова вскакивали и снова падали и ушибались.

Все же таким способом кое-что было спасено, но кое-что погибло безвозвратно. Погибла и шкуна „Пионер“. К счастью, шкуна „Успех“ осталась цела: ее канаты и якорная цепь благополучно выдержали бурю.

Но „Пионер“ был лучше „Успеха“. Значит, самая-то лучшая шкуна теперь погибла.

Товарищи разложили костер в пещере, на берегу, и, дрожа от холода, грелись около огня и сушили свое платье. Волны с грохотом разбивались у самого входа в пещеру. Ветер свистел между ветвей соседних деревьев. Вдали стонали чайки и другие морские птицы. Дождь шел вместе со снегом и градом. Тоскливо было на душе у всех товарищей. Всего лишь месяц с небольшим они прожили на островах Огненной Земли, а за это короткое время испытали столько лишений, неприятностей и даже страданий; а главное и самое тяжелое было то, что все это ни к чему, все понапрасну; никому от их страданий не стало ни теплей, ни светлей. А что же будет дальше? Дальше-то что? Все молчали и думали про себя невеселую думу.

— Капитан, наши дела теперь уж совсем плохи,—сказал Эрвин.— Многие вещи испортились от воды. Промок мешок с рисом и гороховой мукой.

— Бог милостив,—сказал Гардинер.— Пропитаемся как-нибудь рыбой и дичью. Месяца через два, наверное, придет корабль.

— Нет у нас ни капли пороха. Все, что еще оставалось в пороховницах, отсырело и испортилось,—сказал Эрвин.

— А с голоду все-таки не умрем,—возразил Гардинер.— Ведь живут же в здешних местах дикари. Ведь добывают же они себе какую-нибудь пищу. Неужели же мы, англичане, не сумеем ее добыть?

— Каждому свое, капитан,—сказал мрачно Эрвин.— На все требуется привычка. Мы вот привыкли к своей жизни, к своей еде, а дикари—к своей.

— На привычку есть и отвычка,—привыкнуть ко всему можно!

— Это правда,—сказал Бадкок.— Вот, например, у нас в Ирландии: в неурожайный голодный год чего-чего только мы ни ели: и дубовую кору, и лебеду, и крыс, и мышей, и все, что попадалось под руку. И ведь от такой

еды умирали-то не все, а только слабые да малые,—старики, женщины, дети. И при этом еще чернели да пухли...

— То-то оно и есть,—сказал Гардинер.—И мы не умрем. По крайней мере мы на себе узнаем, как дикари живут. Это нам пригодится для второго путешествия в эти края.

— Уж вы как хотите, капитан,—воскликнул Пирс,—а меня сюда ни за что больше не заманите! Только бы мне отсюда выбраться! Да, кажется, и на этот счет надежда слаба.

Все молчали, и всем в эту минуту казалось, что и вправду никому отсюда не выбраться.

Нужно было, во что бы то ни стало, сберечь шкуну „Успех“. Эта шкуна попрежнему стояла на море, недалеко от берега, и была привязана к берегу с помощью каната. Бриан придумал сделать еще один якорь из тяжелой железной печки, которая стояла до этого времени в каюте. Печку вытащили на палубу, привязали к ней канат и спустили в воду. На шкуне постоянно находились два или три человека: они стерегли и берегли шкуну. А провизии и вправду было мало. Пришлось уменьшить ежедневную порцию. Стали ловить рыбу сетями, но улов попрежнему был очень плохой. Нужно было подумать о жилье. К счастью, нашли на берегу пещеру, которую морские волны вырыли в прибрежных скалах. Люди поселились в этой пещере. Здесь, по крайней мере, можно было укрываться от дождя. Нечего было и думать о том, чтобы строить жилище на берегу. Строить жилище—это ведь значит дикарей к себе привлекать. К тому же и почва на берегу была повсюду очень сырая. На каждом шагу текли ручейки и встречались одни только болота и мхи.

Зима приближается.

Хорошо еще, что все товарищи были совершенно здоровы, никто из них пока еще не хворал.

— Мы будем жить здесь до апреля,—сказал Гардинер.—В апреле наверное придет корабль. Я вот что придумал. Когда корабль придет, мы поплывем на нем на Фалкландские острова; от нас до них всего лишь около 300 верст; мы возьмем с собой одного-двух дикарей; там они выучат нас своему языку. Потом мы найдем для себя большой корабль и вернемся сюда.

— Как возьмем дикарей?—удивился Вильямс.—Так же, как и до сих пор старались их взять? Или насильно, что ли?

— Нет, не насильно. Мы дикарей уговорим, или им за это заплатим. Поймут же они наконец, что мы желаем им добра.

— Все вы, капитан, говорите не то, что нужно,—сказал Эрвин.—Хотите-то вы хорошего, а что для этого надо сделать, сами не знаете. Уж вы на меня не сердитесь, а вы—словно дитя малое. Ничего путного придумать не можете.

— Ну! ну! Ты уж всегда на меня только ворчишь,—говорил Гардинер и добродушно смеялся.

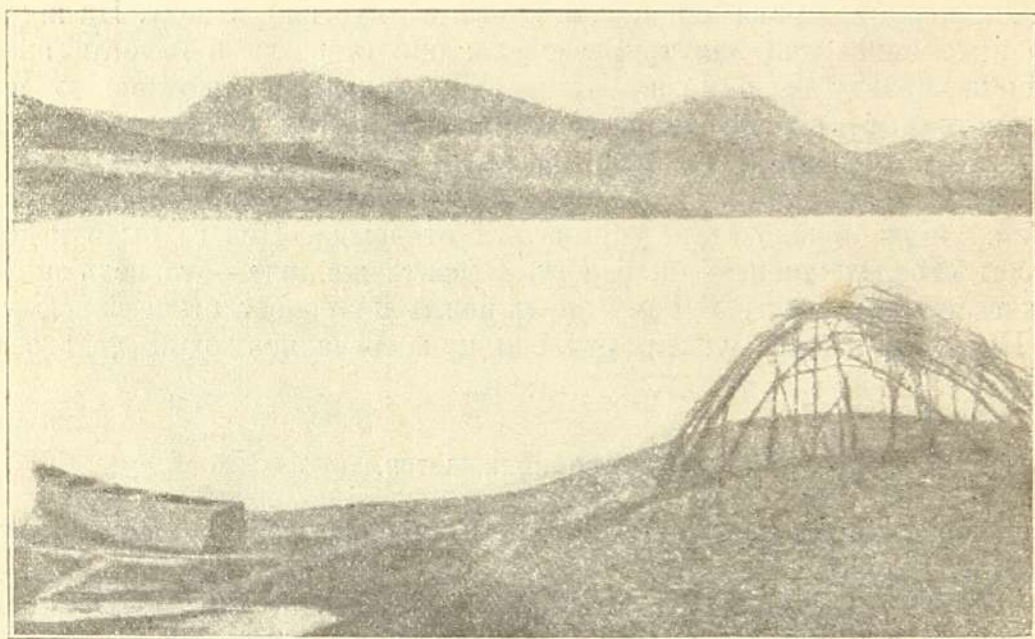
Прошел день, другой, третий. Прошла неделя. Дикарей нигде не было видно. Дни тянулись попрежнему. Что было вчера, то и сегодня; что сегодня, то будет и завтра. Погода заметно портилась. Приближалась осень.

Настал февраль месяц. И он уж приходил к концу. Товарищи не знали, куда и деться со скуки. Вильямс стал от нечего делать вести свой особый дневник. Каждый день он аккуратно записывал все события, какие случались

за это время. Вильямс по целым часам сидел у входа в пещеру и писал свои заметки карандашом в толстой тетради в синей обложке.

— Вот это хорошо!—говорил Пирс.—Коли мы в этой окаленной яме свои кости сложим,—хоть что-нибудь после нас останется.

Наступил наконец и март месяц. Все чаще и чаще стал идти снег. Он падал на землю и подолгу не таял. Деревья в лесу переменили свой цвет: летом они были зелеными, осенью сделались красновато-желтыми. Но листья с деревьев не падали и зимой. Леса попрежнему были одеты листвою. И правда, буковые деревья и дриимиды круглый год покрыты в этих краях листьями, потому что зима на Огненной Земле никогда не бывает очень холодной; сильные морозы здесь почти неизвестны, потому что близость моря умеряет зимние холода, даже и в разгар зимы.

Хижина дикарей на острове Наварине.

Но вот что было особенно тяжело: провизия быстро приходила к концу. Надо было чем-нибудь вытаться. А тут случилось такое происшествие. Эрвин, Пирс, Бадкок и Бриан решили отправиться на охоту за тюленями. Снарядили шкуну и поплыли; но не прошло и четырех часов, как они уже вернулись и привезли убитого большого тюленя. Казалось бы,—этому нужно было лишь радоваться. Но Гардинер сразу заметил, что Эрвин почему-то не в духе.

— Капитан, у нас несчастье,—сказал он.—Вышли мы на берег и пошли втроем на охоту. Бриан остался сторожить шкуну, да и заснул. А в это время появилось четверо дикарей. Они взобрались на нашу шкуну и давай шарить в ней. Отыскали два мешка с провизией,—один с гороховой мукой, другой с горохом. Дикари взяли да и высыпали муку и горох в воду, а мешки утащили с собой.

— Как!—воскликнул Вильямс.—Мешки взяли, а провизию выбросили?!

— Да, именно так!—сказал Бриан.—Что и говорить,—это моя оплошность, и в этом деле очень виноват,—утомился очень! Не нарочно ведь я...

— Вот они баковы, эти дикари! Вот что значит самые дикие люди на земле!—воскликнул Пирс.

— Я понимаю это дело так,— сказал Вильямс,— для дикарей мука и горох—провизия непривычная, потому они ее и не взяли,—не поняли, что ее есть можно; а в мешках они понимают толк.

— Ну что же поделаешь,—с грустью сказал Гардинер.—На все Божья воля. А провизии-то у нас стало ведь еще меньше. Не знаю, как мы и проживем до апреля.

Пришлось уменьшить ежедневную порцию еды и есть еще меньше прежнего. Люди работали все больше и больше, а ели все меньше и меньше.

Голодный год и людоедство от голода.

За одним несчастьем пришло и другое: захворал Вильямс. Его здоровье не вынесло тяжелой жизни впроголодь, в сырости и на холоду. Он простудился и слег. Целых двенадцать дней его трясла лихорадка. Силы его ослабли. Надо было их поддерживать хорошей едой. А есть между тем было почти нечего: товарищи питались только мукой да рисом. Этого было недостаточно. К счастью, на шкуне было хорошее лекарство от лихорадки; оно подействовало, и Вильямс темного поправился.

Во время болезни Вильямса что-то сделалось с Майдментом. Его и узнать стало нельзя: он стал необычайно добр и внимателен ко всем товарищам и помогал больному и днем, и ночью, чем только мог. Майдмент не жалел себя и постоянно думал о других.

Эрвин, Пирс и Бадкок решили отправиться в далекий и опасный путь,— на остров Пиктон, в залив Бломфильда, где была когда-то спрятана в пещере кой-какая провизия. Она была теперь необходима. Всем без нее грозила голодная смерть. Но ведь чтобы достать эту провизию с острова Пиктона, надо было плыть за несколько десятков верст, да к тому же плыть на утлой шкуне и по бушующему морю. А что будет, если погибнет и шкуна, и люди вместе с ней? Тогда и всем остальным смерть.

Но медлить было нечего. На что-нибудь необходимо было решиться. Бадкок, Пирс и Эрвин отправились.

Их плавание продолжалось целых пять дней. Назад они вернулись усталые, измученные и попрежнему голодные. Путешествие их было не совсем удачно: припрятанная провизия хотя и была найдена, однако морские волны сильно повредили ее: кое-что размочили, а кое-что унесли с собою. В пищу годился только бочонок солонины и мешок сухарей. А надолго ли хватит этой еды для семи голодных и измученных моряков?

Эрвин принес с острова Пиктона очень дурные вести. Он встретил там как раз того самого дикаря, который кое-как говорил по-английски, а от него Эрвин узнал, что на весь край и на все острова надвинулась в этом году великая и грозная беда—голод. Почему это случилось,—никто не знал. Одно только было верно: многим дикарям стало совершенно нечего есть. Рыба ловилась очень плохо; птицы куда-то улетели; тюлени сделались очень редкими. Даже ракушек,—и тех стало гораздо меньше, чем прежде. А всего страшнее было вот что: некоторые дикари с голодухи сделались людоедами.

— Верите ли, капитан,—рассказывал Эрвин.—Мы своими глазами видели, как эти дикари человеческое мясо жрут. Словно говядину. И даже не поджаривают. Человеческие кости валяются тут же около них, на земле. Дикари своих собственных старух над огнем душат. Я видел издали, как это ужасное дело делается. Схватят дикари свою старуху и держат ее над костром, пока она не задохнется. А задохлась несчастная, тогда и начинается пир-

шество. Рубят тело на части; грудь и руки людоеды отдали женщинам, мужчины стали есть ноги. Я спрашивал у дикаря, — у того самого, который немного по-английски говорит: „Это вы что же, злодеи, делаете, — людей убиваете и едите?“ А тот говорит: „Один мертвый, зато девять живых, — так лучше“. „Да вы, говорю, лучше собак своих убейте и съешьте“. А дикарь только смеется. „Собаки нельзя убивать, говорит, собака помогает ловить морских выдр — а старуха ни к чему“. Вот и рассуждай с ними! Просто беда с этими дикими людьми. С голоду много дикарей умерло. С голоду дикари стали воевать друг с другом. Яганы затеяли войну с алаколуфами. Идут войной на них, чтобы их в плен брать или убивать. А кто попал в плен, того убьют и съедят. А кто убит на войне — и того едят. Тьфу ты, мерзость какая!

— Да, с голодухи дикари делаются и людоедами, — сказал Гардинер. — И я не осуждаю их за это. Ведь даже и английские матросы с голоду делали то же самое. Например, был такой случай в 1799 году: с острова св. Елены убежали три матроса в простой лодке. Носило их, носило по морю; они измучились, изголодались, убили одного товарища по жребию и съели.

— Ужас, ужас! — воскликнул Майдмент.

— И жалки-то эти дикари, — сказал Гардинер, — и страшны; и темные-то они, а винить их в этом людоедстве все же никак нельзя.

— Потому на все Божья воля, — сказал Майдмент. — Бог сделал их такими!

— Мы вот что еще узнали, капитан, — продолжал Эрвин. — Старухи-то от дикарей бегут в горы и леса, куда глаза глядят. Знают они, что их ожидает в голодный год — ну и спасают свою жизнь. Помните ту колдунью-якомуши, которой раны-то перевязывал господин Вильямс? Мы ведь ее на нашем острове видели. Недалеко отсюда. И как это она только добралась до здешних мест? Чего только люди с голодухи не делают...

— Это правда, — сказал Бадкок. — Вот и у нас в Ирландии. Взяли это мы раз вилы, да топоры, да колья, ну и двинулись...

— Ты, друг, все не про то говоришь, — перебил Бадкока Гардинер. — Как ни как, дорогие друзья, придется наверное голодать и нам с вами.

Собрали всю провизию, какая была, разделили ее на маленькие порции, рассчитали, надолго ли ее хватит. Оказалось, что не больше, как месяца на два или на три.

— И все пять проживем! — воскликнул Пирс. — А грибы-то на что! Помните, те самые, от которых я когда-то открещивался. Их много в лесу растет. Я сам видел! Наберем и поедим. Вот грибы нам и пригодятся.

Стали собирать грибы циттарии и питаться ими. По крайней мере, грибами можно было наесться досыта. Стали собирать ракушек и глотать их, словно устриц. Остальная провизия, — мука, рис да свинина, — шла лишь на прибавку.

— Ничего, проживем, — говорил Пирс. — Как ни как, а „я доволен белым светом“... Какие там ни есть эти пещерасы, они хоть и самые дикие люди на земле, а все-таки и от них кой-чему можно при нужде научиться: грибы жевать да ракушек глотать. И то хорошо!..

Цынга.

А беда между тем приближалась. Люди хоть и не умирали еще с голода, но уже надвигалась страшная болезнь — цынга, или скорбут, иначе сказать, болезнь, которая нападает на людей от дурного питания, когда у них не случается сытной, питательной еды. Да, страшная болезнь надвигалась. Прежде

всего проявилась она у Вильямса. Он ослаб, почернел и похудел; он сделался очень раздражительным и стал сердиться из-за всяких мелочей; сердце его стало биться слабее и медленнее; дышать он стал тяжелей. Десны во рту сделались темно-синими, почернели и распухли; стоило только до них дотронуться, тотчас же из них сочилась кровь; зубы стали шататься; на коже появились пятна; затем стали пухнуть и ноги. Несчастный Вильямс ясно понимал, что плохи его дела. Но он молчал и не хотел пугать своих товарищей. Двигаться он не мог. Он ложился на спину и так лежал без движения по целым часам. Но скоро даже и лежать стало для него невозможно: проявилась мучительная одышка. И руки, и ноги болели до самых костей. Только хорошее питание еще может спасти от этой страшной болезни. Но где же его было взять?

— Я знаю эту болезнь, знаю!—говорил мрачно Бадкок.—У нас в Ирландии в голодный год хворают ею, как водится, десятки тысяч простого народа. Да и в урожайный год в нашей стране не все ведь деревенские жители сыты.

За Вильямсом захворал цынгой Бадкок. Эрвин тоже чувствовал себя не важно. Бриан и Пирс еще крепились, но и они почернели и похудели от дурного питания.

— Лучшее лекарство против цынги—ложечная трава,—сказал однажды Вильямс.—Я сделал огромную ошибку, что не взял этого лекарства с собой.

— Да ведь эта трава здесь растет!—воскликнул Майдмент.—Я ее своими глазами видел! Я ее всегда отличал от всякой другой травы.

— Что вы говорите! Как вы это знаете? Неужели это правда?—воскликнул с радостью Вильямс.

— Мне показывал эту траву доктор Соммерсет, когда мы бродили с ним по лесу,—продолжал Майдмент.—Только вот беда,—теперь я уж не помню, какова с виду эта самая ложечная трава. Ну совсем не помню,—даже ее от дерева не отличу.

— Вспомните и поищите ее,—сказал Вильямс.

— Соммерсет тогда много разных трав мне показывал,—сказал печально Майдмент.—А которая из них ложечная трава—я и забыл. Тогда вот я и внимания не обратил на слова доктора. Ах, горе какое! Да что же это такое я сделал? Теперь бы ложечная трава всех нас от болезни спасла. А я, старый дурак, на нее тогда и внимания не обратил,—какое, мол, мне дело до разных трав,—у меня своя цель и своя забота. Экая беда! Экая беда! Теперь уж ничем дела не поправишь.

— Нет, Майдмент. Вы можете его еще поправить,—сказал Вильямс.—Идите в лес, попробуйте найти там ложечную траву. Как знать, быть-может, вы ее вспомните, когда увидите. Я бы тоже вместе с вами пошел, но видите, что со мной: ни ноги, ни руки мне уж не служат.

— Я все сделаю, все, что только могу!—воскликнул Майдмент.

Вместе с Брианом и Пирсом он тотчас же отправился на поиски ложечной травы.

Как Майдмент отыскивал ложечную траву?

Это было 24 марта 1851 года. Стояла уже глухая осень. То и дело случались морозы. Постоянно шел снег. Вечно-зеленые листья букowego леса были кое-где усыпаны снегом. На земле местами лежал тонкий слой снега, а из-под него выступал мох и разная трава. Майдмент и его товарищи пошли по течению потока и скоро добрались до лесу. Этот лес был очень похож на тот, где Соммерсет нашел когда-то ложечную траву. Только деревья здесь были не

такие высокие, как в том лесу. От сильных ветров, дующих в этих местах с моря, деревья здесь не могли вырастать, как им следует: они были гораздо ниже, тоньше и с искривленными стволами.

По опушке леса росло много разных кустарников, похожих на барбарис и на смородину. На некоторых были ягоды: они еще не успели отпасть. Лес шел в гору. Здесь и там виднелись тропинки, протоптанные гуанаками. Кое-где встречались глубокие черные овраги. Они тоже заросли густым лесом. На берегу бушевала буря, а здесь, в лесу, стояла тишина; ветер шевелил лишь макушки деревьев. Всюду было холодно, мрачно и сыро. Кое-где в лесу встречались полянки, и здесь Майдмент искал ложечную траву. Он набрал множество разных трав; он рассматривал каждую былинку, а которая из них была эта самая ложечная трава, Майдмент так и не мог вспомнить. „Что же это такое будет? Что будет с нами?—бормотал он в глубоком отчаянии.—Я, я виноват, я во всем виноват! Тогда ничего не хотел знать, все мне было не интересно, что не по моей специальности, а вот теперь и выходит такое дело! Ах, горе какое, горе!“ И он шел дальше и дальше от опушки леса.

Вдруг, недалеко от него, на полянке, затрещали ветки и послышались как будто чьи-то шаги. Из чащи леса вышло на полянку какое-то жалкое, сторбившееся существо,—промелькнуло и скрылось. Впрочем, Майдмент и Пирс уже успели разглядеть, что это такое. Это была несчастная якомуши,—старуха-колдунья, седая, с растрепанными жесткими волосами, голодная и без всякой одежды; только небольшой четырехугольный кусок тюленьей шкуры, величиной с носовой платок, висел у нее на спине. Снег падал на худощавое тело старухи и таял.

— Это якомуши!—сказал Пирс.—Она прячется здесь от земляков-дикарей,—боится, как бы они ее не съели!

— Якомуши! Якомуши!—закричал Майдмент.

Но старухи и след простыл.

Настала пора возвращаться домой. Итти было больше некуда. Лес уже окончился. За ним начиналась пустынная поляна, которая тянулась по склону горы почти до вершины. На полях здесь и там виднелись торфяные болота, а около них росли какие-то маленькие деревья странного вида с короткими, но толстыми стволами и скрюченными ветками. То была особая порода бука, приспособившаяся к жизни в холодной стране и на ветру. Называется она антарктическим буком. По болотам итти было опасно. Майдмент решил вернуться, но и возвращаться было не безопасно, потому что разыгрывалась страшная снежная буря. Снег падал хлопьями; вместе с ним падали ледяные иглы; они резали лицо, слепили глаза. Майдмент и его товарищи со всех ног бросились бежать к чаще леса и остановились там, чтобы отдышаться.

— Нам надо торопиться,—сказал Майдмент,—скоро станет смеркаться.

Путники ускорили шаги и благополучно вернулись на шкуну. Буря в это время уже успокоилась. Вильямс с нетерпением ожидал возвращения своих товарищей. Майдмент выложил перед ним целую пачку разных растений, которые были собраны в лесу и на скалах. Но как ни старался Вильямс найти среди них ложечную траву, ее не было. А, может-быть, она и была, и он даже держал ее в своих руках, но не отличал от других трав, потому что и у него самого было мало знаний в голове... Ни он, ни Майдмент не знали, которое из этих растений ложечная трава. Надежда найти лекарство пропала.

— Экое горе! Экое горе! Как мы мало знаем! И как это нас учили в наших духовных школах!—сокрушался Майдмент.

Вильямс грустно молчал.

Плавание на остров Пиктон.

Настал апрель месяц. А жить попрежнему было тяжело. Гардинер с Эрвином решили, что необходимо еще разок побывать на острове Пиктоне. Как бы не прозевать корабля: ведь если какой-нибудь корабль придет в здешние края, он прежде всего остановится у острова Пиктона, потому что этот остров лежит как раз у входа в канал Бигль. Значит, там-то бы и нужно было его поджидать. Уж не переселиться ли из Испанского порта, с острова Наварина, снова на остров Пиктон? Ведь к острову Наварину корабли очень редко заглядывают. Но неужели снова плыть на дырявой шкуне по бурному и опасному морю и в опасное время года? Кроме того, на острове Пиктоне то и дело собираются дикари: их там не мало, они голодные, а значит, они теперь еще страшней, — с ними совсем уж не справиться. Лучше держаться от дикарей подальше. Поэтому Гардинер решил на остров Пиктон не переселиться, а лишь побывать там еще разок, хоть не надолго, оставить там по себе какие-нибудь значки, или столбы, или сделать надпись на прибрежной скале. Может-быть, там пройдет мимо какой-нибудь корабль, заметит эти значки и надписи и по ним найдет Гардинера и его товарищей. Это было бы самое лучшее. Товарищи решили снова плыть на неудобный и печальный остров Пиктон. Плавание это было очень опасно, — но что же поделаешь? Еще будет хуже, коли какой-нибудь корабль придет и уйдет, не зная об их печальной участи. „А ведь самое позднее, — думал Гардинер, — какой-нибудь корабль придет в эти края в мае или в июне. В эти месяцы настанет здесь зима, и бури сделаются тогда еще чаще и страшнее. Значит, коли плыть, то плыть теперь же, не откладывая“.

— Вот вы всегда так, капитан, — говорил Эрвин. — Чего бы вам об этом подумать, когда мы в первый раз на Пиктон плавали. Тогда бы и следовало сделать все, что нужно, а не только припрятанную провизию доставать.

Гардинер угрюмо молчал. Он и сам понял свою несообразительность.

Стали готовиться к отплытию. Эрвин с помощью Пирса и Бриана законопатил еще разок все щели в шкуне; набрали на дорогу грибов и ракушек и стали поджидать первого солнечного и тихого денька, чтобы пуститься в дорогу. На этот раз решили ехать все семеро, потому что плавание было очень опасно. Ведь уж если погибать, то всем вместе.

В первых числах апреля пустились в плавание и благополучно прибыли на остров Пиктон.

К счастью, дикарей там в это время не было. Капитан Гардинер взял несколько листов бумаги и написал на каждом листке такие записки:

„Дикари настроены к нам враждебно. Мы должны скитаться с одного места на другое. Если вы не найдете нас на острове Пиктоне, ищите на острове Наварине. Идите к Испанскому порту на этом острове. У нас большие. Наши запасы уж кончаются. Если скоро не придет к нам помощь, мы погибнем. Очень важно для нас, чтобы какой-нибудь корабль пришел к нам непременно теперь. Драгоценное время идет. Мы страдаем. Мы боимся, что дикари найдут эту записку и уничтожат ее“.

Записки положили в бутылки, а бутылки закопали в нескольких местах на берегу острова Пиктона. Над ними вбили в землю столбы, а к ним приколотили гвоздями дощечки. На каждой дощечке было написано: „Копайте здесь землю“. Столбы старались вбить в землю как можно глубже, — это для того, чтобы дикари не выкопали их.

Не успели товарищи окончить своей работы, как уж появились дикари. Приходилось опять спасаться от них на шкуне. Но и это было не безопасно, потому что на море бушевала буря, а шкуна все-таки сильно текла. Отвели шкуну в безопасное место, в устье небольшой речки у берегов острова Пиктона. Самые необходимые вещи на всякий случай выгрузили на берег. Чтобы переправить их, Эрвин должен был сколотить из бревен небольшой плот. Во время перегрузки не обошлось без несчастья: волнами унесло большую сеть, которой обыкновенно ловили рыбу. Теперь уж нечем было ее ловить.

— Все-то нам неудача!—печально воскликнул Бриан.

На другой день погода прояснилась. Путешественники снова нагрузили вещи на свою шкуну и отправились обратно в Испанский порт, на остров Наварин. И на этот раз плавание было удачное, хотя шкуна текла еще сильнее. Пришлось отыскивать для нее какую-нибудь новую стоянку, подальше от прибоя морских волн. Нашли такое местечко близ устья реки Кука. Но опять вышло не совсем хорошо: это местечко находилось далеко от пещеры, где жили до этого времени; от нее до шкуны было не меньше двух верст. Все семь товарищей хотели-было сначала поселиться вместе и жить на шкуне. Но шкуна была небольшая, каюта ее тесная, сырая, душная; половину каюты занимали Вильямс и Бадкок, больные цынгой; они отравляли воздух своим смрадным дыханием. Несчастные лежали в темноте и в духоте; сверху на них постоянно капала вода, потому что потолок каюты был железный; на холодное железо оседал пар, и с потолка вода капала вниз, словно дождь. Рядом с этой каютой была другая; в ней стояла небольшая железная печка; здесь поместились кое-как Эрвин и Пирс. Бриан устроил свою постель рядом с больными; Гардинеру же и Майдменту совсем места не было. Они переселились на жительство в пещеру.

Зима и голодовка.

А время шло да шло. Наступил май месяц. Жить стало еще тяжелей. Добывать еду становилось все труднее. Порции пришлось еще уменьшить. Пришлось получать теперь в два раза меньше, чем прежде. Больным за это время стало гораздо хуже. Они все время ждали, все надеялись, что вот-вот придет к ним на помощь корабль. Но корабля не было. Приближалась смерть.

Слабой, дрожащей рукою Вильямс попрежнему писал свой дневник. Это было единственное его утешение.

— И для кого это вы пишете?—спрашивал его Эрвин.

— Для других, мой друг, для других!—отвечал слабым голосом Вильямс.— Ведь нужно же, чтобы и другие знали о наших несчастьях и страданиях. Пусть прочитают и узнают, хорошо ли мы сделали, что взялись за такое дело.

— Я так думаю,—говорил Бадкок,—лучше бы нам оставаться у себя дома. Умираем мы,—это ясно. Уж лучше бы нам сгинуть где-нибудь от солдатской пули в Ирландии. По крайней мере, хоть какой-нибудь прок был бы от нашей смерти землякам.

— Не за свое дело взялись,—говорил Эрвин.—А то вот от нашей смерти никому никакой пользы нет,—ни нам, ни другим. Да и деньги десять тысяч рублей зря потратили.

— А на эти деньги сколько бы земли можно было купить для безземельных!—сказал Бадкок.—Ведь несколько крестьянских семей можно было бы осчастливить на веки вечные...

— Что на роду написано, то и случилось,—сказал Бриан.—За свои грехи несем наказания, говорит господин Майдмент.

— Мало ли что он там говорит, — воскликнул Эрвин, — грех да грех... Шутки шутит он с этим словом. Разве у нас с вами больше грехов на душе, чем у всех прочих, а почему прочие живут себе да живут?

— Вот, например, мой прежний хозяин, который всю нашу семью со своей земли на холодную жизнь прогнал, — вставил свое слово Бадкок.

— А кроме того, говоришь ты „на роду написано“, — продолжал Эрвин. — Этак все можно объяснить: коли мы живы и счастливы, — это „на роду написано“, мол; умираем с голоду, — и это на роду написано тоже; мы грабим — на роду написано нам быть грабителями; нас грабят — это тоже на роду. Тыфу ты, только и всего! Коли все на роду написано, так незачем и стараться, нечего и работать. Сложи руки и сиди, — пусть тебе лучше будет на роду написано спокойное сиденье. Эх-ма! Хо! хо! Все такие слова просто-напросто ни к чему. Сами люди плохи — в этом вся суть дела..

Однажды притащился из своей пещеры Гардинер. Он тоже был уже болен цынгой и едва держался на ногах. С великим трудом он добрался до шкуны, сел на постель Вильямса и горько заплакал.

— Братья! Друзья! — говорил он. — Я, я один виноват в ваших страданиях. Я пришел просить у вас прощения. Простите меня, Бога ради, простите, как Христос прощал!

— Что вы это выдумали, капитан? — воскликнул Пирс. — Да разве кто-нибудь вами недоволен? Мы вас любим и уважаем попрежнему.

— Все к одному пришлось, — сказал Вильямс. — Кто виноват? Кто не виноват? Я не знаю, как другие, а я этого решить не берусь. Разве мы к худому стремились? Разве мы не о благе людей думали? Разве мы не сделали, что могли? Как сумели, так и сделали. Каждый делал все, что мог. Нам не в чем себя упрекать. И вас тоже, дорогой капитан.

— А я иначе думаю, — сказал сурово Эрвин. — Правда-матка — первое дело. А когда люди на краю гибели, так о чем же им и думать, как не о настоящей правде? А она, по-моему, такова: мало у нас у всех знаний в голове. Дело-то делать мы собрались хорошее, а знаниями-то запаслись не как следует. Не сумели мы взяться за наше дело. В темноте мы к своей цели шли, ощупью. Вот и зашли в тупик. И вправду мы сунулись в воду, не узнавши броду. Здешних мест не знали, людей здешних не знали. Собирались другим помогать, а даже и себе самим не помогли. И только самих себя погубили. Ну разве можно другим помогать, коли себе не умеешь помочь?

— Все от доброго сердца действовали, — грустным голосом сказал Гардинер.

— Вот то-то и выходит, что одно доброе сердце еще ни к чему, — одного его, значит, мало. Нужно этому доброму сердцу оружие в руки дать, — сказал Вильямс. — А первое и главное оружие — знание. Эрвин правду говорит. Я согласен с ним в этом. А вас, дорогой капитан, я все-таки не виню и люблю вас попрежнему. Мы все виноваты — у всех у нас, быть-может, сердца-то добрые, а головы-то у всех темные. Сомерсет нам много правды говорил. Мы его плохо слушали. Мы его плохо поняли.

— И еще есть недостаток, — сказал Бадкок. — Простите, я человек темный, а все же думаю, что первое дело — себя отстаивать. Кто себя не отстоял, от того и другим проку мало.

Дальше бедняк не мог говорить. Гардинер наклонился над Бадкоком и нежно поцеловал его; затем он обнял Вильямса, Эрвина, Пирса, Бриана и, со слезами на глазах, отправился в свою пещеру.

Записки Гардинера.

Наступил июль месяц. Зима уже была в полном разгаре. Буря и мятели бушевали чуть не каждый день. Люди жили, как дикари, питались почти одними грибами да ракушками. Собирали их с великим трудом. Гардинер и Майдмент лишь изредка приходили на шкуну. Чтобы сократить как-нибудь время, Гардинер тоже стал писать дневник.

В пятницу 4 июля он писал: „Сегодня, после обеда, я кое-как добрался до шкуны. Видел Вильямса и других товарищей. Вильямс очень слаб, но все же он может хоть немножко освежать себя спом. Эрвин жаловался на боль в груди, но говорит, что сегодня ему немного лучше. Захворал Бриан. Бедняга сам больной, а заботится о Вильямсе и Бадкоке. Пирс жалуется на боль в ногах и руках и на слабость. Он хотел-было прийти к нам в пещеру вместе с Брианом. Я просил его не приходите. Ведь им и без того много дела: они заботятся о добывании еды, стряпают, ухаживают за больными. Без того у них работы выше головы и выше сил. Слава Богу, дикари к нам не приходят.

„Но мне и их жаль: надо полагать, эти несчастные существа тоже умирают с голоду. Их житье еще тяжелей, чем наше. Счастье их, что они в такому житию больше привыкли, чем мы. А мы ничем не можем им помочь. Пирс говорит: „Если бы теперь пришли дикари, они бы и нас съели с голодухи“. Быть-может, это и правда. Мы теперь уже не можем сдвинуть нашу шкуну с мели, не можем поднять якоря, не можем поставить парусов. Мы должны стоять на одном месте и ждать. Только ждать!.. Наша шкуна совсем не годится теперь для плавания. Мы почти два месяца не трогались с места. Многие наши вещи испортились или погибли. Наши запасы мяса и сухарей, какие мы привезли с острова Пиктона, кончились в среду. А мы очень берегли их и ели маленькими порциями. Вчера я убил случайно лисицу. Этот хитрый зверь повадился к нам в пещеру. Он стащил и съел мои старые сапоги, изгрыз кожаную куртку и даже утащил Библию в кожаном переплете. Мы разделили мясо лисицы и съели его. Пирс убил утку. У нас еще есть пол-утки, один фунт солонины, один фунт чая, кварта риса, две плитки шоколада, четыре кварта гороха и шесть мышей. Едим и мышей. Я устроил для них особую мышеловку, и она действует. Для нас мыши—лакомство. Их мясо очень нежно и на вкус походит на кроличье. Вчера попались в мышеловку три мыши. Я оставил их до утра. Утром хотел их убить. Смотрю—в мышеловке только два зверька, а от третьего только хвост остался. Две мыши съели ночью третью мышь! Что за гадость! После этого я долго не мог взять в рот мышинного мяса, несмотря на голод...

„Сегодня я чистил жилетку и нашел в одном кармане самородок золота и золотой песок. Это то самое золото, которое я подобрал в стране онасов. Я показал его Майдменту и сказал ему шутя: „Вот, Майдмент, что я нашел в стране онасов. Там золотые россыпи. Вернемся домой,—разбогатеем“. „Бросьте это золото в воду. Из него хлеба не испечешь и шубы не сошьешь, а нас не накормишь“,—сказал Майдмент. И я бросил золото в воду...

„Все мы страдаем без ропота и ждем смерти. Я желаю лишь одного: чтобы после моей смерти не погибло мое дело, и чтобы нашлись другие люди, которые бы приехали в эти края и распространили бы истинную христианскую веру в этой стране несчастных дикарей-язычников, устраивали бы из

них царство Божие и чтобы их таким способом и освободили из власти тьмы“.

Так писал в своем дневнике Гардинер.

* * *

А время шло да шло. Провизии стало еще меньше. Даже мыши куда-то исчезли. Все грибы поблизости были съедены, а ходить за ними по-дальше в лес никто не мог. Гардинер и его товарищи питались только тем, что выбрасывало море. Они собирали ракушек, ловили раков и крабов. Каждый день море выкидывало на берег все новые и новые ракушки; каждый день во время отлива они появлялись во множестве. В морской воде, около берегов Огненной Земли, живут миллионы миллионов их. Море населено в этих местах гораздо лучше, чем суша. Все морское дно усажено разными водорослями; все водоросли облеплены разными морскими существами, — там и раки, и слизняки, и каракатицы, и морские ежи, морские звезды, морские черви. Голодные, больные люди выползали во время отлива из своих убежищ и собирали на прибрежных скалах и песке себе еду. Но эта еда была очень не питательна. От нее цынга становилась только сильнее.

22 июля Гардинер писал в своем дневнике: „Вот уже шесть дней стоит дурная погода. Она не позволяет нам бывать на шкупе. Мы больны и совсем ослабели, так что уже не в силах итти туда под дождем и ветром. А ведь наверно голод мучает наших друзей еще больше, чем нас, потому что они слабее, а болезнь их зашла дальше нашей. Они не в силах иногда даже собирать ракушек. Я четырнадцать дней питался одними ракушками, а больше уж не мог. Я придумал варить из них суп, стал собирать на соседних скалах дикий сельдерей и кипятил его вместе с ракушками. А вот Майдмент неутомим. Он целый день бродит по берегу и собирает еду. Он же ходит за дровами и за водой. В нашей пещере постоянно должен гореть огонь, потому что погода стоит очень холодная. Майдмент удивительно добрый, хороший человек. Все, что может, он делает. Для дру их он делает больше, чем для себя. Одна беда: он очень мало знает и плохо смекает, и ничего не умеет“...

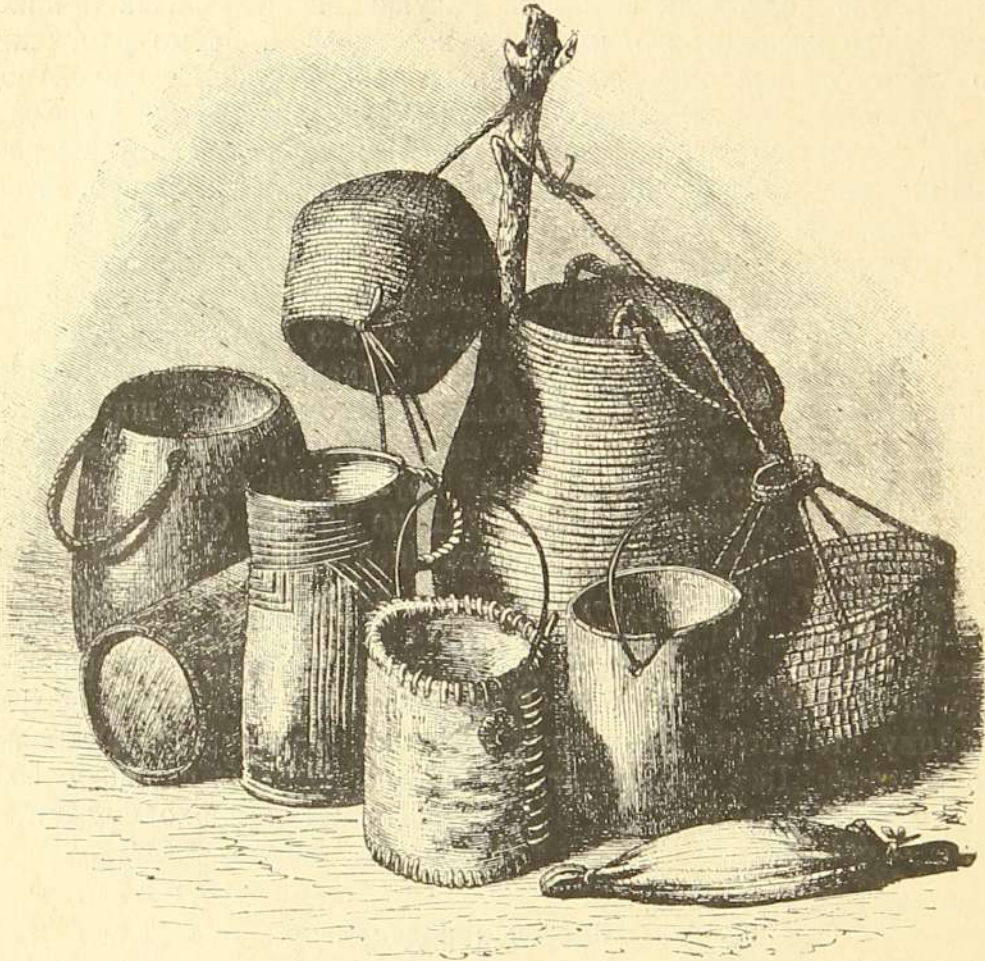
Смерть и радость.

Гардинер говорил правду: в это время на шкупе жилось гораздо тяжелее. Люди там уже умирали. 28 июля умер Бадкок. С великим трудом Пирс и Эрвин вырыли ему могилу в прибрежном песке и со слезами на глазах похоронили своего товарища. Не прошло и месяца после его смерти, — умер и сам Эрвин. Случилось это 23 августа. Пирс хотел-было вынести его тело со шкуны на берег, но у него не хватило на это сил. Пришел на помощь больной Бриан. Но они и вдвоем не смогли поднять тела Эрвина и вынести его из каюты на палубу. Больной, изможденный Пирс решил итти за помощью в пещеру к капитану Гардинеру и Майдменту. Больше двух часов он полз до пещеры. Гардинер уже не мог двигаться. Он лежал с распухшими ногами. Пришел один Майдмент. С великими усилиями Пирс, Бриан и Майдмент похоронили Эрвина.

Через три дня после этого умер Бриан. Его хоронили Пирс и Майдмент.

Гардинер писал в своем дневнике: „В среду, 3 сентября, Майдмент вернулся с морского берега ползком. Он был страшно измучен. Погода тогда

стояла самая скверная. Шел дождь со снегом и градом. Майдмент сел на землю и больше не мог встать. „Переселимся-ка лучше на шкуру, дорогой Майдмент“,—сказал я. „Это правда,—отвечал Майдмент,—там в каюте место для нас теперь освободилось“. Мы двинулись в дорогу. Я шел на костылях. Я уже давно так ходил, потому что распухшие ноги у меня очень болели. Костыли вырубил мне в лесу неделю тому назад добряк Майдмент. Но не прошли мы и сажени ста, как уж должны были остановиться. Я не мог идти дальше, Майдмент тоже. Повернули назад и кое-как доползли до своей

Посуда, изделие яганов.

пещеры. На другой день утром Майдмент все-таки пополз на берег собирать еду. Он вышел из пещеры и не вернулся. Весь день сегодня я лежу один. Я не ел ни кусочка. Я сам не могу двигаться. Воды нет. Я лежу и не знаю, жив ли Майдмент, или нет. Впрочем, голода я не чувствую. Боли тоже никакой нет. Я очень ослабел. Не могу даже повернуться на своей постели“.

Прошло еще несколько дней, а Майдмента все не было. В это время Гардинер писал: „Наверное, мой бедный Майдмент уже умер. Какое счастье для меня, что он вышел из пещеры. Ведь я не мог бы вынести отсюда и похоронить его труп“.

На другой день, в пятницу 5 сентября, Гардинер писал дрожащей и слабой рукой: „Я умираю, но я не голоден, хотя несколько дней ничего не ел. Я только хочу пить. Жажда меня ужасно мучает. Сегодня я лежал в полузабытии. Вдруг при входе в пещеру показалась старая якумуши,—та

самая, которой, я и Вильямс когда-то перевязывали раны. Я застонал и стал просить пить. Якомуши подбежала ко мне, посмотрела на меня своими дикими глазами и—поняла, что мне нужно. Она побежала к ручью и принесла мне воды. К счастью, при ней была какая-то посудина. Она поднесла воду к моему рту и тотчас же убежала. Она ничего не взяла из моих вещей. Она даже оставила около меня свою деревянную посудину, изделие своих рук. Как я был счастлив, когда пил воду из рук этой несчастной, жалкой старухи! Она ведь отплатила мне добром за добро. Значит, добро могут понимать и ценить даже самые дикые люди на земле. Нужно только уметь к ним подойти. Теперь я умираю спокойно. Я верю, что все люди—люди, даже самые дикие. Я не чувствую ни голода, ни жажды, хотя... неизвестно... сколько дней я не ел... Добрый мой Майдмент... друзья мои Вильямс, Пирс“...

Больше ничего не написал Аллен Гардинер. 6 сентября 1851 года он умер.

А корабли попрежнему не было.

Еще смерть и смерть.

Что же было с остальными товарищами? Майдмента уже не было в живых. Он умер еще раньше. Вильямс совсем умирал, задыхаясь в душной, сырой и холодной каюте на шкуне. Рядом с ним сидел умирающий Пирс. Вильямс лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

— Что же, мой друг Пирс,—спрашивал Вильямс слабым голосом.— Посмотри хорошенько в окошко, нет ли там какого-нибудь корабля? Голубчик, Пирс, посмотри...

— Корабли нет,—говорил Пирс.—Но это ничего, он скоро покажется. Быть-может, мы и доживем до него. Потерпите! Все устроится к лучшему,—берите пример с меня. Коли мы станем унывать, какой от этого будет прок? Помните... мою песенку,—хорошая... песенка:

Я: до... волея бе... белым... светом...
Для меня он—тот же... дом,
Эка ва... важность, что при... при этом
Нет... ни стен, ни... кры... крыши... в нем,
Что тепло... в нем... то... только ле... летом.
Что свет... до... в... нем... то... только... днем...

Бедный Вильямс не слышал уже конца этой песенки. Он был мертв.

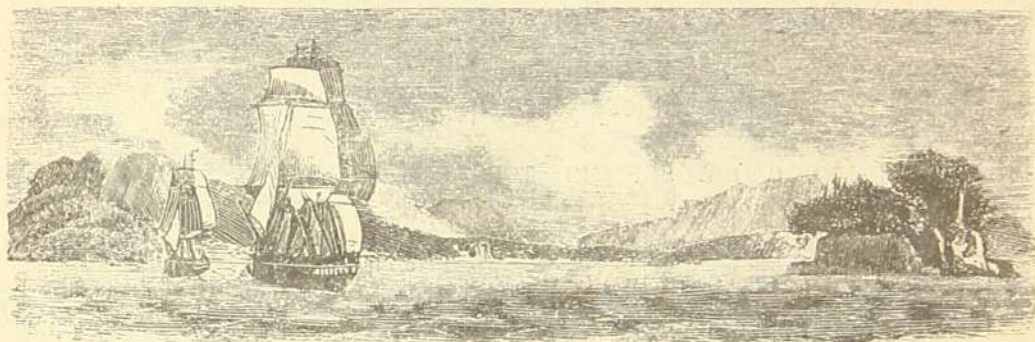
В тот же день пришел конец и Пирсу. Около полудня появились откуда-то дикари. Целою толпою окружили они шкуну, взобрались на палубу, проникли внутрь, в каюту. Они были голодны и потому злы. Они принялись шарить по сундукам и ящикам, не попадетс ли какой-нибудь еды. Нигде никакой еды не было. От всех запасов остался лишь небольшой мешочек с рисом. Дикари не поняли, что рис—тоже еда, и выбросили его в воду. Пирс хотел-было вырвать из рук дикаря этот мешочек. Ведь это была его последняя еда. Ведь ею он мог еще питаться и прожить несколько дней. Пирс ухватился за мешочек обеими руками и не выпускал его. Дикарь рассвирепел. Он схватил каменный топор и что есть силы ударил Пирса по голове. Бедняга, обливаясь кровью, упал на палубу.

Помощь опоздала.

А в это самое время к острову Пиктону шел на всех парусах английский корабль. Он шел на помощь к Гардинеру и его товарищам. Помощь приближалась. Она была уже близко.

Английским кораблем командовал капитан Смилей. Этот корабль должен был во что бы то ни стало отыскать Гардинера и его товарищей и спасти их.

Гардинера не забыли его английские друзья и знакомые, а также капитан Купер и доктор Сомерсет. Они написали в газетах, что Гардинер отправился в дикую страну очень налегке, и что у него мало провизии и мало припасов, и что ему необходима помощь возможно скорее.

На помощь к Гардинеру.

Но каким же способом ему помочь? Ведь для этого нужно плыть на Огненную Землю за целые тысячи верст,—а для этого нужны корабли и нужны деньги. А денег на такое дело ни у кого не было. Никто не хотел их давать. Нанять особый корабль было не на что. Ни один капитан не соглашался плыть к Огненной Земле даром и даже за дешевую плату, особенно же зимою, в бурное и опасное время года.

Наконец нашелся один добрый человек, американец. Он снарядил корабль на свои средства и послал капитана Смилея на остров Пиктон.

21 октября 1851 года капитан Смилей уже был на острове Пиктоне.

Там, на самом берегу моря, Смилей увидел деревянный столб, а на нем надпись: „Копайте тут землю.“ Стали копать землю, нашли бутылку, а в бутылке—записку Гардинера. В записке говорилось, куда плыть и где искать Гардинера и его товарищей.

Капитан Смилей тотчас же направил свой корабль в Испанский порт.

Погода была в этот день особенно пасмурная. Тучи висели очень низко и сыпали мелким дождем и снегом. Стоял густой туман. И берег, и лес, и горы тонули в тумане. Такая погода наводила грусть и тоску на капитана Смилея и матросов, когда они высаживались на берег.

Там, в устье реки Кука, недалеко от моря, капитан Смилей увидел шкуну. Она попрежнему стояла на якоре около самого берега. Недалеко от шкуны, на берегу, лежал голый человеческий труп, а недалеко от него—другой труп, в одежде. Это были тела Бриана и Вильямса. Дикари сняли с Вильямса всю одежду и бросили его тело на берегу. Но, несмотря на свой

голод, дикари почему-то не тронули белых покойников, не съели их... Тело Бриана было наполовину засыпано землей. Волны прилива размыли землю, которая покрывала его. Оба трупа имели страшный вид. Они сильно испортились, а один был даже обглодан лисицами. На шкуне лежал труп Джона Пирса. На лбу и на затылке у него чернели две огромные раны. Около него валялись листки бумаги. Это был тот самый дневник, который Вильямс писал до последних минут своей жизни. Дикари разорвали его по листкам и бросили. Тут же валялись листки разорванных книг Библии, Евангелия, творений Святых Отцов. На прибрежном песке были видны следы дикарей.

А где были трупы Гардинера, Майдмента, Эрвина, Бадкока? Капитан Смилей не нашел их. Иные были в могилах, под прибрежным песком. И ветер, и волны давно уж заравняли эти могилы. Труп Гардинера лежал в двух верстах от шкуны, в пещере, а труп Майдмента—сажених в ста от нее.

Моряки вырыли недалеко от берега три глубокие ямы и похоронили в них тела Пирса, Вильямса и Бриана. Обрывки дневника Вильямса были тщательно собраны и увезены в Англию. По ним-то и написана эта книжка.

Месяца через три после того, в январе 1852 года, пришел к Испанскому порту еще один английский корабль. То была „Дидона“, которою командовал капитан по фамилии Моршед. Два офицера с этого корабля отправились на берег. Они хотели во что бы то ни стало найти тела Гардинера, Майдмента и других двух товарищей. Скоро они увидели шкуну „Успех“, которая попрежнему стояла на старом месте, как ее там оставил капитан Смилей. Стали обыскивать соседний берег. Верстах в двух от шкуны моряки увидели пещеру, а в ней тело Гардинера. А недалеко от нее, у подножия скалы, тело Майдмента. Он сидел, скрючившись от холода и скрестив руки на груди.

Так окончилось неудачное путешествие Гардинера и его товарищей на острова Огненной Земли, к самым диким людям на земле.

Заключение.

По следам Гардинера.

Прошли года. Прошло много лет. О приключениях Гардинера писали в газетах. Печатали его жизнеописание. О Гардинере скоро узнал весь свет. Но прошло пять лет, прошли еще годы, и мало-по-малу о нем забыли.

Неужели же его труды и страдания пропали даром? Неужели он и его товарищи погибли бесплодно? Неужели не вышло никакой пользы от них самым диким людям на земле? Неужели не нашлось больше на всем свете таких людей, которые пожелали бы идти по следам Гардинера и, по мере сил, помогать самым диким людям на земле?

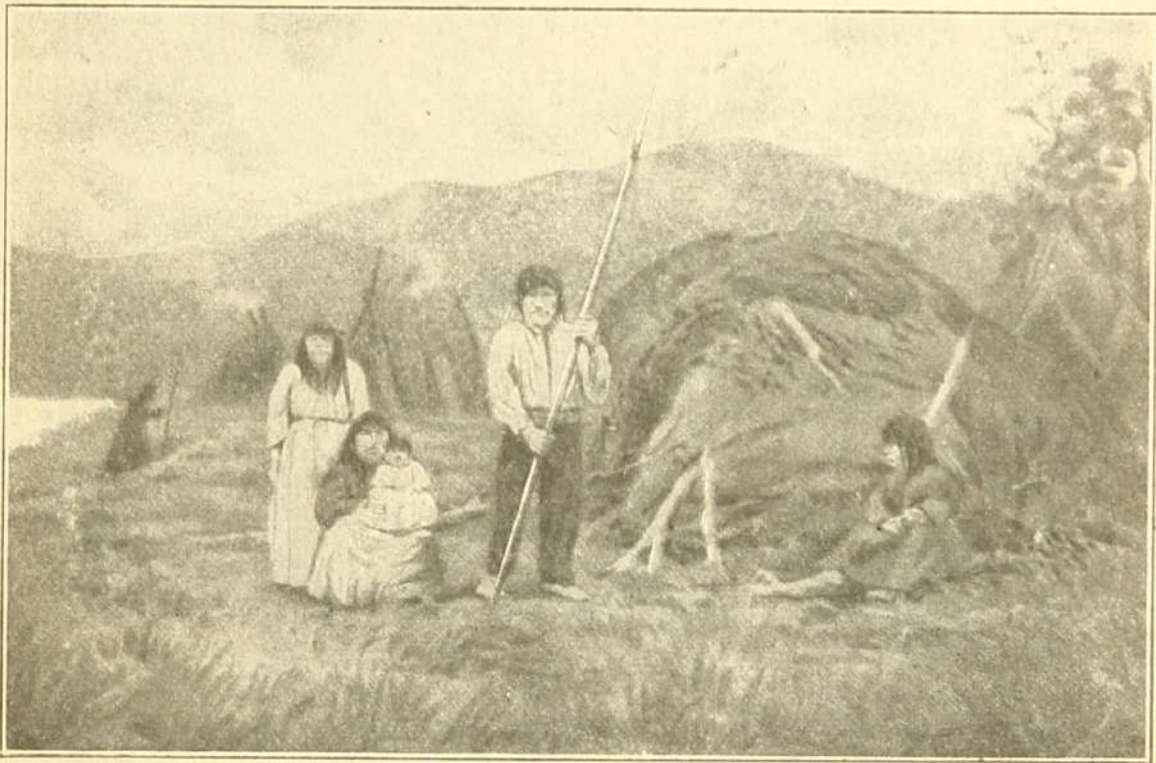
Нет, нашлись и такие люди. Они тоже приехали на острова Огненной Земли, чтобы проповедывать среди дикарей христианскую веру и учить их разным искусствам и наукам. Так, например, в 1859 году поселились на острове Наварине христианские проповедники. Но их поселение там было тоже очень неудачно. Напали на них дикари и перерезали и истребили всех проповедников.

Прошло после того много лет. И вот, вместо убитых проповедников, пришли новые. Они пришли на больших кораблях, а с ними были матросы, у матросов же были ружья; проповедники эти построили крепкие дома, а у домов расставили часовых с ружьями. Появились также проповедники и на Большом острове Огненной Земли, где живут дикари онасы; появились проповедники и на западных островах, где живет племя алаколуфов, и на островах южных, посреди дикарей яганов и чоносов. Проповедники научились тем языкам, на которых говорят дикари, и стали проповедывать им слово Божие на диком языке. Трудно было переводить и проповедывать, потому что на языке дикарей вовсе не было очень многих слов, какие есть в Евангелии. Приходилось выдумывать новые слова, а эти новые слова были непонятны дикарям, да и все Евангелие было непонятно.

Все же дикари валили к проповедникам целыми толпами. Они слушали их речи и при этом кричали: „Яммершунер! Яммершунер!“ Но все же на этот раз дикари уже не осмеливались нападать на проповедников, потому что у тех были солдаты, а у солдат ружья.

Проповедники говорили дикарям о Христе, о его кротком учении. О том, как Он велел любить всех людей, всем прощать и никому не делать зла. И даже не желать его делать. И как Христос не велел никого и никогда

убивать. Дикари слушали высокие речи проповедников, смотрели на солдат с ружьями и ровно ничего не понимали. Непонятны им были эти речи. Непонятны они были особенно потому, что иногда и кое-где после таких-то самых речей и стреляли солдатские ружья,—стреляли и убивали несчастных дикарей. И те ничего не могли поделать против этих ружей со своими каменными стрелами, копьями, топорами и пращами. Иные дикари даже не понимали, как это „огненная палка“, то-есть ружье, может разить издалека. Они по-своему поняли слова христианского Священного Писания. А поняли так: нас-то, дикарей, убивать можно, а вот нам сказано и приказано „не убий“. Дикари волей-неволей присмирели. Но надолго ли?

Яганы после поселения среди них европейцев.

Как ни как, проповедники стали приручать к себе дикарей всякими способами. Они устроили для них жилища, сшили одежду, стали кормить и поить дикарей досыта.

Все это дикари поняли. Им очень понравилось, что им дают одежду и еду. Дикари брали все, что им давали. Брали и просили еще: „Яммершунер! Яммершунер!“

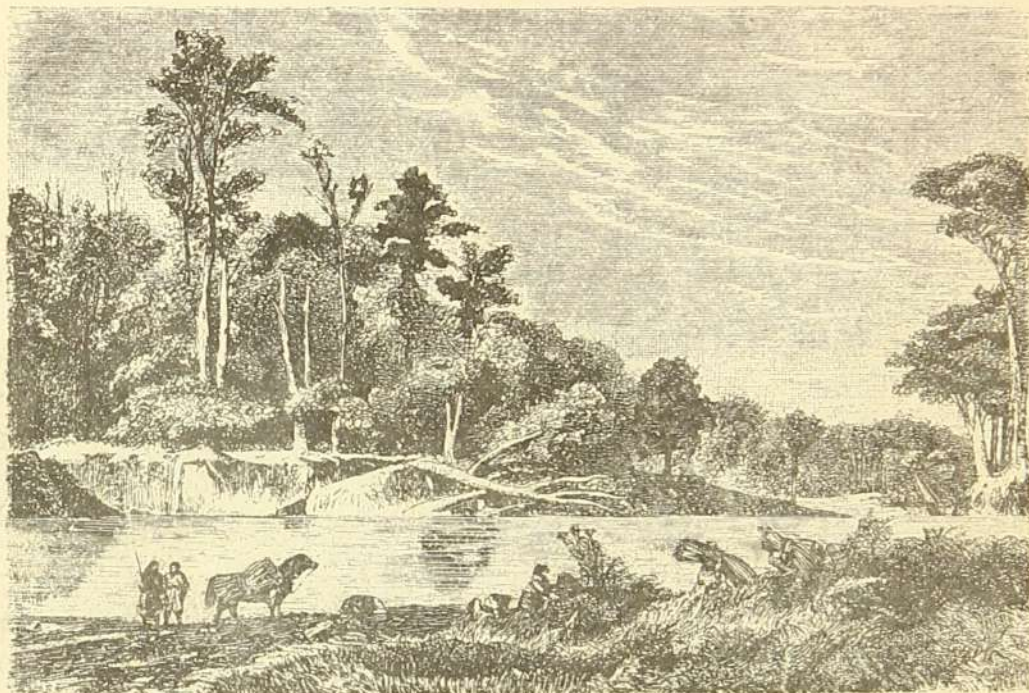
Тогда проповедники сказали дикарям:

— Хорошо, мы вам дадим все, что вам нужно, — только живите около нас, уйдите из вашей пустыни и из ваших селений, примите нашу веру, и делайте все, что мы будем вам говорить и чему учить.

Некоторые дикари послушались и пошли к проповедникам, но таких было, впрочем, не много. Не все дикари их послушались, потому что не все им поверили. Проповедники выстроили для них еще дома, и больницы, и школы.

Как бедные дикари стали еще беднее?

Все шло, как по маслу, и словно по-хорошему. Но вот что было не хорошо. Проповедники поселились как раз на земле дикарей. На той самой земле, где дикари охотились и с которой питались. Проповедники выстроили на этой земле свои дома, завели свои поля, свои пастбища; они развели много разного скота на Большом острове, — и овец, и быков, и коров, и лошадей. А для больших стад скота понадобились большие и пастбища. Проповедники

Колонисты на острове Наварине.

взяли их себе и сделались настоящими помещиками. У них стало земли много, а у дикарей мало. Они разбогатели, а дикарям стало нечем жить. Негде было дикарям даже охотиться. И дикари снова сами обеднели, изголодались.

Между тем к проповедникам на подмогу приехали из-за моря белые поселенцы-колонисты. Эти уже ни о каких проповедях даже и не думали. Они вовсе даже не заботились о спасении душ каких-то там дикарей; они заботились просто-напросто о своем кармане, о своем собственном удобном и сытом житье. Поэтому еще тесней, еще тяжелей стало жить бедным дикарям. Колонисты стали охотиться на тюленей, на морских выдр, на лисиц, на гуанак и истребляли их десятками. Охота колонистов шла хорошо, зато после нее еще трудней стало дикарям охотиться на зверей. И дикари стали голодать еще больше, потому что не стало у них ни земли, ни еды.

Поселенцы-колонисты нашли золотые россыпи на Большом острове Огненной Земли. Слух об этом быстро разнесся по всему свету. Потянулись со всех концов света разные золотоискатели на Большой остров и принялись там за добывание золота. И еще тесней стало дикарям.

Вот что случилось на островах Огненной Земли лет тридцать спустя после смерти Гардинера и его товарищей.

И это случилось со всеми дикарями, старинными жителями и владельцами этих островов, — и с онасами, и с алаколуфами, и с яганами, и с чоно-

сами. И всем им стало еще тяжелее жить на свете, и они не знали, куда деваться. До этого времени они думали, что земли — ничья, и что она для всех, как и солнечный свет, и тепло, и воздух, и вода. А тут белые люди стали говорить дикарям, что это неправда, что земля — их, этих самых заморских пришельцев, только не самих дикарей. Белые говорили: „вы, дикари, не знаете, что такое собственность, а мы знаем“.

Онасы не выдержали и стали охотиться на овец и коров, как на диких гуанак. На овец и коров этих самых заморских пришельцев. Этим колонисты и проповедники остались очень недовольны. И стали всею своею силою защищать свои стада, и стали охотиться на самих дикарей.

Тогда онасы волей-неволей начали войну с колонистами, потому что больше ничего не оставалось делать. Онасы стали воевать за свою жизнь, за свои пустынные степи, и за стада гуанак, и за всякую другую дичь, какая на их земле жила. Белые люди тоже не остались в долгу — и стали расстреливать дикарей из своих дальнбойных ружей. Худо пришлось дикарям, — и яганам, и алаколуфам. Когда-то эти дикари охотились в лесах и думали об этих лесах, что и они ничьи, как все прочее — и небо, и воздух, и солнечное тепло, и свет. А белые поселенцы взяли эти леса себе и стали их рубить на дрова да на постройку домов; они стали нагружать срубленные деревья на корабли и увозить их за море. И исчезли большие леса, а без них пришел конец и дикарям, а когда не стало еды, поневоле стали вымирать и люди. Дикари пробовали защищать свои леса, но колонисты и их стали расстреливать из своих ружей.

Как и почему дикари стали переселяться... с этого на тот свет?

Сотни и тысячи дикарей погибли под пулями белых людей. Другие убежали, попрятались в дикие пустыни и умерли там от голода. Третьи пришли к проповедникам и стали жить вместе с ними. Но таких было не много, очень не много, и дикари эти стали делать все, что им приказывали проповедники. Эти дикари перестали ходить голышом, обстригли свои волосы, поселились в деревянных домах, бросили все свои старые обычаи, стали заучивать и повторять, словно попугай, все те слова, какие им было велено говорить. Эти дикари жили с проповедниками, слушали, как те разъясняли им Христово Евангелие, а понимали его еще меньше прежнего. Не могли дикари взять в толк: кого же именно велел любить Христос: не этих ли самых поселенцев с ружьями? Не этих ли проповедников, которые привели сюда поселенцев, им дорогу сюда показали? И за что любить? И как любить? Дикари никак не подумали, почему это проповедники говорят слова-то хорошие, а дела делают худые? И почему это проповедники не встанут на защиту дикарей от солдат и от колонистов, и от их дальнбойных ружей? Кормить дикарей — кормили, да и обижать — обижали. Кормили сотню или две, а обидели и истребили тысячи. И никакого удерку не было этим обидчикам и истребителям, и их бы и нужно было прежде всего обуздать. Не понимали дикари, равно ничего не понимали... А вот проповедники понимали, что говорится в Евангелии, и учили ему дикарей. А дикарям и места не стало на белом свете; все они сделались как бы лишними. Им приходилось только умирать. И они умирали.

Пятьдесят лет тому назад онасы, алаколуфы и яганы считались тысячами, а теперь они считаются сотнями. В 1884 году осталось онасов всего 949 человек, а через 7 лет, то-есть в 1890 году; их было всего человек 300. Остальные все вымерли. Еще больше вымерло алаколуфов и яганов.

Сильно помогли их вымиранию и разные заморские болезни. Проезжие моряки занесли на острова Огненной Земли оспу, чихотку и другие страшные болезни белых людей. До того времени таких болезней на островах Огненной Земли не было. Эти болезни распространились среди дикарей и много народу унесли в могилу. От болезней умерло дикарей не меньше, чем от голода и от пухля.

Проповедники с великою любовью ухаживали за больными дикарями и лечили их в своих больницах. Как же было их не лечить? Ведь „проповедники — христиане“. Не их, мол, вина, что несчастным дикарям не помогали ни лечение, ни больницы, ни хороший уход, ни лекарства, — ведь они, проповедники, — люди добрые, они знают, как утешать несчастных, облегчать страждущих, лечить больных. Проповедники всячески старались для дикарей

Современный яган со своим семейством.

А дикари вымирали да вымирали. А умирая, они вспоминали о своей старинной дикой жизни, о густых непроходимых лесах, о неприветливых берегах, о ракушках, о пустынных равнинах, о стадах гуанаков...

И эта их дикая жизнь была им куда милей, чем христианский уход за ними „добрых отцов-проповедников“. А те грустно глядели на умирающих дикарей и только покачивали головами, молились о спасении их душ и говорили:

— Эти люди — самые дикие люди на всей земле. Потому они и не понимают нашей доброты. Они упорны, они нераскаянны. Они очень глупые христиане. Христианство у них только снаружи, а внутри все они попрежнему дикари. Как волка ни корми, а он все в лес глядит.

Конец венчает дело.

И не стало в конце концов прежних дикарей на многих островах Огненной Земли. Все они или вымерли, или переменились, бросили свою прежнюю жизнь. Чтобы не умереть с голоду, иные сами пришли к колонистам и стали просто-напросто наемными рабочими в их усадьбах и домах. И белые колонисты, и проповедники брали этих дикарей себе в поденщики и говорили при этом: „Нужно же им помочь. Ведь без нашей помощи эти дикари совсем с голоду помрут“. А в награду себе, за свою доброту, колонисты стали пла-

тить дикарям самое маленькое жалованье. Дикари стали проводить дороги, осушать болота, рубить свои же леса. За двухнедельную работу их хозяева давали им вместо жалованья холстинковую рубаху или жилетку. Случалось иногда, — какой-нибудь дикарь хотел креститься, переходил в христианскую веру. За это каждые шесть месяцев ему делали какой-нибудь подарок. Благодаря таким подаркам, крестилось не мало дикарей; иные даже крестились по два и по три, и даже по четыре раза, лишь бы получать каждый раз подарки. А когда их спрашивали, кто такой был Христос, новокрещенные отвечали: „Это был такой высокий белый человек, — головою Он был выше неба. Он мог летать по воздуху и ходить по воде. Он рассердился и улетел на тот свет“.

Нынешние жители Огненной Земли — просто-напросто остатки прежних. Они совсем уже не похожи на самых диких людей на земле. Они носят английскую одежду, шляпы и сапоги. Они говорят на английском и испанском языках. Иные учатся в школах, гимназиях и даже университетах. И учатся не хуже других народов и племен. Бывшие дикари переняли чужие нравы. Иные даже говорят только на английском или на испанском языке, а свой родной язык вовсе забыли. Они нанимаются в охотники, в рыбаки, в гребцы и трудом рук зарабатывают хлеб свой. Но кто их нанимает к себе на работу, тот и до сего времени платит им жалованье раза в три меньше, чем белым работникам. Ведь на то они и „самые дикие люди на земле“.

Теперь насчитывается на Огненной Земле всего лишь человек двести-триста онасов, да человек двести-алаколуфов и яганов. Да и те не чистой крови.

Но вот что удивительно. Есть и до сих пор несколько десятков человек упорных дикарей; они живут в пустынях и лесах и не хотят знать никакой другой жизни. Эти дикари убежали тайком в пустыни. Иные из них убежали даже из больницы, убежали тяжело больные, только бы жить в своих прежних пустынях, и лесах, и степях. А еще удивительнее то, что эти тяжело больные дикари там скоро оправились от своих болезней.

На Большом острове Огненной Земли выстроен теперь город. Называется он Ушойа. В нем есть человек 900 жителей. Все они или купцы, или солдаты. В этом городе устроен паровой лесопильный завод. Недалеко от западного конца Магелланова пролива есть еще городок Провенир, а посредине того же пролива стоит самый большой город тех мест, Пунта Арена. Живут теперь белые поселенцы и на острове Пиктоне, и на острове Наварине, — в том самом месте, где гниют в земле кости Гардинера и его товарищей.

В этом самом месте поставлен каменный столб, а на столбе сделана такая надпись золотыми буквами:

„Этот столб сооружен в память проповедников-мучеников, капитана Аллена Гардинера, Джона Майдмента, Иосифа Эрвина, Джона Бриана, Джона Пирса, Джона Бадкока. После великих трудов и лишений погибли они на этом острове. Своею жизнью они старались послужить добру. Они надеялись своими страданиями облегчить жизнь самых диких людей на земле и просветить их светом истинного учения. Они умерли между 28 июля и 6 сентября 1851 года. Их останки лежат недалеко отсюда“.

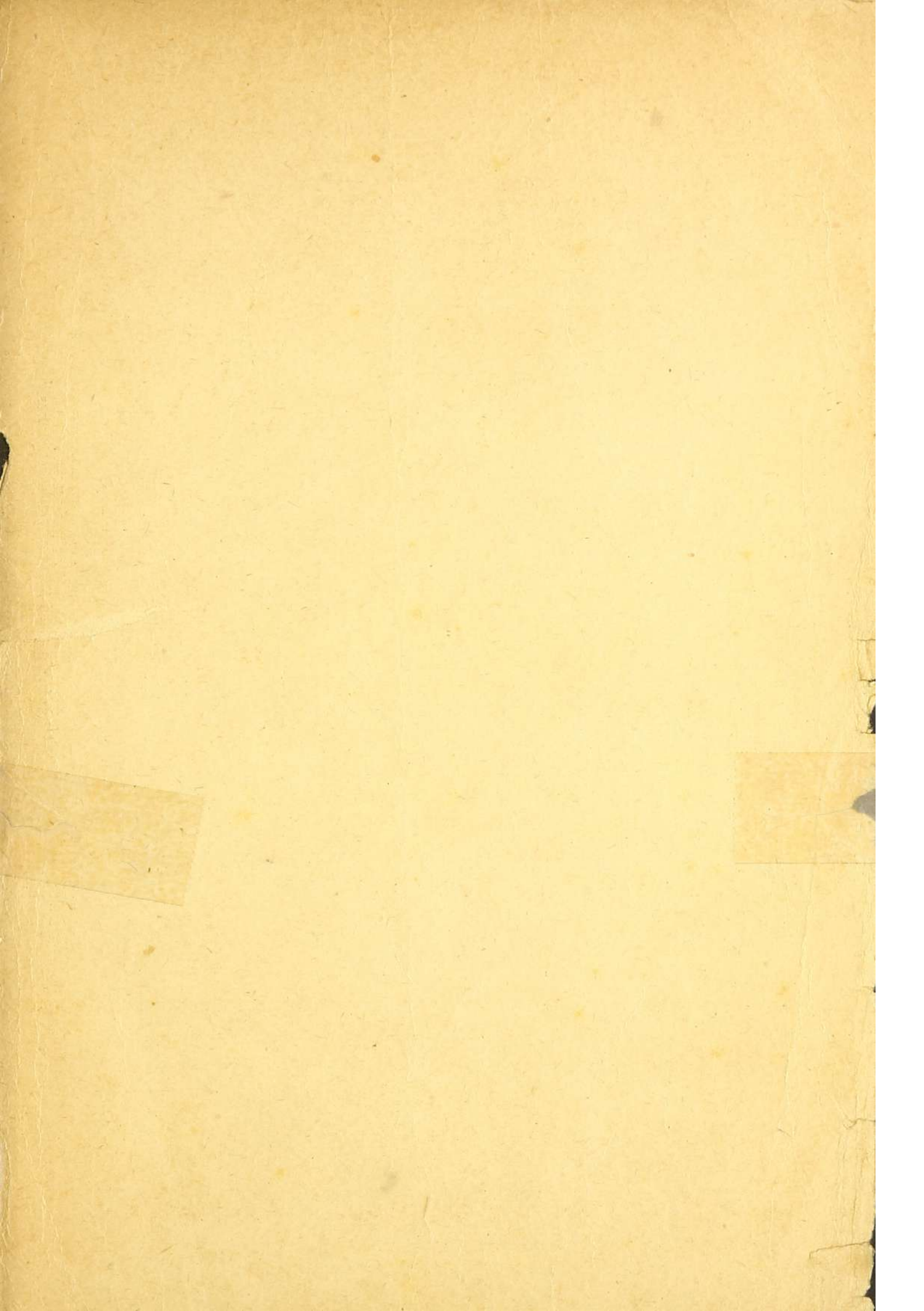
А что сказал бы Аллен Гардинер и его товарищи, если бы они встали теперь из своих могил да посмотрели бы на нынешнюю Огненную Землю и на нынешних дикарей?

Сделано их заветное дело или не сделано?

Погибло или не погибло оно с их смертью?

То ли же самое вышло из него, о чем думал и мечтал Гардинер и его друзья?

И могло ли выйти из их стараний что-нибудь иное? Правильно или неправильно говорил Соммерсет Гардинеру: „Идите не к обиженным, а к их обидчикам. Их учите и им проповедуйте. Коли вы сами хороши — вы погибнете. А коли сами вы не хороши, то погубите дикарей“... Гардинер и его товарищи погибли. Помянем же хоть за это всех их добрым словом.

Цена 24 руб.

Государственное Издательство

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКС.
ПЕТРОГРАД, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 29.

